ҚР МӘДЕНИЕТ ЖӘНЕ АҚПАРАТ МИНИСТРЛІГІ

BOZOQ
muzei - qoryq

Ә.Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

Қазақ даласындағы үй құрылысы: дәстүрлері мен ерекшеліктері

Домостроение в Казахской степи: традиции и особенности

Астана, 2023

УДК 902/904
ББК 63.4

Бас редактор/ Главный редактор:
С. Бурбаева

Жауапты редакторлар/ Ответственные редакторы:
А. Ганиева
С. Сакенов

Рецензенттер/Рецензенты:
ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы, профессор Ж. Таймагамбетов
Тарих ғылымдарының кандидаты, ассоциациаланған профессор А. Онғар

Қазақ даласындағы үй құрылысы: дәстүрлері мен ерекшеліктері: халықаралық дөңгелек үстел материалдар жинағы. – Астана, 2023. – 170 б.
Домостроение в казахской степи: традиции и особенности: сборник материалов международного круглого стола. – Астана, 2023. – 170 с.

ISBN 978-9965-23-628-0

Жинаққа отандық және шетелдік ғалымдардың қола дәуірінен бастап қазіргі уақытқа дейінгі қоныстану ескерткіштерде жүргізілген зерттеулеріне арналған ғылыми мақалалары енді. Соңғы онжылдықтарда қоныстану археологиясы барлық дәуірлердің ескерткіштерінде белсенді зерттеліп келеді, сонымен қатар ежелгі тұрғындардың күнделікті өмірі мен шаруашылығын қалпына келтіруде айтарлықтай жетістіктерге жетті. Ұсынылған мақалаларда стационарлық құрылымдардың эволюциясы мен типологиясы, құрылыс ісінің деңгейін анықтауға және әлеуметтік-экономикалық даму дәрежесін бағалауға болады.

Басылым археологтарға, этнографтарға, тарихшыларға, гуманитарлық мамандық магистранттары мен докоранттарға арналған.

В сборник вошли научные статьи отечественных и зарубежных ученых, посвященные исследованиям, проведенным на поселенческих памятниках с эпохи бронзы до нового времени. Активное исследование поселенческой археологии в последние десятилетия достигла значительных успехов в воссоздании быта и хозяйства древних жителей. В представленных статьях можно проследить эволюцию и типологию стационарных сооружений, уровень строительного дела и оценить степень социально-экономического развития.

Сборник предназначен для археологов, этнографов, историков, магистрантов и докторантов гуманитарных специальностей.

ӘОЖ 902/904
КБЖ 63.4

ISBN 978-9965-23-628-0

© «Бозоқ» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы», 2023
© Мақала авторы, 2023

МАЗМҰНЫ

Алғы сөз 4

Кызласов И.Л.
К истории пратюркских и казахских жилищ 6

Горячев А.А.
Вопросы происхождения юртообразных жилищ в горной зоне Жетысу 52

Сакенов С.К.
Жилища круглой формы позднебронзового века (по материалам поселения Шагалалы II) 64

Лошакова Т.Н.
Домостроительные традиции населения эпохи бронзы Северо-Восточного Прикаспия 69

Ярыгин С.А., Сакенов С.К., Ильдеряков Н.Н., Сатубалдина А.Д.
Поселение Сандыктау на карте памятников бронзового века региона 78

Сакенов С.К., Ильдеряков Н.Н., Ярыгин С.А., Лапин Н.С., Сатубалдина А.Д.
Границы мира живых и мертвых на примере соотношения поселения и могильника Сандыктау 83

Біләлова Г.Д.
Сарыарқаның ортағасырлық қалашықтары 98

Артықбаев Ж.О.
Қазақ шошаласы: түрлері, қызметі, генезисі және қазіргі жағдайы 109

Ганиева А.С.
Традиции казахского домостроения в Северной Сарыарке (по материалам казахской зимовки Бозок II) 115

Ошанов О.Ж.
Жетісу қорғандары – отырықшылық мәдениеттің түп негізі 125

Дукомбайев А.Т., Сапарова К.С.
Картографирование оседлых памятников скотоводов северной Сарыарки 129

Аканов К.Г.
Открытие городища Бозок в истории формирования Астаны в процессе нациестроительства независимого Казахстана 136

Құрманиязов Ы.С., ШақшақовҚ.Ғ. , Абильмаликов К.Г., Тихонов Ю.Б.
Ботай қонысындағы ашылған үйлер орындарын сақтау және музейлендіру тәжірибесі 142

Пересветов Г.Ю.
Проблемы сохранения памятников археологии Павлодарского Прииртышья 152

Амиров Е.Ш.
Сакрализация памятников поселенческого типа в казахской степи 155

Кунанбаева Ш.Б.
К вопросу о реконструкции казахских зимовок в виде средового музея 158

Тажекеев А.А. , Дарменов Р.Т. , Султанжанов Ж.К.
Организация охранной зоны и консервационные работы на средневековых памятниках Восточного Приаралья 162

Алғы сөз

«Бозоқ» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы ҚР Мәдениет және ақпарат министрлігінің мақсатты-қаржыландыру бағдарламасы аясында 2021-2023 жылдары 2 археологиялық ғылыми зерттеу жобасын іске асырды. Жобалар Солтүстік Сарыарқа өңірінде орналасқан Бытығай ескерткіші мен Бозоқ II қазақ қыстауын зерттеуге бағытталған.

Ғылыми бағдарламаларды жүзеге асыру "Бозоқ" музей-қорығының негізгі ғылыми–іздестіру жұмыстарымен тікелей байланысты. Музей-қорықтың басты мақсаты Қазақстан территориясындағы хронология бойынша әр дәуірдің көрікті қоныстану кешендерін ашық аспан астындағы музейде қалпына келтіру болып табылады. Осыған байлыныстығылыми жобалардың мақсаты Солтүстік Сарыарқа жеріндегі стационарлық кешендерді зерттеуге бағытталған. Археологиялық қазбада алынған материалдар нәтижелерінің реконструкциялары жасалып, келешекте музейдің далалық экспозияларында тамашалауға болады.

Отандық ғылымда археологтар қоныстану ескерткіштерін зерттеу бойынша айтарлықтай дереккөздер жинақтады. Бүгінгі таңда музей экспозицияларында және 3D бейнелеу үшін ежелгі тұрғын үйлердің қалдықтарын қалпына келтіру мәселесі өткір тұр. Бұл зерттеулер ежелгі ұжымдардың әлеуметтік ұйымының мәселелерін зерттеумен қатар, шаруашылық түрлерін анықтауға мүмкіндік береді.

Мәденигенезисті өзектендіру процессінде эксперименттік модельдеу негізінде археология нысандарды тарихи қалпына құру археологиялық тәсілдерді таңдаумен байланысты теориялық мәселелерді одан әрі пысықтауды талап етеді, біздің жағдайда – ежелгі қоныстар, сарайлар мен ғибадатханаларды нақты көлемде қайта құру. Стационарлы құрылыстардың реконструкциясы, оның тек интерьері мен өзіндік аурасы ғана емес, сонымен қатар дәстүрлі мерекелерді ұсыну үшін мәдени кеңістік ретінде пайдалануға мүмкіндік береді. Осындай жобалар қазіргі қоғамның дамуындағы маңыздылығына, тарихи-мәдени мұраны зерттеу мен музейлендіру өзгерістермен қатар, мәдени ортаға енуге, оны "жандандыруға" байланысты.

Жинақты белгілі түркітанушы, археолог, тарих ғылымдарының докторы, профессор Игорь Кызласовтың «К истории пратюркских и казахских жилищ» атты мақаласы айқара ашады. Мақалада Оңтүстік Сібірдің алтай мәселесінің мәдени және этникалық тарихы мен ежелгі түркілердің тұрғын үйлерінің бастапқы белгілерін іздеу, сонымен қатар түркі дәуіріне дейінгі тұрғын үйлердің ерекшеліктерін қайта құруы ұсынылған.

А. Марғұлан атындағы Археология институты ғалымдарының (А. Горячев, Т. Лошакова, С. Сакенов, С. Ярыгин) бірқатар мақалалары қола дәуірінің мәселелерін зерделеу мен тұрғын үйлерін қайта құруға арналады. Авторлар әдістемелік талдау негізінде нақты ғылыми материалдарды қолдана отырып, қола дәуіріндегі адамдардың тұрғын үйі мен өмірін қайта құруда жетістіктерге жетті.

Ортағасырлық Бозоқ қалашығының тұрғын үйлерінің жоспарлау құрылымы мен сәулеттік ерекшеліктеріне К. Ақышев атындағы археология ҒЗИ директоры М. Хабдулинаның мақаласы арналған. Бозоқ қалашығының тарихы мен тұрмысын қайта құру бүгінде "Бозоқ" ұлттық паркін құру жобасы аясындағы музейлендірудің өзекті міндеттерінің бірі болып табылады.

Профессор Ж. Артықбаевтың мақаласы қазақтардың шошала тарихына, түрлеріне, этимологиясына экскурс жасайды. Елімізде сақталған шошалаларды ашық аспан астындағы музейлер аясында сақтауға ұсыныстар көтереді.

Отандық ғылымдағы қазақ үй құрылысының тарихын зерделеу ғылыми ізденістің маңызды бағыттарының біріне айналуда. Жинақта Астана маңындағы Бозоқ II қазақтың байырғы қыстауының зерттеу нәтижелеріне А. Ганиеваның мақаласында жарық көрді.

О. Ошановтың мақаласында Жетісу өлкесіндегі қазақ қорған құрылыстарының маңызы алғаш рет қарастырылады. Оның сақталған ерте уақыттағы түрлері, орналасқан жерлерінде ортағасырда қалалар пайда болғанын сипаттайды.

Заманауи Астана қаласының егемен еліміздің ұлтқұрушылық процессінде алатын тарихи орнына байланысты тарихнамалық талдау Қ. Ақанов мақаласында зерттелді.

А. Дукомбайев және К. Сапарова – жас ғалымдардың мақаласы Ақмола облысының аумағында стационарлық құрылыстарды іздеуге, тіркеуге және жүйелеуге арналған. Солтүстік Сарыарқаның қоныстану ескерткіштерін зерделеу нәтижесінде топография мен планиграфия ерекшеліктерімен байқалатын нысандардың ұқсас түрлерінің үш жергілікті тобына бөліп, сипаттама беріледі.

Бір топ зерттеушілердің мақалалары Еуразия даласындағы тарихи-мәдени мұра ескерткіштерін сақтау мен музейлендіру мәселелерін қозғайды.

«*Қазақ даласындағы үй құрылысы: дәстүрлері мен ерекшеліктері*» жинағына еңген ғылыми мақалалар, оның ішінде тұрғын үйлердің реконструкциялары, тарихи-мәдени мұраны сақтау, музеефикациялау тәжіребилері білім беру процестерінде насихаттау және танымал ету үшін толыққанды дереккөз ретінде кеңінен қолдануға мүмкіндік берді. Редакциялық алқа жинақтың авторларына басылымға қатысқаны үшін алғыс білдіреді.

Ұсынылған мақалалар жинағы «*Ортағасырлық кезеңдегі Теңіз-Қорғалжын ойпатының тұрғын үй архитектурасының дәстүрлі түрлері: эволюцияның бастаулары мен ерекшеліктері*» атты ғылыми жобасы аясында жарияланды.

Құрметпен, редакциялық алқа

УДК 902/904

И.Л. Кызласов

К истории пратюркских и казахских жилищ*

Аннотация. В статье на основе широкого круга источников, включающих в себя археологические, лингвистические и письменные данные, рассмотрены вопросы развития древнетюркских жилищ. Для воссоздания облика древних жилищ надежным материалом выступают данные археологических исследований погребальных и поселенческих памятников Саяно-Алтая. Работа с материалами пазырыкской, уюкской и тагарской археологических культур раннего железного века позволила высказать мнение, что традиционные жилища-*тура* тюркских народов региона принадлежат к древнему, дотюркскому субстратному типу южносибирских построек. Анализ археологических, этнографических и лингвистических данных позволяет соотнести пратюркские жилища и их последующую эволюцию с другим типом архитектуры и строительной техники. В работе выделены три основных стадии ее развития. Первая стадия – круглый глиняный дом с открытым очагом в центре. Относится к периоду неолита и бронзового века. Вторая – круглый (многоугольный) столбовой дом (плетневой, засыпной или мазаный), связан с нарастанием скотоводческой специализации в конце эпохи бронзы. Третья – круглый переносной дом (юрта) и многоугольный стационарный столбовой и срубный дом, связан с развитием кочевого скотоводства в раннем железном веке.

Ключевые слова: археология, лингвистика, этнография, домостроение, традиционные жилища, древние тюрки, Саяно-Алтай

Аннотация. Мақалада археологиялық, лингвистикалық және жазбаша деректерді қамтитын көптеген ақпарат негізінде ежелгі түркі баспаналардың дамыту мәселелері қарастырылған. Ежелгі баспаналардың келбетін қалпына келтіру үшін Саян-Алтайдың жерлеу және қоныстану ескерткіштерінің археологиялық мәліметтері сенімді материал болып табылады. Өңірдегі түркі халықтарының тура – дәстүрлі тұрғын үйлері ерте темір дәуіріндегі пазырық, ұюқ және тағар археологиялық мәдениеттерінің материалдарын зерттеу нәтижесінде Оңтүстік Сібір құрылыстарының көне, түркіге дейінгі субстрат түріне жатады деген пікір жасауға мүмкіндік берді. Археологиялық, этнографиялық және лингвистикалық деректерді талдау түркіге дейінгі баспана мен олардың кейінгі эволюциясын сәулет пен құрылыс техникасының басқа түрімен байланыстыруға мүмкіндік береді. Мақалада оның дамуының үш негізгі кезеңі көрсетілген. Бірінші кезеңде – неолит және қола дәуіріне жататын ортасында ашық ошағымен дөңгелек саз үй ұсынылған. Екіншісі – қола дәуірінің соңында мал шаруашылығының нығайуымен байланысты дөңгелек (көпбұрышты) бағаналы үйлер (өрілген, көмілген немесе сыланған) ұсынылған. Үшіншісі – ерте темір дәуірінде көшпелі мал шаруашылығының дамуымен байланысты дөңгелек тасымалды үй (киіз үй) және көпбұрышты стационарлық тірек және бөрене үйі ұсынылған.

Түйінді сөздер: археология, лингвистика, этнография, үй құрылысы, дәстүрлі баспаналар, ежелгі түріктер, Саян-Алтай

Все обширные земли Казахстана в той или иной степени оказывали историческое влияние на формирование характерных особенностей традиционной национальной культуры. И потому поиски истоков любых этих особенностей следует вести на широком пространстве и в больших глубинах исторической народной судьбы.

***** *Жұмыс ҚҒА Археология институтының № ҒЗТКЖ 122011200266-3 мемлекеттік тапсырмасы бойынша орындалды.*

Учитывая разную степень изменчивости составных частей народной культуры, для археологического рассмотрения проблемы наиболее оправдано обратиться к конструктивным и пространственным особенностям жилищ. Редко что иное в сфере материального быта и культа обладает такой же устойчивостью и консерватизмом.

Наиболее ранние древности, достоверно принадлежавшие тюркоязычному населению, ныне известны только на Саяно-Алтайском нагорье в Южной Сибири. Будучи пришлыми, они появляются там во II–I вв. до н. э. и затем служат основой для последующих отдельных археологических культур. Эти культуры, в свою очередь, становятся корнем всего местного средневекового развития как в Хакасско-Минусинской, так и в Тувинской котловинах. Тюркоязычность носителей указанных культур подтверждена их связью с памятниками енисейского рунического письма (Кызласов Л.Р., 1960). Именно на этих средневековых культурах сложились традиционные культуры современных коренных тюркоязычных народов Южной Сибири, изучаемые этнографической наукой.

Таким образом, начиная со II–I вв. до н. э. преемственное развитие тюркоязычного населения на Саяно-Алтайском нагорье уже никогда не прерывалось. Следовательно, изучение древностей этой горной страны необходимо для постижения культуры, некогда объединявшей первоначальных носителей тюркских языков. Именно здесь анализ археологических и письменных памятников, принадлежавших тюркским народам, вычленяет особенно архаичные и общие черты общественной жизни и быта, восходящие к длительной и неведомой эпохе, предшествовавшей появлению тюркоязычных народов не только на арене письменной истории, но и в поле зрения археологической науки. Эти черты далеко отстоят в веках от рубежа нашей эры, поэтому ретроспективно восстанавливаемые явления позволительно именовать пратюркским состоянием.

Названные выше обстоятельства культурной и этнической истории региона использованы мною для поисков изначальных признаков древнетюркских жилищ и реконструкции особенностей пратюркских обиталищ, изложенных в настоящей статье. На эту работу меня сподвигла Анна Владимировна Дыбо, в 2004 г. пригласившая к совместным исследованиям с языковедами. Археологические разработки предварительно обсуждались, а затем были изданы (Кызласов И.Л., 2005; 2008; 2011а). Они повлияли на восприятие истории жилища лингвистами-тюркологами[1], а по завершении работы привели меня самого к пониманию ее антиалтаистской сути. Пришлось продолжить изучение культурогенеза на основе археологических данных, связанных уже с центральноазиатскими гуннами (Кызласов И.Л., 2011а, с. 134–204). Испытывая глубокое уважение и искреннюю благодарность к инициировавшим эти изыскания языковедам, я ныне обязан постараться вновь повлиять на их глубинный исторический взгляд, порожденный верой в алтайскую гипотезу изначального единства народов и их языков.

Представляя оговоренные источники, начну с тюркологических аспектов алтайской проблемы, излагаемых в этой статье.

Этимологические ориентиры в рунических надписях. Исследования, направленные на историческое осмысление лексики живых тюркских языков, естественно, не всегда в полной мере охватывают данные ранних письменных памятников. Особенно это касается все еще недостаточно изученных азиатских рунических надписей. Однако именно их данные нередко противоречат представлениям, распространенным в гуманитарных науках. Так, этимология основной части лексики военного дела оказалась связана не с изначальной, казалось бы, тюркской конницей и ее знаменитым лучным боем, а с

---

1 Ср. (Добродомов, 2006, с. 451, 452; 2008, с. 213-215; Дыбо, 2006, с. 458, 472, 473; 2008, с. 236, 238, 239, 243) с предыдущей публикацией (Левицкая, 1997а, с. 485-500), а также глухие отсылки (к сожалению, не всегда сделанные к месту – Дыбо, 2006, с. 472, 473) на разноплановую монографию Л.Р. Кызласова 1969 г. (Дыбо, 2006, с. 471, 473, прим. 181, 184; 2008, с. 262, 263, прим. 25, 27), не включенную в библиографию статьи (Дыбо, 2008), но упоминавшуюся мною в беседах в связи с комплексом в Сарыг-Булуне (см. Кызласов И.Л. 2011а, с. 102, рис. 45, 46). Эти консультации упомянуты по отдельному случаю (Дыбо, 2006, с. 471; 2008, с. 261).

пехотой, вооруженной копьями (Кызласов И.Л., 1996). К какому времени принадлежит это сохраненное языком состояние, указать пока невозможно, однако именно оно, по-видимому, и отражает пратюркскую эпоху.

Подобным образом парадоксально в глазах кочевниковедов будет, думаю, выглядеть немногочисленная поселенческая и строительная тюркская лексика азиатских рунических текстов. Этимологически она попадает в общий ряд со специальными терминами исконно оседлых, как принято думать, обществ: такими как шумерское si «закладывать (сооружение)» (изначально «насыпать», что восходит к строительству на платформах в низинах Двуречья) (Дьяконов, 1959, с. 121, прим. 4) или славянское зодчество (от зьд, зда «глина»). Так и balïq, в орхонских рунических надписях VIII в. означающее «город» (КТ, б 44. Тон 18, 19; производное balïqdaqï «горожанин» – КТ 12)[2], признается образованием от bal «вязкая глина» (balïq в смысле «глина» встречается еще у Махмуда Кашгарского в XI в.). В енисейской эпитафии конца X в. Хемчик-Чиргакы (Е 41, стк. 2) слово «город, резиденция, лагерь», надо думать, намеренно употреблено в двух разных диалектных формах[3] (может быть, как литературный и разговорный синонимы): toŋ (Малов, 1952, с. 73, 74) и toj. Важно, что обе они производны от слова «глина» (toj / toŋ) (ДТС, с. 80, 572; Левицкая, 1997а, с. 485; 1997б, с. 374, 375). О том, что в неведомой древности тюркоязычным строителям приходилось иметь дело с глиной (или, по меньшей мере, со стационарными сооружениями), свидетельствует, пожалуй, и глагол toqï. В сутре Sekiz jükmäk (наделенной колофоном рунического письма) он применен со значением «устанавливать, воздвигать (стену)» при первоначальном смысле «бить, ударять» (ДТС. С. 576; ср. 577: toqu – «стучать, ударять, бить»; toqïš, toquš – «битва, сражение», toqïš – «сражаться»; 578: toquš – «сражаться»), то есть исконно, по-видимому, увязывается с глинобитным строительством. Являются ли омонимами глаголы jap – «строить, делать, творить» (встречаемый в рунической книге Irq bitig) и jap – «прикладывать, приклеивать» (ДТС, с. 235) или у них общая этимологическая основа «лепить (глину)»? Так или иначе, в целом представляется наиболее вероятным, что приведенная древняя строительная лексика могла сложиться в условиях открытых ландшафтов и была связана с наземным домостроительством[4].

Возникающей картине соответствует характерная часть упомянутой древней военной лексики. Не случайно, как замечено Дж. Клосоном, в ранних тюркских текстах «армейская масса постоянно уподобляется воде» (Clauson, 1972, p. 77, 324, bög-). Так, по отношению к войску в труде Махмуда Кашгарского встречаются образы оазисной ирригационной культуры: sü bük- – «собрать войско» и sü aq- – «двигаться войском». Точное содержание глагола bük- «запруживать, перекрывать», а буквальный смысл основы aq- – «течь, истекать» (ДТС, с. 48, 117, 132) (Кызласов И.Л., 1996, с. 80).

Изложенное позволяет археологу усомниться в том, что слово qurγan (которым вслед живой речи наука именует остатки монументальных земляных и каменных надгробных сооружений) восходит к глагольной основе qorγa- – «защищать» (Левицкая, 1997а. С. 487). История культуры побуждает соотнести его с глаголом qur- – «строить, сооружать». Возможно, слово qorγan («крепость, укрытие») не составляет фонетической пары ко вполне самостоятельному существительному qurγan, имевшему общее значение

---

2 Для обозначения надписей азиатского рунического письма используются принятые в тюркологии сокращения (ДТС, с. XXII–XXX).

3 Вторая строка памятника Е 41 читается мною по подлиннику так: t(o)ŋl(a)r(ï)m : (e)r tojuq (ü)č(ü)n : j(e) ti : ašnuqï (ï)s(ï)m : tašru: t(ü/i)k(ä)ti: «ради (принадлежащих) мне селений и (личного) городка-ставки, семь прежних моих дел вовне (моих владений) завершились». Не следует ли здесь читать (i)r tojuq, т.е. «каменный городок»? Разъяснение редких знаков надписи см.: (Кызласов И.Л., 1994, с. 93–98, 117–119. Табл. XXVI, XXXI, XXXII). Парой подчеркнутых букв выражен один рунический знак оригинала. Совершенно иначе воспринимает эту строку И.В. Кормушин (2008, с. 43–46, 55–57).

*4 Ср., ради показательного примера, праиранское или древнеиранское *kata-, *xata- – «дом, хижина», этимологически связанное с глаголом *kan-/*xan- – «копать, рыть», или праиранское *grda- – «дом, жилище», сотносящееся с индоевропейским *gherdh- – «охватывать, огораживать» (Эдельман, 2009, с. 62).*

«сооруженное; постройка». Обозначая регулярное архитектурное сооружение, слово qurγan в этом случае, думается, хорошо семантически соотносимо и с производным значением глагола qur- – «приводить в порядок» (ДТС, с. 467). Исходя из сказанного, в топониме Maγï qurγan, упомянутом в надписях Кюль-тегина (строка 48) и Бильге-кагана (строка 31), необязательно видеть наименование крепости (Мелиоранский, 1899, с. 131, 132; Малов, 1951, с. 42). В понимании пратюркской культуры современной наукой, по-видимому, большое значение будет иметь этимологический анализ не только именной, но и глагольной лексики. При этом не следует заранее ограничивать исследование, исходя лишь из якобы изначальной кочевой культуры тюркоязычного мира. В отличие от индоевропейских культур, сохранивших память о передвижных жилищах не только в арийских преданиях или скифских древностях, но даже и в формулах германского права (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 730), в выявляемых пратюркских пережитках изначально проступает стационарное домостроительство.

Переходя к непосредственной теме работы – возможностям использования археологического материала для воссоздания облика древнетюркских жилищ – приходится сказать, что наука пока не располагает столь древними данными, которые можно было бы надежно соотнести с предками тюркских народов, использовавших глину в качестве обыденного строительного материала. Более того, чтобы не оказаться в плену фантазии, в дальнейшем поиске придется идти лишь по тем путям, которые предоставляет в отношении жилищ этнография тюркских народов.

Необходимо также оговорить два других обстоятельства, определяющих выбор источников исследования.

Древнетюркское в истории и археологии. Сегодня слово тюрки нередко воспринимается как обобщающий термин. Однако эту роль он, строго говоря, играет только в языкознании, условно обозначая народы, говорящие на родственных, тюркских, языках. Историк должен помнить, что в раннем Средневековье, по крайней мере до VIII в., дело обстояло иначе. Тюрками (türk) назывался только один из уже многочисленных тогда тюркоязычных народов – а именно создатель Первого и Второго Тюркских каганатов. Другие близкие по языку народы носили иные имена (уйгуры, басмылы, азы, чики, карлуки и т.д.). Народ тюрк, объединивший многие (но далеко не все) тюркоязычные и иные по речи народы в огромную евразийскую империю, этим расширил *политическое* значение своего имени.

Необходимо осознавать также, что, в отличие от языкознания, история и археология, несмотря на частое, обыденное словоупотребление, в точном смысле не могут считать древнетюркской ту эпоху, в которой существовал II Восточно-Тюркский каганат (681–745 гг.) и которая ныне предоставляет филологии самые ранние, так называемые рунические, памятники письменной тюркской речи. Не подходит для наименования древнетюркским и время существования I Тюркского каганата (552–603 гг.). Историки не относят Средневековье, даже раннее (к коему принадлежат оба названных государства), к древней поре: древностью в этой науке именуют период, предшествующий Средневековью. Нижняя граница древности теряется в каменном веке, началом же Средневековья на западе считают эпоху Великого переселения народов, охватившую Европу с конца IV в. н. э. В это время народ с именем тюрки еще не известен истории.

Уясним главное: появление тюркских народов в истории не связано ни с именем, ни с самим народом тюрк, оказавшимся на юге, у Китайской стены, на семь веков позднее прихода ранних тюркоязычных племен на Саяно-Алтайское нагорье – не в II–I вв. до н. э., а в V в. Неверно, как это бывает, возводить к нему этническую и культурную историю всех древних, средневековых и современных народов, говорящих на языках тюркской группы. Название языковой группы, принятое ныне, – лишь условный термин систематики. Что было бы, введи лингвисты не имена, а номера языковых семей? Важно, что только

внутри лингвистики понятие тюрки имеет обобщающий научный смысл. В истории и археологии, которые занимаются постижением конкретных общественных явлений, событий и культур, тюрки – лишь один средневековый народ, носивший это имя.

Ни история, ни археология сегодня не знают пратюркской поры. Но письменные упоминания и археологические памятники, которые полноправно принадлежат к древнетюркской эпохе, существуют. Они не связаны с народом, называвшим себя тюрками, но зато соотносятся с другими тюркоязычными народами. Это китайские свидетельства о народе гяньгуней (кыргызов), начинающиеся с событий гуннской истории самого конца III в. до н. э. (Бичурин, 1950а, с. 50) (сводку и анализ данных см.: Кызласов Л.Р., 1984, с. 7–30). И это археологические памятники II в. до н. э. – V в. н. э., расположенные в долинах Среднего и Верхнего Енисея, то есть на землях Хакасско-Минусинской и Тувинской котловин.

В первом случае речь идет о так называемых тагарско-таштыкском (по-другому, тесинском) переходном этапе (II – середина I в. до н.э.) (Кызласов Л.Р., 1953, с. 4, 7, 11; 1960б, с. 83–86, 110, 115, 147, 148, 162–164, рис. 29; Пшеницына, 1992) и последующей таштыкской археологической культуре (середина I в. до н. э. – V в. н. э.) (Кызласов Л.Р., 1953; 1960б), а во втором – о *шурмакской* культуре (II в. до н.э. – V в. н.э.) (Кызласов Л.Р., 1958; 1979, гл. 3). Более ранних археологических материалов, достоверно увязываемых с тюркоязычными народами, наука сегодня не знает ни в одном из районов мира.

Ранняя малоизученная тюркизация Горного Алтая пока может быть только намечена и, пожалуй, прежде всего по поминальным памятникам гунно-сарматского времени. На примере Хакасии и Тывы (Тувы) наука видит и древнее переселение тюркских народов, и распространение их языков. Размножались не новоселы – росло число людей, владевших их речью. Позднее такая тюркизация прошла по всей Евразии, потому тюркоязычные народы ныне столь многочисленны, а в происхождении каждого из них велика роль населения, первоначально по-тюркски не говорившего. Отсюда и многообразие антропологического типа тюркских народов. Для наиболее раннего времени эти процессы прослежены к северу от Саян. Кыргызы-гяньгуни, с неведомого юга пришедшие на Средний Енисей, уже при гуннах заняли там господствующие позиции и позднее считали себя преемниками гуннской власти. Обобщая данные летописей (Бичурин, 1950а, с. 350, 351; Кюнер, 1951, с. 4, 5; 1954; 1961, с. 55–60, 281–283) и следуя тонким источниковедческим наблюдениям Л.Р. Кызласова (1984, с. 20, 21, 24, 52–64), можно заключить, что кыргызы смешались с местными динлинами в новый народ, именовавшийся хакас[5]. Археологи видят это смешение двух народов, первоначально различавшихся по языку и культуре. Оно шло в II–I вв. до н. э. на основе двух компонентов (аборигенного – тагарского и пришлого, не получившего специального археологического наименования) и привело к сложению новой и единой таштыкской археологической культуры, следовательно, и связанного с нею нового народа (древних хакасов). Кыргызы составили его аристократию, управлявшую на Енисее до первой трети XX в. Имя хакасов, в отличие от этнонима *кыргыз*, до того неведомое китайцам, вызвало специальные разыскания танских ученых (Бичурин 1950а, с. 350–357; Кюнер 1951, с. 4, 5, 14; 1961, с. 55–60, 282; Кызласов Л.Р. 1984, с. 54–57).

Последующие археологические памятники действительно указывают на непрерывное развитие сложившегося к рубежу нашей эры населения вплоть до этнографической культуры современных хакасов, принадлежащих к тюркской языковой общности. Промежуточным звеном между названными культурными состояниями и временными пределами являются памятники енисейской рунической письменности, присущие

5 Подобным образом при смешении пришельцев-ашина с местным населением Алтая сложился новый народ, называвшийся тюрками, в котором прежний этноним сохранился, как и имя кыргызов на Енисее, лишь за правящим родом. Как и имя хакасов, имя тюрков было ново и непонятно для китайцев (потому возводили его к монгольскому дулга – «шлем»). Очевидно, оба этнонима перешли к новым народам от прежних жителей Присаянья и Алтая, языковую принадлежность которых науке еще предстоит установить.

местным древностям середины VIII – второй половины XIII (или XV) в. (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1994).

Самостоятельная шурмакская культура Тувы также отличается новыми пришлыми особенностями. Ей присущи черты, в дальнейшем свойственные тюркоязычному населению котловины. Имя носителей шурмакской культуры нам неизвестно – ранние китайские источники его, по-видимому, не содержат. Как и на Среднем Енисее, в верхнем течении реки выявлены аборигенные тюркоязычные надписи VIII в. До XI в. они составлялись местной разновидностью рунического письма (тувинским вариантом енисейского алфавита), отличавшейся пережитками более древнего верхнеенисейского письма. Надписи отражают фонетическую специфику местной речи (Кызласов И.Л., 2003а, с. 284, 285; 2003б; 2015).

Таким образом, сегодня только Саянская горная страна содержит самые древние из ныне известных материальных памятников, достоверно принадлежащих тюркоязычным народам. И поскольку это население в бассейне как Верхнего, так и Среднего Енисея является пришлым, именно здесь существует возможность различить исконные особенности дотюркских (VII–III вв. до н. э.) и древнетюркских (II в. до н. э. – V в. н. э.) культур Саяно-Алтая. Как видим, состояние источников фактически сужает поставленную нами тему до истории домостроительства на Саяно-Алтайском нагорье.

Особенности археологического изучения домостроительства. Археология Южной Сибири традиционно и поныне курганная. С февраля 1722 г. на Среднем Енисее учеными раскапываются погребальные памятники. В этом немалую роль играют исходные позиции так называемого кочевниковедения. Кабинетная терминология накладывает тяжелый отпечаток на движение исследовательской мысли. Так, неверное обозначение обществ раннего железного века «ранними кочевниками» до сих пор не позволяет начать полевое изучение на деле весьма многочисленных поселений земледельческо-металлургической тагарской культуры VII–III вв. до н. э. (указания на них см. еще в трудах С.В. Киселева, 1949, с. 146, 148; 1951, с. 251, 252). Такая позиция в полной мере распространяется и на последующий хронологический этап, нередко именуемый «периодом поздних кочевников»: к чему, да и как искать следы кошёмных юрт, постоянно переносимых с места на место?

Подобному восприятию способствуют и вполне объективные обстоятельства – отсутствие в Южной Сибири внешних признаков древних и средневековых поселков. Население Хакасско-Минусинской и Тувинской котловин, по-видимому, никогда не жило в укрепленных поселениях. Ни для одной эпохи – от камня до Средневековья – несмотря на интенсивные археологические обследования, не отмечено местных городищ с валами и рвами. Если укрепленные поселения и существовали, они не повлияли на естественный рельеф долин, не оставили следов на поверхности. Всякий раз жилые крепости на Енисее сооружались пришельцами – глинобитные стены вокруг Ташебинского дворца возвели гунны в I в. до н. э. (Кызласов Л.Р., 2001, с. 115–120), систему прямоугольных глинобитных крепостей создали в Туве в VIII в. уйгуры (Кызласов Л.Р., 1969, с. 59–63; 1979, с. 145–158; 1981а), деревянные остроги возвели в Хакасии в XVII – начале XVIII в. русские. В двух последних случаях стены нередко дополнялись рвами. Незаметность былых неукрепленных поселений – общее археологическое явление, определяющее в нашей науке особый род древних памятников (селищ). Его не следует связывать с априорной подвижностью населения. Нетрудно предугадать, что со временем от бревенчатой избушки останется такое же ровное место, как и от войлочной юрты.

В межгорных долинах Саяно-Алтая бытовое строительство было, вероятно, всегда и повсеместно наземным и деревянным. Существуй здесь когда-нибудь землянки (подобно культурам тайги), мы сегодня знали бы десятки и сотни поселений, как знаем, например, таштыкские склепы – коллективные усыпальницы, углубленные в землю. До недавних пор

в изучаемых горных землях отсутствовала и традиция возведения обыденных сооружений из камня – монументальные, порою мегалитические, каменные постройки испокон веку были на Енисее лишь культовыми: погребальными, поминальными или космогонически-жреческими (менгиры и древнейшие изваяния). Уже одно это наблюдение вводит и местные горные крепости (сівее, шибе и т.п.) с каменными стенами, бывшие временными убежищами, не только в разряд оборонительного, но и культового зодчества.

Обе названные причины субъективного и объективного свойства, сдерживавшие специальные полевые поиски в Сибири, с ростом числа профессиональных археологов неизбежно изживаются (Мартынов, Алексеев, 1986, с. 65–68). Наиболее успешно поселенческая археология развивается ныне в местных университетских и научных центрах Западной Сибири и Урала. В отношении интересующих нас земель этот процесс в последние десятилетия хотя и медленно, но также набирает силу. Прорыв в этом был начат с создания городской археологии С.В. Киселевым, Л.А. Евтюховой и Л.Р. Кызласовым. Эти исследователи отыскали и обследовали раскопками в Южной и Восточной Сибири и Центральной Азии дворцовый комплекс гуннского города I в. до н. э., раннесредневековые города и крепости Уйгурского каганата, Древнехакасского государства и Монгольской державы, относящиеся к длительному периоду от середины VIII до XV в. (Киселев, 1956; 1957; 1958; 1961; Киселев и др., 1965; Кызласов Л.Р., 1959; 1960в; 1964, с. 67–69, 85-88; 1969, гл. III, V; 1979, с. 145–188; 1981а; 19816; 1992, с. 83–90; 1993; 1998; 1996; 2001; 2006)[6].

Поселенческая археология на Енисее сегодня только возникает, раскопки носят случайный характер, объекты по-прежнему специально не отыскиваются. Однако стоит двум-трем специалистам заняться направленным поиском поселений одной эпохи или сплошным обследованием одного района, к примеру, небольших по сибирским меркам земель в излучине Чулыма к востоку от Урюпа, как число обнаруженных тагарских и тагарско-таштыкских (в первом случае) или разновременных поселений (во втором) превысит сотню (Абсалямов, 1978; Мартынов, Абсалямов, 1988; Красниенко, Субботин, 1997; Субботин, 1998; Красниенко, Краснолуцкий, 1998).

Обрисованная ситуация объясняет специфику археологических источников, привлекаемых для разрешения поставленной здесь темы истории культуры. Относительно малую часть в ней составят результаты раскопок самих поселений и жилищ; в основном это будут погребальные и поминальные памятники. Этнографы давно отмечают у некоторых народов сходство в конструкциях жилищ и погребальных сооружений (для Сибири см.: Соколова, 1998, с. 184). Однако археологический опыт показывает, что захоронения лишь косвенно передают особенности домостроительства. На раннем этапе надгробная часть воспроизводит образ мира (Кызласов И.Л, 1987; 1989, с. 201-207), и для разработки нашей темы по материалам раннего железного века следует обращаться к подземным могильным сооружениям. Ближе к рубежу нашей эры уподоблять жилищам начинают уже наземные погребальные постройки, эта традиция длится до современности.

Важное историко-культурное значение имеет и расположение захоронений на могильнике, поскольку в ряде случаев оно отражает форму поселений. Необходимость реконструкции древних объектов обязывает привлекать одновременные изобразительные материалы (наскальные рисунки) и, как всегда в археологии, сравнительные данные из местной этнографии. С них и надо начать, чтобы знать, какие формы жилищ мы отыскиваем среди древностей и с какой современной тюркской лексикой они увязаны.

Этнографическая наука не создала пока общепризнанной систематики жилищ сибирских народов, хотя располагает не одной фундаментальной разработкой в этой области (Попов, 1961; Соколова, 1998). В силу своей детальности, а также и определенной исходной позиции эти труды не всегда приложимы к археологическим данным. Имеет смысл воспользоваться значительно более общей народной систематикой жилищ,

6 *См. также сб. «Археологические открытия» (М.) за 1968, 1972–1981 гг.*

существующей у самого населения Саяно-Алтая. К тому же присущая ей терминология объединяет наши задачи с историческими поисками языковедов, ведь живые языки – та среда, в которой и работают этнографы. Народная классификация жилищ на всем Саяно-Алтайском нагорье (с различиями в национальном наименовании и произношении) позволяет выделить три основных класса стационарных построек. Для простоты текста возьму одну форму каждого слова. По полноте типологической картины это будут хакасские слова: тура, алачик, иб. Именно две из трех таких форм встречают аналогии в тех казахских жилищах, время и культурная среда которых могут быть установлены.

Дотюркское домостроительство Саяно-Алтая (бревенчатые прямоугольные жилища-тура). Постройки-*тура* наиболее полно описаны этнографами для хакасов, у которых эти строения были весьма распространенным жильем. В своем архаичном (и обобщенном) виде это четырехугольная, чаще квадратная однокамерная плоскокровельная рубленая постройка (рис. 1).

Отмечаются два варианта вязки стен: при первом (более редком) горизонтальные бревна врублены в пазы четырех угловых столбов (так называемый заплот или забирка, рис. 2, 2), при втором они соединяются срубом (рис. 1, 2, 1) (обычно в обло, реже в охряпку)[7]. Указание на площадь жилища тура в литературе встретилось лишь однажды: Ф.Р. Мартин (2004, с. 45: ноябрь 1891 г.) определил стороны его квадрата «почти в 7 м», размер по единственному опубликованному плану составляет 3,2 × 3,8 м (рис. 2, 2).

Рисунок 1. Традиционные хакасские жилища конца XIX в.: тура (слева) и агас иб (справа). По Е.К. Ядринцеву (1900, с. 37)

Высота стен, судя по изданным иллюстрациям, от 7–8 до 10–12 венцов. Внутри стены конопатились и обмазывались глиной, нередко только по стыкам бревен. Пол в доме был земляной или деревянный, плахи укладывались прямо на землю. Потолочные балки опирались на одну матицу, а крыша была земляная, иногда уложенная поверх берестяных полотнищ. Первоначально окон, вероятно, не имелось – П.С. Паллас указывает световой потолочный люк (Паллас, 1786, с. 450); пара-тройка прорубленных малых окон (одно против входа, два, «неоткрываемых», напротив очага), появившаяся к моменту этнографических

7 Русская терминология домостроительства употребляется в основном по обобщающему изданию (Липинская, 1997).

описаний, затягивалась брюшиной или бычьим пузырем. Вдоль стен устраивались полати или лавки. Спали у южной стены, напротив очага. Очаг располагался направо (иногда налево) у двери и был каминного типа (соол). Он был или целиком глинобитным, или углублением в полу, обставленным короткими (50–60 см) плахами полукругом (оставляя топку). Над очагом из жердей или плах на обручах устраивалась сужающаяся к отверстию в крыше прямая труба (собственно соол) (рис. 1). Весь очаг вымазывался толстым слоем глины, внутренние деревянные части его обычно сгорали[8] (Martin, 1897; Мартин, 2004, с. 45; Яковлев, 1900, ч. 1, с. 32, 37 (фото); ч. 2. с. 16–18, № 9, 13, 14; Шибаева, 1950. с. 47-48. Рис. 4, 5; Потапов, 1956а, с. 394; Патачаков, 1982, с. 32, 33, рис. 9; Карцев, Быконя, 1993, с. 290, рис. 28; ИЭХ, с. 58, фото 1894 г.).

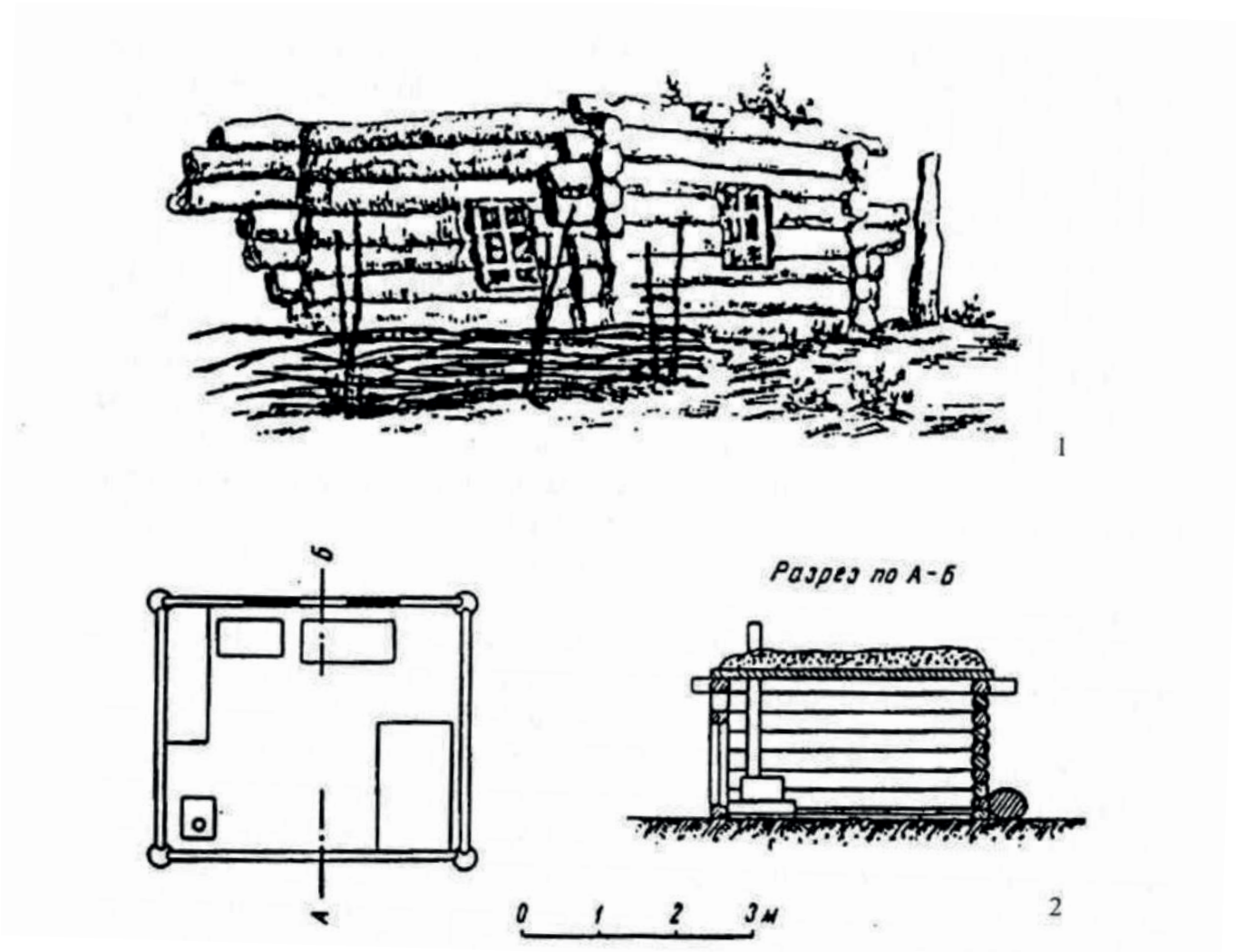


Рисунок 2. Внешний вид (1), план и профиль (2) типичных жилищ тура. Срубная (1) и столбовая (2) конструкции. Конец 40-х гг. XX в., Хакасия. По Ю.А. Шибаевой (1950, рис. 4, 5)

Самостоятельное историко-культурное значение может иметь рассмотрение ареала очагов – чувалов. Они присущи хантам, манси, селькупам, кетам, западносибирским татарам, северным алтайцам, шорцам, хакасам, якутам, эвенкам, долганам и айнам, а также башкирам (Попов, 1961, с. 132, 158, табл. X, 12, XI, 3, 4, 15, XIII, 1, 2; Соколова, 1991, с. 8; 1998. с. 121, 122, 180, рис. 89). Соответствующую лексику и предположение о субстратном наследии очагов (чувалов) в тюркоязычных культурах Сибири с последующим

8 Прочная связь жилища-тура с очагом этого типа привела у хакасов к наименованию и самих бревенчатых домов словами соол, соол тура или соол иб (Патачаков, 1958, с. 62; 1982, с. 32; Бутанаев, 1996, с. 59). От них соол в значении «избушка» заимствовано западными бурятами (Рассадин, 2007, с. 87, 88).

проникновением слова к западным бурятам излагает В.И. Рассадин (2007, с. 87–89). Поселькупски такие очаги называют кор или шогор (Соколова, 1998, с. 22). Последнее слово фонетически, вероятно, может быть сближено с хакасским соол. З.П. Соколова склоняется к южносибирскому происхождению очагов каминного типа (1998, с. 182). Для нашей темы важно, что в жилищах хантов такие печи (тюгал) располагались, как и в доме тура, у стены справа от входа (Шатилов, 1931, с. 40, 41). К сожалению, типологическая эволюция чувалов, имеющаяся в этнографической литературе, иногда выстраивается без связи с формами жилищ (для европейской части России см., например: Шенников, 2000; Мартин, 2004, с. 45; Яковлев, 1900, ч. 1, с. 32, 37 (фото); ч. 2, с. 16–18, № 9, 13, 14; Шибаева, 1950, с. 47, 48. Рис. 4, 5; Потапов, 1956а, с. 394; Патачаков, 1982, с. 32, 33, рис. 9; Кардов, Быконя, 1993, с. 290, рис. 28; ИЭХ, с. 58, фото 1894 г.).

Следует сказать, что словом тура именовался не только наземный дом, но и бревенчатые землянки, описанные в Хакасии как в середине XIX, так и в середине XX в. (Яковлев, 1900, с. 29, 30; Шибаева, 1950, с. 47). Это бывали дома и немного углубленные, и глубокие (в рост человека). В последнем случае над грунтом устраивался сруб в два-три венца, удерживавший плоскую крышу. Стены котлована крепились как срубом, так и тесом. Углубленные в землю жилища часто бывали с турлучными стенами (с двойным плетнем, заполненным утрамбованной землей). Несущим каркасом в них служили столбы. По планировке такие жилища, называемые чир иб или чир тура («земляной дом»), во всем соответствовали наземным тура (Патачаков, 1982, с. 31).

Жилища тура в первую очередь подверглись влиянию русского домостроительства, а затем сменились русскими избами, которые также именовались хакасами тура. По сей день многие этнографы полагают, что срубное строительство в целом и жилища тура в частности появились у коренных насельников Саяно-Алтая под влиянием русской культуры. Поэтому жилища тура не привлекали должного внимания и отсутствуют среди самобытных форм наземных и подземных построек, представленных в авторитетных сводных этнографических изданиях (Потапов, 1956а, с. 386; Попов, 1961, с. 151–153, 160, табл. XX–XXIII; Соколова, 1998, с. 123–127, сл. 141, табл. XI, XII)[9].

И все же у специалистов, широко и сравнительно изучающих сибирские жилища, перелом в восприятии уже произошел. Тому немало способствовали археологические материалы. Укажу на прямое заключение З.П. Соколовой (1998, с. 205) о том, что народы Амура, Саяно-Алтая и Западной Сибири «овладели срубной техникой еще до прихода в Сибирь русских», ибо это доказывается «как некоторыми типами их срубных жилищ, так и погребениями в срубах в древности». До этого, ограничиваясь этнографическими материалами, исследовательница считала иначе (Соколова, 1991, с. 8, 9). Однако надо признать, что поныне сохраняют правомерность утверждения томских этнографов: «Навязчивое сравнение с русской избой лишало возможности исследовать местные срубные традиции. В частности, не было учтено, что как сам сруб, так и все его основные конструктивные элементы <…> имели названия из языка местных народов» (Лукина, Бардина, 1994, с. 78). По сей день в самом названии рубленого дома тура нередко усматривают перенос на него хакасского обозначения русских бревенчатых острогов (Том-тура – Томск, Хызылчар-тура – Красноярск, Аба-тура – Кузнецк и т. д.)[10] и потому даже полагают, «что деревянные дома <…> по сравнению с юртами <…> представлялись укрепленными зданиями» (Бутанаев, 1996, с. 49).

Оба предположения – и о позднем заимствовании бревенчатых жилищ тура, и о возникновении их наименования – умозрительны и чужды истории местной культуры. Отвлекаясь от норм кочевниковедения, легко понять, что ранние русские крепости получили местное наименование тура оттого, что были в глазах автохтонов подобны их

9 См. фото хакасского столбового жилища-тура рядом с корьевой пирамидальной постройкой (Попов, 1961, табл. 15, 2).

10 В современном хакасском языке тура означает и здание, дом, квартиру, и город.

собственным бревенчатым квадратным жилищам. По-видимому, термин тура мог быть изначально направлен на русские укрепленные зимовья, оборонительные башни и стены, рубленные городнями и тарасами, да на засыпные клети (Крадин, 1988, с. 14–16, 75, гл. 5. рис. 2,4, 5), а не на тыны острогов.

Отвергаемые утверждения этнографов, по-моему, по природе своей смыкаются со столь же неверными трактовками языковедов. Придание слову тура изначального значения «укрепленное жилище, крепость» и поиск его этимологических соответствий лишь в этом направлении на деле рассматривает производное, а не первичное применение термина. Показательно, что такой подход не охватывает всего круга значений тура в саяно-алтайских языках и прежде всего наименования рассмотренного типа обычных мирных жилищ. Можно думать, неслучайно В.В. Радлов, будучи знатоком живых саяно-алтайских реалий XIX в., старался возвести слово тура к нейтральному понятию тур, не связывая его с оборонительной лексикой (Левицкая, 1997а, с. 486). К тому же склонился и А.М. Щербак (1997, с. 158, 159 ср.: 2005, с. 51). Занимаясь историей фортификации, быть может, полезно изучить вероятность раннего наложения смысла иранизма tura на подобозвучащее тюркское слово, а в отношении жилищ рассмотреть и возможность еще более древнего иранского лексического влияния. Существует, как увидим, и иной путь для поиска исторических корней как самой формы построек тура, так и, следовательно, их наименования.

Бревенчатые квадратные однокамерные жилища, подобные тура, по-видимому, существовали по всей Южной Сибири [11]. Так, у тувинцев они имели размер 3,5 × 3,5 м, стены без окон, плоскую земляную крышу, земляной пол, отапливались центральным открытым очагом (Соколова, 1998, с. 131). Плоскокровельные избушки, углубленные в землю до половины высоты, были у кумандинцев и челканцев[12]. Сравнимые с тура срубные плоскокровельные жилища существовали у чулымцев и западносибирских (прежде всего томских) татар. Такие срубы знали ханты, манси и селькупы. Показательно, что «черные избы» бурят именовались тур или соол[13]. Далее к востоку в перечень народов, живших в срубах с плоской крышей, войдут якуты и юкагиры. Ради правильного понимания слова тура к сказанному следует привлечь также свидетельства письменных, топонимических и связанных с ними этнонимических данных. Оседлый быт западносибирских татар вызвал среди тюркоязычных соседей наименование их определением туралыг (букв. «имеющие срубный дом», «деревянный город»), ставшим этнонимом (по-русски – туралинцы). Эти люди умели строить города, поэтому уже в XIII в. их реку прозвали Турою (Кызласов Л.Р., 1993, с. 47; 2006, с. 53). Произведенный обзор позволяет правомерно «выделить область аборигенной срубной техники – юг Сибири…» (Попов, 1961, с. 132; Соколова, 1998, с. 110, 112, 115, 133, 173, 207; Лукина, Бардина, 1994, с. 77).

В жилищах типа тура к исконным местным особенностям, выделяемым этнографами, можно отнести следующие черты, значимые для нашего рассмотрения: возможность частичного углубления постройки в землю, небольшой размер и квадратность сруба, его

---

11 Придавая особое значение сочетанию архаических признаков квадратных наземных срубов Сибири, я указываю здесь лишь на их плоскокровельные разновидности. По систематике З.П. Соколовой эту форму построек можно характеризовать сочетанием Б¹2хп (1998, с. 194, 195), но в классификационной номенклатуре «четырехугольные в основании» мне не достает подразделения на прямоугольные и квадратные.

12 Четырехгранные срубы с двускатной крышей, по-видимому, характеризуют древнюю культуру уральских народов: неслучайно они отмечены у манси и хантов, а среди тюркоязычных – только у имеющих соответствующий субстрат шорцев, кумандинцев, челканцев, телеутов и (без указания на форму крыши) у чулымцев и западносибирских татар (Попов, 1961, с. 132, 133, табл. 2, 1, 4, 4, 5, 1, 9, 3; Лукина, Бардина, 1994, с. 33–35, 76, 77, рис. 65, 2). Шорский сруб в шесть-семь венцов имел размер 3,5 × 4 м, а его интерьер во всем сопоставим с плоскокровельными тура: широкие лавки, врубавшиеся на высоте третьего венца, и глиняный очаг-чувал справа от входа. Отверстие для света было в крыше и зимой закрывалось куском льда (Кумеев, 1989, с. 100, 101).

13 Распространение и значение слова тура в монгольских языках и возможность заимствования слов тур и соол бурятами из хакасского см.: (Рассадин, 2007, с. 68, 69).

малая высота и однокамерность, отсутствие потолка, плоское покрытие-накат, кровля из бересты и земли (дерна), рубка в охряпку и без паза вдоль бревна, неровные торцы бревен (работа без пилы), внутренняя промазка глиной пазов стен и самих стен, малые окна (изначально – их отсутствие), земляной или выстланный плахами пол, нары или лавки вдоль стен (Лукина, Бардина, 1994, с. 80, 81). Добавим сюда чувал сбоку от двери.

Рассмотрение археологических материалов, к которому мы теперь приступаем, позволяет думать, что не только сама техника срубного строительства, но и жилищатура принадлежат к очень древнему, дотюркскому субстратному типу южносибирских построек. В этом убеждают как показанный выше ареал этнографических аналогий, так и курганы всех трех основных культур раннего железного века Саяно-Алтайского нагорья, предшествовавших появлению там тюркоязычных народов – пазырыкской на Горном Алтае, уюкской в Тувинской котловине и Северо-Западной Монголии и тагарской в Хакасско-Минусинской котловине. Всем им присущи деревянные гробницы, опущенные в большие ямы.

Материалы пазырыкской культуры Алтая. Лучше прочих эти специфические постройки изучены в аристократических захоронениях Алтая, в основном относящихся примерно к VI–IV вв. до н. э. Скованные вечными льдами усыпальницы сохранили помещенные в них органические материалы, в том числе дерево. После раскопок С.И. Руденко и М.П. Грязнова, произведенных в 1927, 1929, 1947–1949 гг. и впервые надежно зафиксировавших погребальные постройки, они, как и прочие деревянные изделия, были тщательно изучены (Руденко, 1953, с. 236–239; Семенов, 1956, с. 217–219). Срубы в могилах были двойные: погребальную камеру окружал несколько больший сруб или бревенчатый навес, установленный на шести мощных столбах (рис. 3). Внешнее сооружение удерживало заполнение погребального котлована, и рассматривать его, говоря о жилищах, мы не будем.

Выяснилось большое разнообразие способов решения одних или сходных строительных задач, требовавших специальных навыков. Вывод специалиста по древним технологиям был вполне определенным: «Техника возведения деревянных камер, судя по всем признакам, основана на большом опыте работы над жилыми постройками», «в могильных постройках заложен в основном большой практический опыт возведения жилищ». С былым домостроительством изначально связывали такие могильные сооружения и археологи (Руденко, 1948, с. 56; 1953. с. 78–80; Грязнов, 1950, с. 59, 60). Они подчеркивали длительность накопления столь развитых плотницких приемов (Руденко, 1960, с. 215). Добавим к древним плотницким умениям специфичную область курганной работы – ограбление гробниц современниками через мастерски проделанные прорубы в бревенчатых стенах, потолках и многослойных накатах, заполнявших курганные котлованы (рис. 4) (Руденко, 1953, с. 22–24; Семенов, 1956, с. 224–226). С.И. Руденко, раскритиковав концепцию «ранних кочевников», обоснованно заключил: в то отдаленное время на Алтае по крайней мере «богатые скотоводы, вне всякого сомнения, жили

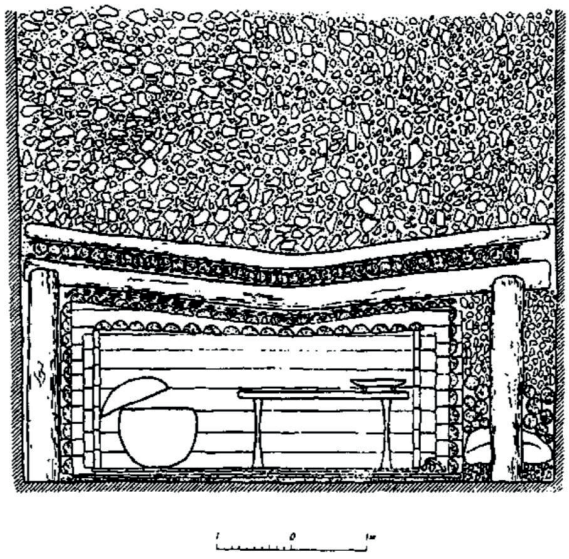


Рисунок 3. Разрез могильной ямы первого Туэктинского кургана по линии север – юг. Слева – погребальная колода, справа – столик с приношением. По С.И. Руденко (1960, рис. 54)

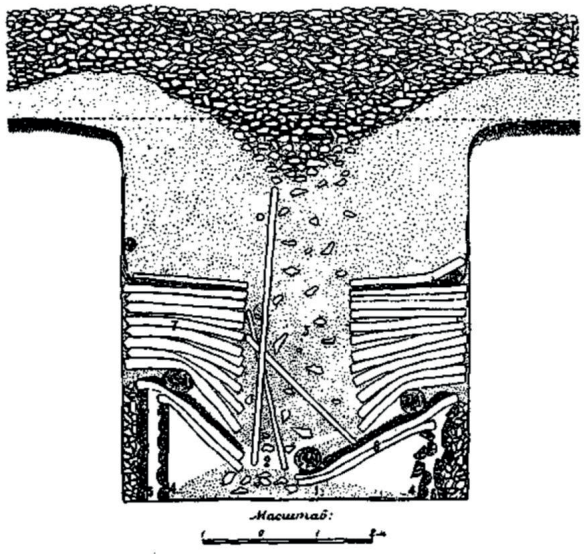


Рисунок 4. Грабительский ход в кургане урочища Шибе. Разрез через погребальное сооружение. По М.П. Грязнову (1929, рис. 5):
1 – куча земли и камней посреди камеры; 2 – слой плотного льда; 3 – заполнение грабительского хода; 4 – стены внутреннего сруба; 5 – стены наружного сруба; 6 – потолки внутреннего и наружного сруба и три балки, поддерживавшие бревенчатый накат внутри котлована; 7 – многорядный бревенчатый накат

в бревенчатых, капитально построенных домах» (1960, с. 200). Поскольку реальные жилые постройки были наземными, их остатки с большим трудом и только при намеренных, упорных изысканиях могут быть в будущем отысканы археологами на местах давних поселений.

Использование для могил подлинных жилых срубов, заподозренное недавно в отношении Первого Пазырыкского кургана (Полосьмак, 2001, с. 20) на основании дверного проема в северной стене камеры, сомнительно. Хотя указание М.П. Грязнова на его проруб грабителями (1950, с. 16) ныне дезавуировано (но надо бы знать источниковедческую точность М.П. Грязнова), новые наблюдения свидетельствуют лишь о том, что этот проем был сделан заранее, как и весь сруб, затем смонтированный в могильной яме (Мыльников, 1999, с. 29, рис. 56). Символика погребений мешала переиспользованию жилищ: согласно многочисленным наблюдениям, подкурганные срубы изготавливались специально. Объяснения «дверям» и «окнам» таких построек, очевидно, следует искать в сфере погребального культа.

Получены факты использования бревен, срубленных за три с половиной – восемь лет до погребения. В кургане 1 могильника Ах-Алаха-3 такие бревна составили одну камеру (Полосьмак, 2001, с. 20). Следовательно, материал запасался впрок и выстаивался (Мыльников, 2003, с. 25, 26, 41). Не исключено, что культ требовал создания «дома мертвых» еще при жизни, как и его наземного использования какое-то время после смерти. Будем помнить, что изготовление мумий вызвано нуждою длительного культового сохранения облика умерших до их захоронения в курганах. Можно думать, что пазырыкские мумии первоначально выставлялись в наземных бревенчатых поминальных святилищах, где (судя по позам) возлежали на ложах. По завершении земных обрядов и сруб, и ложе (Мыльников, 1999, с. 33, 34. рис. 69–72), и сама мумия опускались в подкурганную яму.

Отрицая возможность прямого использования жилых домов в погребальной практике, не приходится сомневаться в определенной точности воссоздания постоянных жилищ в виде культовых подкурганных камер. Судя по этим погребальным воспроизведениям, жилища пазырыкской культуры были прямоугольными срубами, собранными из бревен, плоско отесанных брусьев или плах. Срубы готовили заранее, в стороне от места сборки (бревна курганных камер имеют специальные метки, по которым они состыковывались без малейшего зазора). Неведомо, как размеры камер соотносились с величиной реальных жилищ. Большие усыпальницы имели площадь 13–17 кв. м при высоте 1,5–2,0 м (сруб достигал 11 венцов) (Руденко, 1953, с. 18, 33, 34). О возможной длине и высоте стен домов косвенно свидетельствует размер настенного войлочного ковра, найденного в кургане 5 Пазырыкской долины, – он был 4,5 × 6,5 м (Руденко, 1953, с. 80; 1960, с. 200).

Раскопки пяти курганов урочища Пазырык обнаружили восемь типов углового соединения концов бревен и брусьев (рис. 5). По крайней мере два из них (рис. 5, II, III) предназначались для закрепления потолочного перекрытия. Кроме стен и потолка

(иногда отесанного снизу), жилища, как и гробницы, видимо, имели деревянные полы (на них шли плахи или доски, в ряде курганов покрытые войлоком). Поверх бревен потолка (иногда уложенных в два наката) для защиты от сырости настилалось несколько слоев проваренной бересты (налегающие края полотнищ прошивались и прокладывались мхом), затем раскладывали пласт ветвей кустарника (курильского чая) толщиной 10–12 см и, наконец, лиственничную кору (Руденко, 1953, с. 80, ср. с. 36; Семенов, 1956, с. 217).

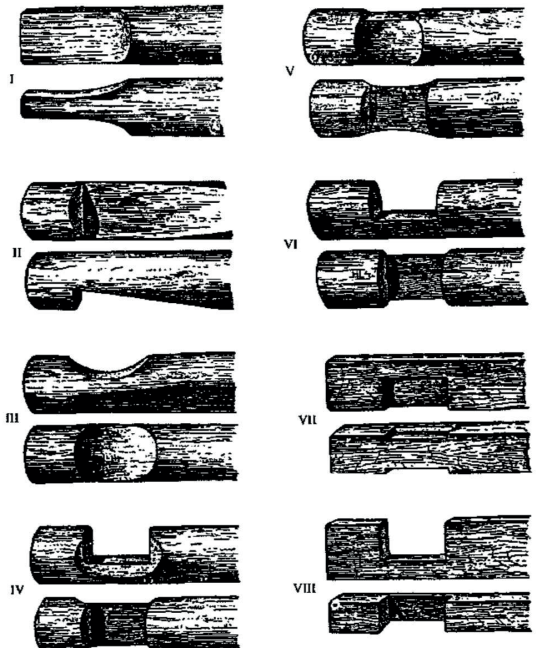


Рисунок 5. Курганы урочища Пазырык. Типы обработки концов бревен и брусьев для углового сопряжения. По С.А. Семенову (1956, рис. 6)

Во всем этом хорошо ощутимы отработанные правила крыть стационарные жилища – огромные берестяные полотнища накрывали потолки камер даже в высокогорной Пазырыкской долине, где не растет береза (Руденко, 1953, с. 17, 35, 36, 78–80, 236, 237). Сходным образом сложившиеся обрядовые правила требовали создания погребальных срубов даже в местах, лишенных леса (Полосьмак, 1994, с. 13).

Данные, полученные на Пазырыкском, подтвердились при раскопках больших курганов Башадарского и Туэктинского могильников (Руденко, 1960), других курганных групп. После повторных раскопок в Береле выводы о существовании постоянных деревянных наземных жилищ прямоугольной формы, вероятно, с плоской бревенчатой крышей, покрытой берестой и дерном, были распространены на Юго-Западный (Казахский) Алтай (Сорокин, 1969, с. 227).

Многочисленные последующие раскопки рядовых погребений и курганов среднего сословия заметно увеличили количество материала для анализа совершенного плотницкого мастерства пазырыкской культуры Алтая. Ныне отмечено уже 30 способов вязки углов срубов, прослежены приемы плотного сочленения стен и дощатого пола, система предварительной разметки бревен для вырубов сложной конфигурации, порядок устранения щелей между венцами и в замковых сопряжениях срубов, зафиксировано использование иных разновидностей плотницкого инструмента, применявшего в VI -IV вв. до н.э. (Мыльников, 1999, с. 24, 26–29, рис. 12–29, 37–42, 47–56; 2000, с. 125–131, 135, 136, рис. 150–152, 155–157, 164–166). Рядовые курганы к внутреннему убранству срубов добавили промазку швов между венцами глиной, деревянные полати и прямоугольные ложа для умерших (Кубарев, 1987, с. 17–21, 126, рис. 8, табл. XXIV, XXXVII, XXXIX, LIV, LVII, LXI, LXXXIV, LXXXIX, XCIV, XCVIII; 1991, с. 29, рис. 5, табл. XXVI, XXXVI, XLIV, LIV, LVI, LVIII, LXII; 1992, с. 15, 16, табл. XIV, XVII, XXI, XXIII, XXIV, XXIX). Новые данные и исследования подтвердили и укрепили прежние выводы: существование постоянных рубленых домов типа тура у жителей Алтая в раннем железном веке следует считать доказанным.

Материалы уюкской культуры Тывы и Северо-Западной Монголии. В отличие от Алтая уюкская культура (в Монголии называемая чандманьской) прежде всего изучена по рядовым захоронениям. Большое разнообразие наземных погребальных сооружений позволяет при учете обряда выделять ее локальные группы. Ямные захоронения также совершались по-разному: в каменных ящиках или в срубах. Со временем доля срубов возрастает. Преобладает рубка углов в лапу или в обло с остатком (Маннай-оол, 1970, С. 12, 13, 17–19; Кызласов Л.Р, 1979, с. 59, рис. 43, 51, 2; Грач, 1980, с. 32, 41, 42, рис. 5–9, 12–14,

25–27, 45, 81, 82, 97; Новгородова, 1989, с. 261, 262, 268, 276, 292, 322–339; Мандельштам, 1992, с. 179, 180, 185). Уюкские срубы, как и в рядовых пазырыкских курганах, обычно невысоки (в три – пять венцов – до 1,4 м) и невелики по площади (от 5–6 до11 кв. м). Бревна в уюкских захоронениях прежде всего лиственничные, плотно подогнаны, изнутри хорошо отесаны, пазы иногда промазаны глиной. На стенах обнаружены следы войлока, прибитого бронзовыми гвоздями. Потолочные бревна или плахи снабжены пазами для крепления со стенами. Потолок чаще сооружался из двух рядов бревен, проложенных листами бересты. Полы настелены из плах в 4–5 см толщиной или тонких досок, жердей, которые иногда клали на лаги и выстилали берестой.

Картину не меняет аристократическая могила 5 в так называемом кургане Аржан-2[14]. Она содержала двойной сруб: внешний (внутренней площадью 12,5 кв. м) высотой в 11 венцов (около 1,5 м) и внутренний (6,2 кв. м) – в 7 венцов (1,5 м). Внешняя камера была сооружена из круглых ошкуренных бревен и крыта таким же плотно уложенным накатом. Внутренние стороны перекрытия и стен второго сруба имели одностороннюю оттеску, а его углы, связанные в обло, оставлены круглыми, выступающими внутрь (Čugunov u. a., 2003, abb. 15–17, 28). Подобным образом оформленные срубы обнаружены и при раскопках на Алтае (Руденко, 1953, с. 79). Пол камеры в могиле 5 был выстлан плотно подогнанными отесанными полубревнами (Мыглан и др., 2006, с. 131, рис. 1–3). При учете приведенных выше данных о заранее изготовленных пазырыкских гробницах следует отметить, что бревна для разных могил кургана Аржан-2 (№ 2, 5 и 11) были срублены в один год, то есть их заготовка была прямо приурочена к совершению одноактных захоронений (Мыглан и др., 2006, с. 135–138). В Туве отмечены случаи создания двухэтажных деревянных камер, верхний ярус которых был собран заплотом: бревна стен концами запущены в массивные угловые столбы высотой 2,84 м (Кызласов Л.Р, 1979, с. 69). Возможно, это результат подхоранивания. Стоит заметить, что в ранних захоронениях, совершенных не позднее VII в. до н. э., крытые бревнами погребальные срубы или клети (высотой до 9 венцов) ставились и на земную поверхность, а после того закладывались камнем (Кызласов Л.Р., 1979, с. 35).

Вполне понятно, что описанные камеры обычных курганов не могут восприниматься как близкое воспроизведение жилых домов. Однако в целом в Туве и Северо-Западной Монголии, как и на Алтае, наблюдения археологов приводят к единственному несомненному выводу: «Обилие погребальных камер в виде срубов с полами и перекрытиями говорит об устойчивой традиции деревянного строительства и о вероятности существования на зимовках однотипных наземных жилых и хозяйственных построек» (Мандельштам, 1992, с. 193; Кызласов Л.Р., 2006, с. 139). Собрано достаточно данных для того, чтобы утверждать, что погребальные камеры-срубы – «близкие подобия реальных жилищ, но не сами реальные жилища, упрятанные под землю» (Грач, 1980, с. 32). В Улан-Гомском могильнике срубы двух курганов (№ 47 и 48) имели квадратные вырубленные «окна» (50 × 45 и 50 × 50 см) (Новгородова, 1989, с. 338, 339). Однако и в этом видеть свидетельство вторичного использования реального дома (Полосьмак, 2001, с. 20), пожалуй, не стоит. Существование окон в суровом климате и в столь раннее время требует дополнительных доказательств. В коллективных гробницах отверстия могли предназначаться для поэтапного дохоранивания трупов (Новгородова, 1989, с. 295; Грач, 1980, с. 51). Однако дверь (шириной 80 см), вырубленная в северо-восточной стене сруба могилы 15 (Новгородова, 1989, с. 262,327), вероятно, требует другого объяснения. Для полноты картины нужно добавить стационарность поселений рудокопов и металлургов, чья деятельность в уюкское время надежно зафиксирована в разных районах Тывы (Кызласов Л.Р., 1979, с. 53–65). К остаткам постоянного поселка VII–VI вв. до н. э. по найденным обломкам

14 Тувинцы называли аржаном только один курган Уюкской долины (раскопанный М.П. Грязновым и М.Х. Маннай-оолом), поскольку его подтаивавшая летом внутренняя ледяная линза порождала ручей, проистекавший с гигантского каменного кургана и почитавшийся священным и целебным (тув. аржан).

посуды предварительно отнесены обнаруженные в котловине выдувания песков «остатки деревянного пола от жилого сооружения типа избы», встреченные у горы Хайыракан на левом берегу Улуг-Хема. От настила уцелели две слегка обгоревшие доски и отесанная жердь (их общая площадь 3 × 0,8–0,9 м). Дерево несло следы отёски узким теслом типа кельта (Кызласов Л.Р., 1979, с. 16, 17, 48, рис. 9, 1).

Культовое домостроительство и проблема происхождения пазырыкской и уюкской культур. Фундаментальные исследования памятников пазырыкской культуры, проведенные и организованные В.И. Молодиным и Н.В. Полосьмак в 2000-е гг., принесли совершенно новые данные для этнического определения ее носителей. Арийской гипотезе был нанесен серьезный урон. Исследование генетиками хромосом, выделенных из тел трех пазырыкских мумий с плато Укок, показало, как известно, что в их жилах текла кровь сибирских аборигенов, наиболее близкая к современным южным самодийцам – селькупам, а также к енисейцам – кетам, в меньшей степени – к некоторым финно-уграм, например, манси (Полосьмак, Молодин, 2000, с. 85; Воевода, Ромащенко, Ситникова и др., 2000; Молодин, Полосьмак, 2001; Деревянко, Молодин, Шуньков, 2005, с. 12, 13; Куликов и др., 2006). В целом можно сказать, что новосибирские археологи ныне развили давнее направление исследовательской мысли А.П. Окладникова, еще в 1968 г. написавшего о пазырыкских племенах: «…возможно и наличие в их среде тунгусов» (2003, с. 398).

Определения генетиков заметно оживили внимание археологов к проблеме самодийских древностей Южной Сибири. Однако в отношении пазырыкской культуры анализ митохондриальной ДНК, указывающий на материнское биологическое наследство, добавил новый компонент к прежним утверждениям. Была сформирована гипотеза о смешанном иранско-самодийском этническом составе носителей этой горноалтайской культуры, в котором ираноязычная часть воспринимается не столь древней и пришлой, а самодийская – исконной и автохтонной. Выдвижению иранской составляющей этой комбинации послужили давно знакомые аргументы из области материальной культуры и значительно расширенные в последние десятилетия краниологические определения, а также впервые полученная «еще одна линия связи» пазырыкского генофонда – с современными уйгурами и казахами (Молодин, 2000б). Пришлой частью горноалтайского общества той поры явились европеоиды, принадлежавшие, пользуясь широкими антропологическими понятиями, к расе среднеазиатского Междуречья, сходной с памиро-ферганским типом. Основной их приток на Алтай пришелся еще на эпоху бронзы, но происходил и в раннем железном веке.

Оценивая новую постановку вопроса, следует обратить внимание на несколько существенных моментов. Во-первых, мумии Укока в отношении краниологии «подтвердили наличие здесь европеоидного населения, по крайней мере в элитных слоях общества. В целом пазырыкское население имело заметную долю монголоидных элементов» (Аксянова, 2006, с. 14). Анализ массового материала выделяет не две, а три краниологические группы, различия которых, однако, невелики. Основной компонент характеризуется европеоидно-монголоидной промежуточностью, то есть древностью местного сложения. Европеоидность второй группы характеризует мужчин, а несколько большая монголоидность третьей отличает женщин. Важно, что особенности европеоидного типа свидетельствуют не только о его древней пришлости из районов севера Передней и юга Средней Азии в эпоху бронзы, но и о давней изолированности в пределах Горного Алтая в эпоху раннего железа. Круг групп, антропологически близких к пазырыкским, оказывается значительно шире юго-западных аналогий и являет собой подлинный «этнокультурный конгломерат» (Чикишева, 2000, с. 109–113, 117–120). Весьма серьезные исследования Т.А. Чикишевой показывают, что развитие антропологической науки по сей день сдерживается ограниченностью предоставляемых археологией материалов, и потому она все еще находится на поисковой ступени развития.

В пришлости и «космополитизме» европеоидной знати Саяно-Алтайского нагорья раннего железного века нет ничего удивительного. Эти особенности местной древней истории, связанной с саками Казахстана, были показаны археологическими средствами уже более 40 лет назад (Кызласов Л.Р., 1977). Однако приводило ли появление чужеземных правителей к смене языка у местного населения? Сегодня на этот вопрос ответа не отыскать. Не стоит также доказывать и вполне очевидного: европеоидность населения не может указывать на конкретную языковую принадлежность даже при обсуждаемых конкретных условиях. Огромные степные пространства Казахстана и Западной Сибири обобщенно относят к сакам лишь в силу терминологической условности, порожденной нашим историческим образованием (здесь можно вспомнить и об усунях или арийцах-андроновцах. Отметим, к слову, краниологические сближения пазырыкских и так называемых усуньских серий при резком отчленении андроновских от носителей скифо-сибирских культур - Чикишева, 2000, с. 117–119). У каждой культуры этих земель своя археологическая характеристика, своя история и практически повсеместно неизвестная нам языковая и этнонимическая принадлежность. Будем помнить, что при хорошей изученности как горноалтайской, так и в целом южносибирской топонимики в ней практически отсутствуют как иранские, так и индоевропейские географические обозначения. Такая ситуация не позволяет думать, что языки этих групп имели здесь сколько-нибудь существенное и длительное распространение. Следовательно, нет серьезных южносибирских оснований для увязывания европеоидов названных антропологических типов не только с иранскими, но и с индоевропейскими языками. Напротив, фонетистами-экспериментаторами достоверно выявлены существенные показатели наложения пришлых тюркских языков алтае-саянской группы на угро-самодийский речевой субстрат, а в отношении шорского языка определено и наследие кетского субстрата (Селютина, 2007).

Поскольку, согласно историческим и археологическим данным, появление тюркоязычного населения в Южной Сибири следует отнести к началу гуннской эпохи (II–I вв. до н. э.), то субстратные языки характеризуют ранний железный век, включая и носителей пазырыкской культуры. Что касается связей пазырыкской ДНК с современными молекулярными показателями уйгуров и казахов, то у генетиков речь все же идет о довольно широком явлении – о том, что на древе современных генетических связей «два полюса (так называемые европейский и восточный. – *И.К.*) соединены между собой рядом популяций Средней и Центральной Азии. Из их числа наиболее близкими к пазырыкцам оказались казахи и уйгуры». Тем самым «минимальные генетические дистанции», подобные селькупам и кетам, в этом случае не наблюдаются (Воевода, Ромащенко, Ситникова и др, 2000, с. 91, 92). Сомнительно, что в подобном виде это наблюдение может быть показателем былой ираноязычности раннего европеоидного компонента Алтая. Надеюсь, что оно не будет никем всерьез использовано и для отнесения пазырыкского общества к тюркоязычным народам.

Изложенное не позволяет, пожалуй, принять гипотезу о двоякой ирано-самодийской принадлежности пазырыкского общества. Языковое определение первого компонента предложенной парности остается неубедительным. Понятно, что помимо языковых определений не приходится отрицать ни антропологической, ни культурной смешанной природы пазырыкского населения, что, естественно, не умаляет культурной роли лежащего в его основе мощного субстратного пласта, – можно думать, прежде всего самодийского, но в какой-то мере, видимо, и самодийско-енисейского в языковом отношении. Вполне естественно предположить, что в горно-таежной местности население в ту давнюю пору было разноязыким. Излишне говорить, что новые открытия, столь значительно меняющие исходные позиции науки, как это сделали генетические определения пазырыкских мумий Укока, порождают и новые направления поисков,

прежде всего в области этно- и культурогенеза. Археологические возможности такого поиска пока оставались вне нашего обсуждения, но именно они представляют для нас первейший интерес.

Исследования не столь давно обнаруженных южносибирских мумий закономерно привлекли дополнительное внимание и к старым находкам подобного рода. В Государственном Эрмитаже с помощью новых методик были обследованы мумии Оглахтинской гробницы таштыкской культуры, раскопанной в Хакасии в 1969 г., и самих Пазырыкских курганов, вскрытых в 1927–1949 гг. на Горном Алтае. Работы сосредоточились на обнаружении и изучении потерявших яркость и едва заметных глазу татуировок и их сюжетов (Кызласов, Панкова, 2004; Баркова, Панкова, 2005). Однако сравнение мумий Хакасско-Минусинской котловины и Горного Алтая как самобытных явлений погребального культа позволяет поставить и вопросы более широкого плана, в том числе отметить ранее не привлекавшие внимания признаки особенностей происхождения пазырыкской культуры.

Создание позднетагарских и тагарско-таштыкских (тесинских) мумий в Хакасско-Минусинской котловине вызывалось той же культовой необходимостью, что и у носителей пазырыкской культуры, – потребностью длительного сохранения облика умерших до их захоронения. Однако при всем том мумии, изготавливавшиеся населением Среднего Енисея, кардинально отличались от пазырыкских по устройству. Речь идет не о бальзамах и пропитках или материалах, воссоздававших объем тела, – мумии Хакасии имели внутренние деревянные каркасы, к которым крепились кости очищенного от мышц скелета. Прямые деревянные стержни этих каркасов укреплялись вдоль рук и ног мумии, не позволяя им согнуться (Вадецкая, 1986, с. 85, 86; Кузьмин, Варламов, 1988; Кызласов И.Л., 2023). Всего этого закономерно лишены погребальные мумии Горного Алтая, как, надо думать, были лишены и мумии уюкской культуры Тувинской котловины и Северо-Западной Монголии. Тем самым очевидно, что до погребения мумии одновременных культур Южной Сибири и Центральной Азии использовались различно, и граница между двумя обрядовыми зонами в целом проходила по Западно-Саянским хребтам: алтайские и засаянские мумии возлежали, а хакасско-минусинские стояли (поскольку для их укладывания каркас был бы не нужен).

Уяснив эту допогребальную ситуацию, оставим в стороне позднетагарские обряды и обратимся к пазырыкским курганам и их могильным камерам. Использование для могил подлинных жилых срубов, как мы видели, вызывает серьезные сомнения, а новые наблюдения свидетельствуют лишь о том, что проем в срубе Первого Пазырыкского кургана был сделан заранее, как и весь сруб, затем смонтированный в могильной яме (Мыльников, 1999, с. 29, рис. 56). Аналогичная ситуация восстанавливается и для западного прорубa в Пятом Пазырыкском кургане: под землею сруб был собран с уже проделанным в стене отверстием (Гаврилова, 1996, с. 92, 93).

К подобным выводам приводят и материалы уюкского Улан-Гомского могильника: в коллективных гробницах здесь отверстия могли предназначаться для поэтапного дохоранивания трупов (Новгородова, 1989, с. 295; Грач, 1980, с. 51). Такого, однако, нельзя сказать о двери (шириной 80 см), вырубленной в северо-восточной стене сруба могилы 15 (Новгородова, 1989, с. 262, 327). Вполне очевидно, что перед нами следы использования срубов до их размещения в подкурганные ямы пазырыкской и уюкской культур. Отыскивая объяснение этому, будем учитывать, что символика погребений мешала переиспользованию реальных жилищ: согласно многочисленным наблюдениям, подкурганные срубы изготавливались специально. Отрицая возможность прямого использования жилых домов в погребальной практике, не приходится сомневаться в определенной точности воссоздания постоянных жилищ в виде культовых подкурганных камер (Кызласов И.Л., 2005, разд. 4). Вполне очевидно и другое: как уже говорилось выше,

объяснения «дверям» и «окнам» таких построек следует искать отнюдь не в обыденной сфере, а в области самого погребального культа.

Поскольку для пазырыкской культуры получены факты использования бревен, срубленных за три с половиной – восемь лет до погребения, не исключено, что культ требовал создания «дома мертвых» еще при жизни, как и его наземного использования какое-то время после смерти. Вполне понятно, что в мировоззренческой и обрядовой сфере Алтай не был подобен Египту, и само мумифицирование не было обусловлено требованиями ритуала погребения. Между тем свидетельства намеренного сохранения тела в том или ином виде надежно установлены совокупностью новых исследований (Деревянко, Молодин, Шуньков, 2005, с. 14). Все это позволяет думать, что пазырыкские мумии первоначально выставлялись в наземных бревенчатых поминальных святилищах, где (судя по позам) возлежали на ложах. По завершении земных обрядов и сруб, и ложе (Мыльников, 1999, с. 33, 34, рис. 69–72), и сама мумия опускались в подкурганную яму. В ямном срубе рядом с погребальной колодой размещались, как выясняется, и некоторые предметы, первоначально оставленные внутри наземного святилища по окончании поминальных культовых действий. Д.Г. Савинов, с большой ясностью обобщивший необходимые данные больших пазырыкских курганов (1996, с. 107–111), обосновал возможность совершения неких обрядов в срубных гробницах, уже опущенных в ямы, но еще не перекрытых каменными насыпями. Об этом говорят и размеры, и большая высота срубов (1,5–1,85 м), и лестницы для спуска и подъема, и прорубленные лазы, и сдвинутая к стене колода с умершим, освобождающая часть помещения, в которой найдены столы для обработки мертвых тел, курильницы, музыкальные инструменты и другие неутилитарные предметы.

Гипотеза дополнена раскопками последних лет: прослежены ведущие в гробницы наклонные дромосы, а также подкурганные погребальные ямы, которые не засыпались – могильные холмы возводились поверх их деревянных перекрытий (Шульга, 1997). Быть может, все так и было. Однако в нарисованную картину подземных «часовен» не вписываются ни сам обряд мумификации умерших (склепы не могли стоять в бескурганных ямах особенно долго), ни столы для мумифицирования (будь это нормой, они были бы в каждом крупном захоронении), ни боковые входы и «окна» срубов, смотрящие в земляные стенки ям, ни многолетнее выстаивание бревен до их подкурганного использования.

Противоречия снимаются, если связывать выявленные культовые действия не с самими гробницами, а с той срубной наземной камерой, которая изначально хранила мумию умершего. Нельзя отрицать, конечно, что последний из таких обрядов вершился уже в подземелье. Допуская существование допогребальных наземных построек с мумиями умерших, не придется при объяснении найденного в больших курганах избегать данных, полученных при раскопках рядовых погребений пазырыкской культуры. Принципиальная общность могил тех и других в основных конструктивных и пространственных решениях, как и само погребение мумий и их обустройство, восходят к единству допогребального культа. Поскольку рядовые могилы, как правильно отмечено Д.Г. Савиновым, не могли быть подземными «часовнями», предлагаемое объяснение обсуждаемых особенностей погребального «домостроительства» позволяет включить в круг устойчивых признаков пазырыкской культуры проведение длительных поминальных обрядов до подземного захоронения – а именно наличие специальных наземных бревенчатых культовых построек и хранение в них какое-то время мумифицированных тел умерших.

Прекрасные подтверждения такого обряда и образец срубного поминального храма получены недавним доследованием Пятого Пазырыкского кургана. Работы привели к извлечению и сборке на месте так называемого внешнего сруба, связанного в обло. Эта прямоугольная постройка (внешним размером 7 × 4 м), ныне лишенная плоского потолочного перекрытия, имела вид усеченной пирамиды, несколько сужающейся

кверху, состояла из шести венцов и имела высоту 2 м (Константинов и др., 2019, рис. 4, 2, 5, 1, 2). Называть допогребальную культовую постройку внутримогильной конструкцией следует, лишь имея в виду ее вторичное и окончательное использование, потребовавшее спуска в яму подкурганного захоронения исполнившего свою основную роль наземного поминального сооружения, в котором в соответствии с ритуалом изначально помещались подвергавшиеся прощальным действиям мумии.

Именно эти постройки в полной мере характеризуют облик и технику сооружения тех стационарных жилищ, которые были свойственны для раннего железного века Южной Сибири и прилегающих районов Центральной Азии и Казахстана.

Многочисленные внешние аналогии умозрительно реконструированного допогребального обряда хорошо известны всем археологам-востоковедам среди материалов той эпохи, которая предшествовала рассматриваемому времени. Речь идет о погребениях конца бронзового и начала раннего железного веков (IX–VI вв. до н. э.), совершенных без могильных ям в установленных на горизонте деревянных или каменных камерах. Эти погребальные постройки затем обкладывались камнями с боков и заваливались сверху, со временем приобретая вид каменного кургана. Таковы захоронения дандыбай-бегазинской культуры Центрального Казахстана с деревянными наземными камерами, таковы уюкские захоронения Тывы, датируемые временем не позднее VII в. до н. э., погребальные срубы и клети которых по высоте достигали девяти венцов, а также керексуры Центральной Азии и смежных районов Южной Сибири, содержащие каменные цисты.

Археологической науке пока неизвестна величина интервала, разделявшего в этих культурах две очевидные процедуры – помещение мертвого тела в наземное сооружение и его последующее захоронение, то есть полную изоляцию от живых соплеменников под мощной каменной насыпью. Вполне вероятно, что именно продолжительность этого интервала и потребовала в V–III вв. до н. э. от культур раннего железного века мумифицирования умерших, если поминальные обряды, связанные с выставлением тела в подобном наземном сооружении, занимали много времени. По их завершении в соответствии с изменениями погребального культа поминальная камера опускалась уже в подкурганную яму.

При учете всего сказанного происхождение пазырыкской культуры Горного Алтая, так же как и уюкской культуры Тывы и Монголии, правомерно связывать с очерченным кругом культур позднего бронзового века. Основываясь на хромосомных определениях пазырыкских мумий, можно предположить, что обсуждаемый культурный признак – погребения в постройках, возведенных на рубеже позднего бронзового и раннего железного веков, не имел узкого этнического значения и объединял разноязыкие народы – носителей восточноиранских, южносамодийских и енисейских языков. Существенно, что при всей обширности круга этих культур в Южной Сибири северная граница погребений на горизонте не переступила Западно-Саянских гор.

Материалы тагарской культуры и переходного этапа на Среднем Енисее. Обозревая свойственные эпохе широкие азиатские аналогии погребальным конструкциям и поминальным (допогребальным) наземным храмам, как и связанному с ними обряду мумификации умерших, следует ясно видеть прямое обрядовое противостояние Хакасско-Минусинской котловины и во многом сходных обычаев соседних регионов Южной Сибири и Северо-Западной Монголии. Вертикально помещаемые скелетные мумии Среднего Енисея, обрядово противопоставлены прочим видам мумифицирования, создававшим лежащие формы.

На то указывают упоминавшиеся выше деревянные каркасы, совершенно ненужные для лежащей фигуры, не позволявшие усадить ее, ибо не сгибались закрепленные на цельных стержнях ни руки, ни ноги (рис. 6). Зародившуюся в конце тагарской культуры

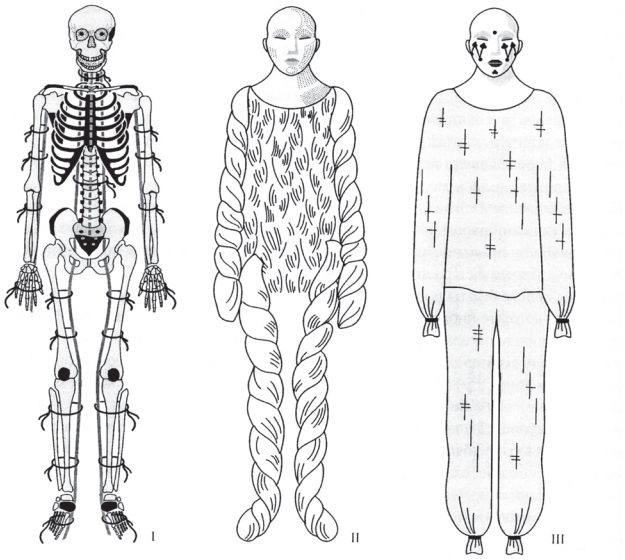


Рисунок 6. Последовательность создания скелетной мумии (реконструкция). Хакасско-Минусинская котловина. Тесинский переходный этап. По Н.Ю. Кузьмину (2011, рис. 35)

и широко распространившуюся на переходном тагарско-таштыкском (тесинском) этапе сложную систему очистки от мягких тканей и внутреннего крепления костной основы, завершающуюся воссозданием на основе черепа скульптурной портретной головы умершего, кардинальным образом отличают скелетные мумии. Рассчитанные на длительное сохранения облика каждого умершего (что вызвало обряжение мумий в личную, узнаваемую сородичами одежду покойника, как и придание его скульптурно воссозданной голове портретного сходства с ним – рис. 7) такие скелетные мумии не оставляют сомнения в былом существовании специальных наземных допогребальных, то есть поминальных храмов Среднего Енисея. При их посещении довольно долгое время вершились неведомые нам обряды, вызвавшие изготовление скелетных мумий (Кызласов И.Л., 2023). Однако помимо названных культовых отличий Хакасско-Минусинской котловины укажем и на еще одно – тагарские и тесинские допогребельные храмовые постройки, выполнив свою основную задачу, не помещались затем в захоронения.

Можно думать, что это объясняется не индивидуальным и семейным, как в пазырыкской и уюкской культурах, а по-настоящему коллективным характером среднеенисейских допогребальных храмовых комплексов и склеповых захоронений. Между тем вряд ли могут быть сомнения, что эти обрядовые, не сохранившие следов поминальные постройки были деревянными срубами, принципиально сходными с жилищами типа тура. В господстве такого домостроения убеждает форма погребальных сооружений той эпохи.

Рисунок 7. Скульптурный портрет женской скелетной мумии. Хакасия. Тесинский переходный этап. По Н.Ю. Кузьмину (2011, приложение 5. Фото 9)

Деревянные могильные срубы, перекрытые бревенчатыми накатами, существовали на всем протяжении тагарской культуры. На их строительство шла лиственница (рис. 8). Первоначально срубы низкие (2–3 венца), позднее – высокие (5–6 венцов) и доходят до краев ямы. Поверх дощатого или бревенчатого потолка над бортами ямы на поперечные лаги уложены еще два-три наката бревен, крытых берестой. Ранние срубы небольшие (обычно 6 кв. м). Со временем камеры растут до 10–16 кв. м, в случае коллективных погребений достигая 35–45 кв. м. От земляных стенок котлованов срубы отгораживаются плотным бревенчатым тыном, а число перекрывающих их накатов, укладывавшихся крест-накрест, увеличивается до пяти-шести. В этих случаях деревянная пирамидальная конструкция возвышалась над поверхностью земли на 2–2,5 м, а бревна обшивались вываренной берестой. Часто такая пирамида покрывалась пластами

бересты (до 13 слоев) и обкладывалась камнем или слоями нарезанного дерна (рис. 9, 1). Прослежены и более сложные покрытия могильных ям: поверх трехслойного бревенчатого наката Большого Новоселовского кургана лежали несколько слоев бересты, войлок, придавленный косой жердевой решеткой, снова береста и, наконец, вязанки хвороста, прижатые параллельно выстланными жердями. Нередко погребальные срубы ставились на уже уложенный поверх лаг пол из однорезин (полубревен), покрытых берестяными полотнищами.

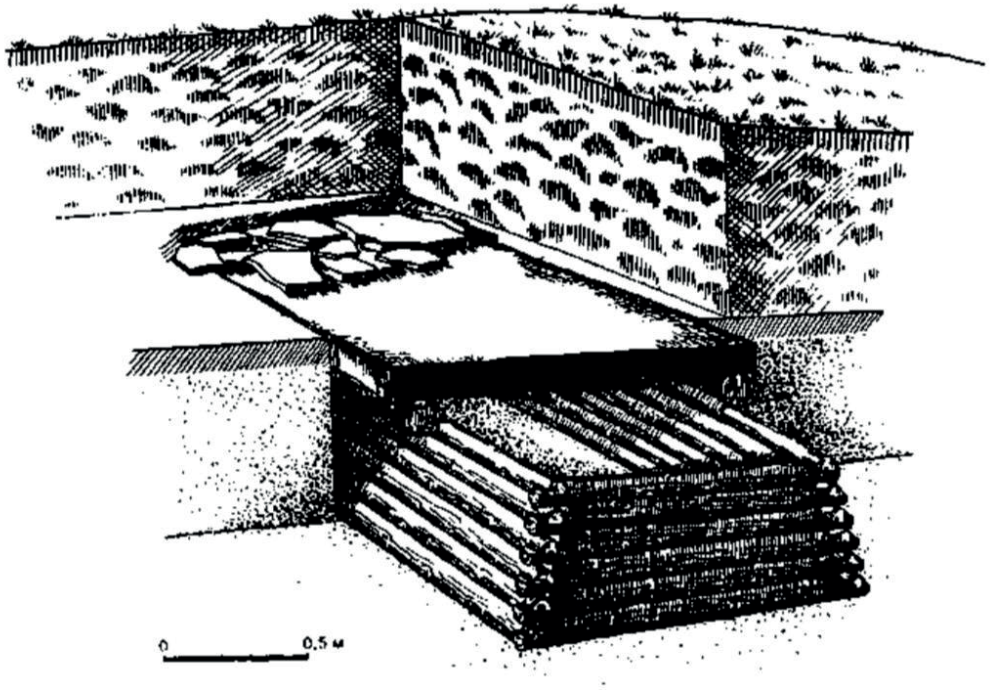


Рисунок 8. Сооружения могилы 2 раннетагарского кургана 1 у Шаман-горы. Реконструкция В.Г. Ефимова. По Н.А. Боковенко и Ю.А. Смирнову (1998, рис. 9)

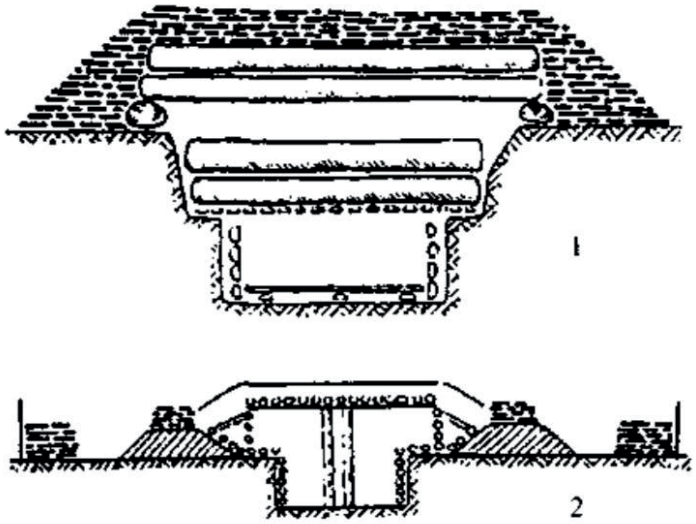


Рисунок 9. Разрезы-реконструкции погребального сооружения тагарской культуры у с. Тесь (1) и кургана Барсучиха I тагарско-таштыкского переходного этапа (2). По Э.Б. Вадецкой (1986, табл. VII, 24, VIII, 22)

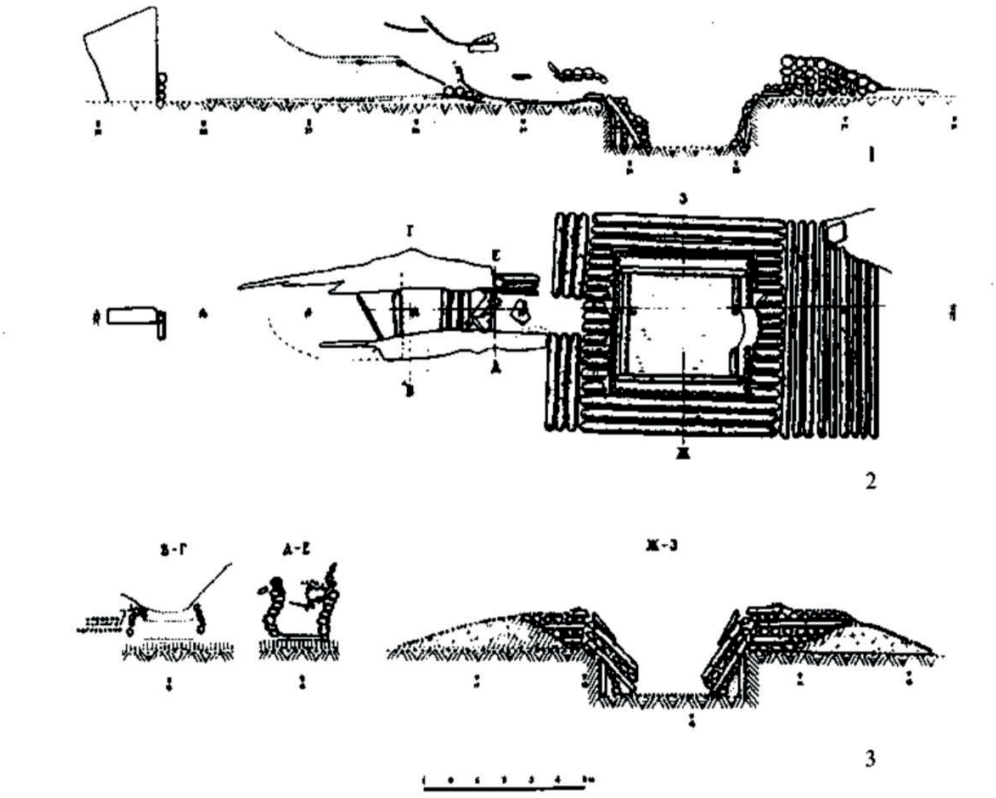


Рисунок 10. План (2), продольный (1) и поперечные (3) разрезы погребального склепа Большого Салбыкского кургана. Слева (1, 2) – менгир каменной ограды. Чертежи из архива С.В. Киселева, 1955 г. (Архив ИА РАН, ф. 12)

Иногда такие полотнища укладывались на дно ямы, предшествуя деревянной вымостке. Углы рубились в лапу. У ряда курганов IV–III вв. до н. э. появляются входы с западной стороны – выходившие на поверхность коридоры, также сооруженные из бревен и имевшие потолки и полы, крытые берестой. Ширина коридоров, начинавшихся парой вертикальных столбов, была 1–2,3 м, а высота достигала 1,6 м (рис. 10). С этим новшеством возникают подкурганные сооружения иного плана (Киселев, 1949, с. 128; 1951, с. 222–224; Вадецкая, 1986, с. 79–81, табл., VII, 24; Курочкин, 1989, с. 67; 1993, с. 23–25, рис. 33, 36–38; Кузьмин, 1994, с. 22, 23, рис. 6–10; Боковенко, Смирнов, 1998, с. 11, 17, 23, 27, 32, 34, рис. 7–9, 12, 15, 16, 18, 20, 25–27, 31, 32).

Соотнося внутримогильные постройки с жилыми, надо признать появление на Енисее деревянных домов с выступающим входом-коридором. Однако, исключая Дальний Восток, такая конструкция в сибирской автохтонной архитектуре редка. Открытые коридорные входы (облицованные деревом) обычно ведут лишь в глубокие землянки селькупов, а крытые и короткие сени – в наземные постройки кетов (Пелих, 1972, табл. XXXI, 7, 2, XXXIII, 4; Соколова, 1998, табл. VI, 2, IX, 3). Правда, такое подобие сеней со стороны входа (с двумя стенами и крышей) описано для рубленых хакасских жилищ *тура* последней четверти XVIII в. (Паллас, 1786, с. 449, 450; Патачаков, 1958, с. 62).

Однако в курганной археологии наблюдается иная картина. В гунно-сарматскую эпоху (III в. до н. э. – I в. н. э.) как у самих центральноазиатских гуннов, так и у их соседей и подданных распространяются могильные ямы с выходящими на поверхность входными коридорами-дромосами (Могильников, 1992, с. 262, 263, табл. 110, 4)[15]. В рассматриваемом южносибирском случае мы можем иметь дело с внешним воздействием, вероятно,

15 Эта культурная ситуация непроста для понимания археологом, поскольку на Западе, в Приуралье и Приазовье, дромосы распространяются с конца V-IV в. до н. э. Примерно в IV в. до н. э. они появляются и на Среднем Енисее – в курганах тагарской культуры.

прежде и более всего затронувшим погребальную архитектуру. Неслучайно обнаружены наземные выкладки, лишь имитирующие такие дромосы (Мандельштам, Стамбульник, 1992, с. 197, табл. 80, б). Можно думать, что выступающий за пределы жилища вход – черта временна́я, отличающая в Южной Сибири и Центральной Азии саму гунно-сарматскую эпоху. На Среднем Енисее и в прилегающем Причулымье мы встречаем его и при раскопках поселений этого времени. Показательно, что он присущ наземным жилищам, как прямоугольным, так и многоугольным, как срубным, так и каркасным.

В погребальных срубах этого времени (площадью 22–50 кв. м, выстланных горбылями, полубревнами или досками) сходство с жилищем тура усиливается появлением полатей вдоль стен. Сколоченные из бревен, они достигают ширины 1,5 м (однажды – 3 м). На полати и укладывали умерших. Потолок в два-три наката, перекрытый берестой или корой лиственницы, иногда поддерживали столбы. Открыты и подкурганные наземные срубные камеры II – середины I в. до н.э., обложенные кирпичами из дерна (рис. 9, 2) (Вадецкая, 1986, с. 83). В ряде случаев такие постройки оказались поставлены в два яруса (подземный и наземный), друг на друга (Пшеницына, 1992, с. 227).

Возможность проследить древние сооружения, сравнимые с жилищем тура, уменьшается с привлечением поселенческих данных. Хорошо выявляя особенности плана и нередко основные черты интерьера построек, полевая археология редко уверенно судит о форме их перекрытий. Все последующие сведения этого рода, приводимые о прямоугольных и квадратных срубных постройках раннего железного века и Средневековья, с равным основанием допустимо считать остатками как плоскокровельных тура, так и купольных четырехгранных агас иб. Неслучайно многие археологи сравнивали свои материалы с домами Боярских писаниц, то есть с изображением купольных жилищ – иб.

На северных границах тагарской культуры, на енисейском острове в черте Красноярска, в 1932 г. были открыты остатки наземного деревянного дома – квадратного сруба размерами 4 × 4 м (Киселев, 1949, с. 167; 1951, с. 287). Остатки такого же сруба, относящегося к началу тагарской культуры (примерно к VIII в. до н. э.), обнаружены на поселении Усть-Парная (Абсалямов, 1978, с. 8). Именно четырехугольное срубное жилище было, видимо, типичным на протяжении всей тагарской культуры[16]. К III–I вв. до н. э., то есть уже к переходному этапу, отнесены следы трех-четырех таких же стационарных домов (3,5 × 3,5 м), обнаруженных на р. Кия (Шестаковское городище), и еще девяти площадью по 14–16 кв. м, стоявших рядами-улицами на поселении у оз. Косоголь. Все они реконструированы как срубы, связанные с остатком (т.е. концы бревен выходят за линии стен). Очаги представляли собой округлые ямы или каменные выкладки, а однажды были выявлены остатки печи со сводом, сложенной из камней и глины на деревянном каркасе. Шестаковские жилища имели выступающий на 1 м вход. Вокруг них прослежены остатки дворовых построек, в том числе погребов (Абсалямов, 1978, с. 7, 8; Мартынов, 1979, рис. 22; Мартынов, Абсалямов, 1988, с. 71–81, рис. 20, 21).

Прямоугольные и круглые погреба – единственные сооружения, нарушившие материковые отложения в раскопанных пределах Ташебинского городка. Они выявляют уличную планировку его застройки (рис. 11) и существование не оставивших следов наземных срубных жилищ, существовавших здесь как на тагарско-таштыкском переходном этапе, так и в раннеташтыкское время (Кызласов Л.Р., 2001, с. 120–123, рис. 59).

16 В раннем железном веке Саяно-Алтая в домостроительстве применялся и камень. Основания квадратных и прямоугольных жилищ, сложенные из плитняка без раствора или скрепленные глиной, обнаружены на некоторых тагарских поселениях Хакасско-Минусинской котловины (Грязнов, 1965а, с. 70). Кое-где здесь сохранились остатки глинобитных печей (Абсалямов, 1978, с. 9, 10; Мартынов, Абсалямов, 1988, с. 86–88). Полуземлянки с выложенными каменной кладкой стенами, судя по моим наблюдениям 1987 и 1995 гг. на горной II Озерной крепости в Хакасии, построенной поверх культурного слоя каменоложского этапа, могли появиться еще в конце карасукской культуры – в IX в. до н. э. Регулярные кладки ранних цистообразных погребальных камер, имеющих перекрытие в виде ложного купола, свидетельствуют о существовании навыков каменного строительства и в уюкской культуре Тувы (Мандельштам, 1992, с. 193).

Существование срубов-тура в раннем Средневековье. Сооружение прямоугольных срубов, крытых плоским поперечным бревенчатым накатом, сохраняется в хорошо изученных грунтовых могильниках I в. до н. э. – I в. н. э., относящихся к таштыкской культуре Среднего Енисея и содержащих захоронения уже по обряду допогребального сожжения. Внутренняя поверхность соединенных в лапу, плотно пригнанных стен (высотой в два-три венца) и потолочного наката бывает гладко отесана, пол камеры (изредка из плах или дощатый, чаще земляной) выстилался берестой. Она окутывала камеру и со всех сторон снаружи – в 10–13 слоев, толщиной около 18 см. Срубы имеют метки, указывающие на их первоначальную сборку в лесу и последующую перевозку к могильнику. В единственном случае отмечены угловые столбы, скреплявшие деревянную обкладку стен камеры. Известны редкие соединения углов рам с помощью шипов и шпеньков, проходящих в просверленные отверстия. Практически та же подземная конструкция – срубы, соединенные в лапу (но высотой в 1–1,5 м), свойственна и одному из видов коллективных погребальных склепов (с каменными округлыми стенками), площадь которых составляла от 16 до 36 кв. м.

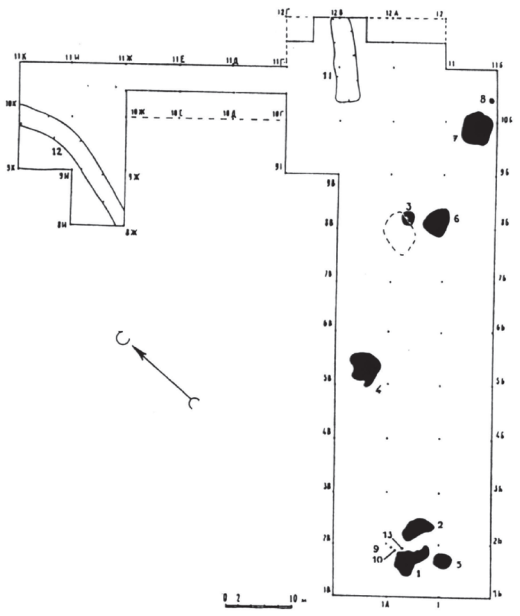


Рисунок 11. План ямных подполий, выявляющих уличное размещение наземных деревянных домов. Раскоп на Ташебинском городе. I в. до н. э. – I в. н. э. По Л.Р. Кызласову (2001, рис. 59)

Еще крупнее были срубы склепов с пирамидальными насыпями. Площадь их камер от 27 до 90 кв. м. Вдоль грунтовых стен котлована плотно, одно к одному, устанавливали бревна, отделенные от земли берестяными полотнищами. Стены склепа, связанные в углах или образовывавшие клеть, складывались из семи-восьми венцов. Пол и плоский потолок настилались из бревен (рис. 12).

В камеру вел вход-дромос, трапециевидный в плане, также сложенный из бревен, имевший бревенчатый пол, перекрытый накатом, огороженный глухим тыном и изолированный от грунта берестой. Оба входа – снаружи и в погребальную камеру – обрамлялись парой вертикальных столбов, поставленных на шипы на лежащие бревна. Потолок больших склепов поддерживали центральные столбы, вдоль стен сооружались полати (рис. 13) (Киселев, 1951, с. 411; Кызласов Л.Р., 1960б, с. 9–12, 14, 18–24, рис. 1, 3а–4в; Баранов, 1975; Грязнов, 1979, с. 90–92, 106–108, 113–115, 119, рис. 54, 63–65, 68). Вполне понятно, что, встретив «мастерство могильных срубов», археолог С.В. Киселев еще в 30–40-е гг. XX в. пришел к выводу о населении, «знавшем оседлость и избы», и, развивая тему, писал о таштыкских могилах: «Весь их облик, грубо говоря, “крестьянский” и оседлый при этом. Грубые лавки-помосты на чурбаках, уже упомянутые прекрасные срубы-избы, нехитрый деревянный инвентарь, просо под головами покойников, скудность украшений...» (см.: Свешникова, 2009, с. 115).

О существовании наземных жилищ косвенно могут свидетельствовать редкие погребальные склепы таштыкской культуры, не имеющие ямных камер и содержащие остатки захоронений, совершенных на уровне древней поверхности (Боковенко, Смирнов, 1998, с. 49–61, 74, фото 8, 9). Более определенно о бревенчатом домостроительстве в таштыкской культуре говорят косвенные данные, полученные на остатках поселения

на ул. Канской в г. Абакане. Здесь выявлены куски внутренней глиняной обмазки продольных швов сруба, украшенные штампованным рельефным узором (Кызласов Л.Р, 2001, с. 154–158, рис. 62, 63).

Аристократические надмогильные сооружения последующей культуры чаатас (VI – начало IX в.) (Кызласов Л.Р., 1981в), традиционно называемые курганами, на деле являются развалинами каменных мавзолеев, воспроизводивших жилища. Их вертикальные стенки, выложенные из каменных плит без раствора, первоначально достигали высоты 1,7 м при ширине кладки 1 м. Внешние размеры постройки составляют 5–6 м. Пустую середину (из-за чего развалины мавзолея выглядят каменной воронкой), вероятно, перекрывала деревянная кровля, от которой иногда встречаются остатки жердей (Зяблин, 1965). Против внешних углов такого жилища мертвых вертикально устанавливались каменные плиты[17]. Четыре стелы указывают на слегка вытянутый прямоугольный или квадратный план постройки (рис. 14), а шесть и более – на многоугольный.

Мне, как и предшественникам (Зяблин, 1965, с. 285; Кызласов Л.Р., 1981в, с. 47), думается, что мавзолеи прямоугольного плана воспроизводят форму реального жилища. Вполне понятно, что эти материалы не позволяют достоверно восстанавливать тип кровли. Были ли это плоскокровельные *тура* или шатрово-купольные четырехугольные агас иб, которые находим в этнографических примерах[18].

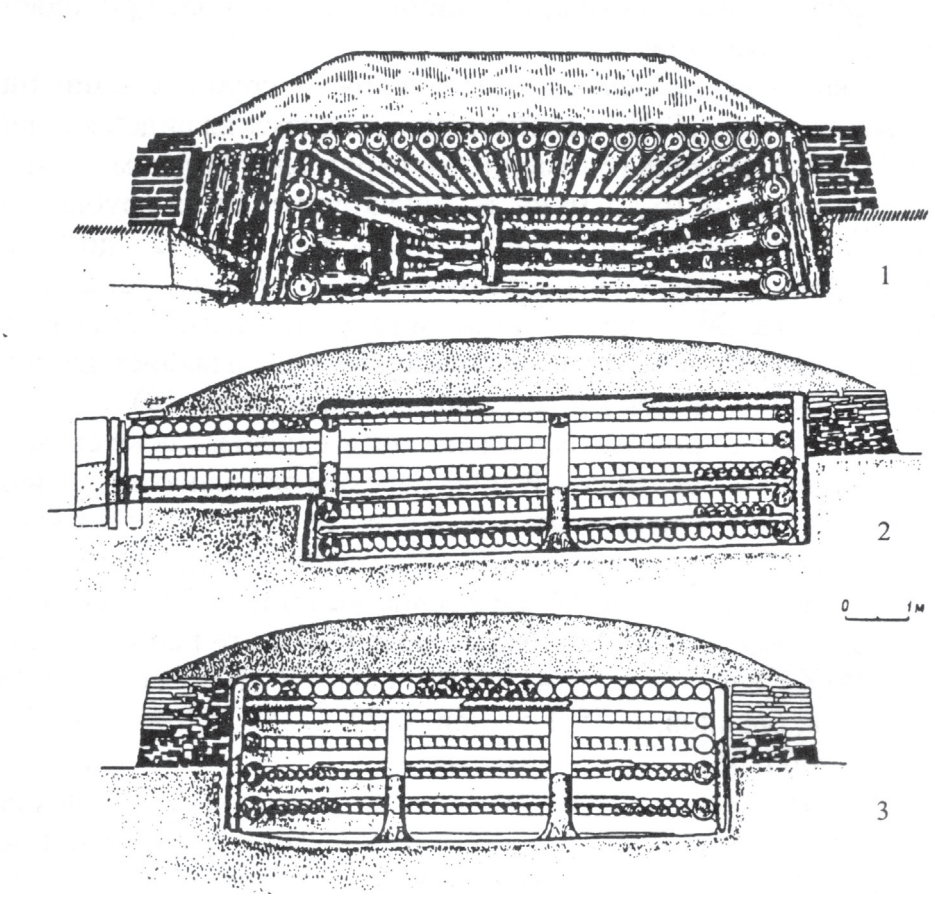


Рисунок. 12. Реконструкции камер склепов таштыкской культуры:
1 – Ташебинский чаатас, вид от входа (автор В.Г. Ефимов); 2, 3 – склеп 2 могильника Тепсей III, продольный и поперечный разрезы (автор Л.Н. Баранов).
1 – по С.В. Александрову и др. (2001, с. 17); 2, 3 – по Л.Н. Баранову (1975, рис. 1)

17 Рядовые захоронения не имеют вертикальных стел, скромнее в размерах, но вполне сравнимы по устройству

18 Может ли центральное расположение в кургане погребения, свершенного по обряду сожжения, быть сопоставлено с размещением в середине дома открытого очага? Если это будет обосновано, вопрос, пожалуй, разре-

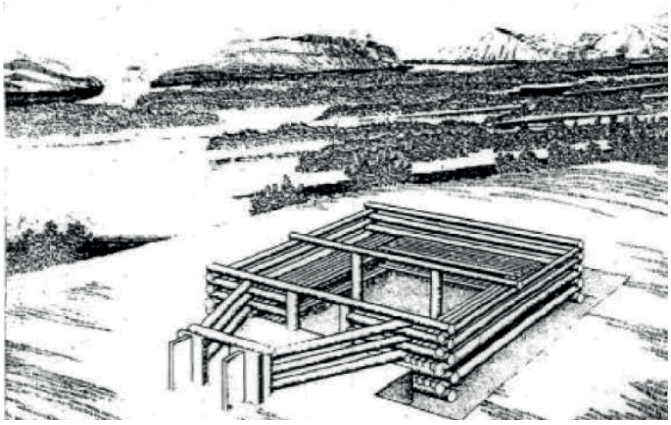


Рисунок 13. Реконструкция деревянной конструкции слепа 2 могильника Тепсей III. По Л.Н. Баранову (1975, рис. 2)

Курганы иного плана, существующие на могильниках культуры чаатас (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1985, с. 219), указывают на одновременное бытование жилищ разных типов: рубленых квадратных и многоугольных, а также круглых войлочных юрт (кис иб)[19]. На возможную плоскокровельность древнехакасских мавзолеев могут указывать последующие курганы тюхтятской культуры IX–X вв. Среди них нередко встречаются постройки, доверху заполненные мелким камнем (Кызласов Л.Р., 1981б, с. 55, рис. 33, В).

Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что рубленые плоскокровельные жилища квадратного или прямоугольного плана, засвидетельствованные южносибирской этнографией и называемые хакасами и их соседями тура, находят отражение в погребальных сооружениях раннего железного века на всем Саяно-Алтайском нагорье (ср.: Кызласов Л.Р., 1999а, с. 127; 2006, с. 139), а также, вполне вероятно, в склепах гунно-сарматского времени и каменных мавзолеях раннего Средневековья. Можно заключить, что жилища тура являются наследием местной дотюркской культуры и с появлением на Енисее в II–I вв. до н. э. тюркоязычного населения воспринимаются им у предшествующих южносибирских обитателей (скорее, самоедо- и угроязычных), которые продолжали существовать на этих землях и в последующие века, все более сливаясь с возобладавшей тюркоязычной средой в социальном, культурном и речевом отношении [20]. Тура бытовали, по крайней мере, до середины XX в. Нет оснований относить жилища этого типа к пратюркской культуре.

В начале XXI в. в Кош-Агаче, районном центре Горного Алтая, довелось видеть широкое бытование среди местных казахов наземных квадратных и прямоугольных срубных плоскокровельных жилищ, типологически подобных тура (рис. 15). Вне всякого сомнения, этот тип традиционного домостроительства, как было выше показано в отношении южносибирского археологического материала, является в казахской культуре **наследием раннего железного века и восходит к ее субстратным основам.** Понятно, что с тех пор главным внешним приобретением этих жилищ явились окна. Согласно полученным мною сведениям, сегодня люди называют такие срубные дома қоржын

шится в пользу агас иб и, следовательно, выпуклой крыши мавзолеев.

19 Предполагать, что за круглым планом может стоять коническая постройка алачик, а также цилиндрические корьевые, берестяные или турлучные дома, в этом случае нельзя, поскольку такие жилища, насколько известно, были чужды средневековой аристократии.

20 История материальной культуры здесь отвечает данным исторической артикуляционной фонетики, инструментально проследившей типологическую общность структурной организации гласных и согласных систем в саяно-алтайских, тюркских и угро-самодийских языках, что объясняется поэтапной тюркизацией субстратного населения (Селютина, 2007, с. 168–173). Первый из этих этапов, вероятно, можно соотнести с появлением в Южной Сибири тюркоязычных племен гуннской эпохи.

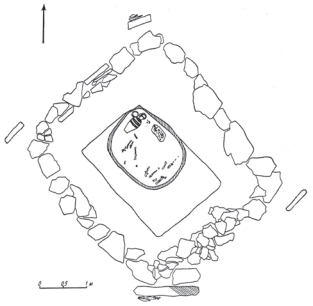


Рисунок 14. Прямоугольный курган культуры чаатас. Чаатас Гришкин Лог. По Л.П. Зяблину (1965, рис. 1)

үй. Не мне искать этимологию такого определения жилища, на первый взгляд, каким-то образом связываемую с известной двойной переметной сумкой из ковровой ткани.

Древность жилищ алачик. Не боясь ошибиться, можно предположить, что еще один тип жилища, всеобщий на Саяно-Алтае, восходит к дотюркскому периоду местной истории. Имею в виду алачик – коническую жердевую постройку, обычно крытую корой лиственницы (рис. 16). Былая принадлежность этого типа жилищ древней таежной культуре Южной Сибири была мною показана в ряде публикаций, дополнительно собранный с тех пор материал лишь множит и подкрепляет

Рисунок 15. Жилища казахов с. Кош-Агач одноименного района Республики Алтай. Фото автора, 2006 г.

Рисунок 16. Горный Алтай. Жилище алачик (алтайское аланчык, чадыр) на покосах по р. Кара-Кол. Фото автора, 2001 г.

приведенные аргументы. Поскольку эта форма не принадлежит к массовым типам жилищ, известных в казахской культуре, не станем излагать здесь ее историю.

Домостроительство, соотносимое с древнетюркским (шатровокупольные иб). Наиболее распространенными наземными жилищами тюркоязычных народов Саяно-Алтайского нагорья еще до появления здесь русского домостроительства повсеместно были многоугольные и квадратные бревенчатые постройки – иб с шатрово-купольной кровлей. Поскольку две эти особенности – форма плана и перекрытия – представляются мне наиболее значимыми, преследуя наши цели и разбирая археологические источники, конструкцию построек можно не рассматривать: как каркасно-столбовые – типа хакасского корьевого одах *(~ ат иб)*[21] (рис. 17, 18, 1), берестяного (рис. 18, 2, 19) или бревенчатого иб (рис. 20, 2) (Потапов, 1956а, с. 387, рис. 1, 2; ИЭХ, с. 58: фото 1890-х гг.), так и срубные жилища *(*агас иб*)* (рис. 20–24, 26) в равной мере были многоугольными или квадратными и имели не плоский, а выпуклый верх.

21 В этом названии – образное мышление степняка: жилище, в ряде случаев опирающееся на шесть столбов (и имевшее привлекаемый нами многоугольный план), наиболее часто имело лишь четыре столба (Попов, 1961, табл. 15) и сравнивалось людьми с конем (Патачаков, 1982, с. 17). О терминах одах/одаг см.: (Севортян, 1974, с. 484–487).

От тура эту категорию жилищ отличает не только план и особая форма кровли, но также и открытый очаг, расположенный в центре. Не применялась для иб и внутренняя обмазка глиной. Показательно еще одно различие – иная вязка углов сруба: если для тура типичен замок в обло, то венцы агас иб у хакасов хотя иногда и скрепляются в обло (рис. 1, 20, 3, 25, 1), но обычно соединяются в лапу (рис. 21) (Потапов, 1956а, с. 387. рис. 3,4; Попов, 1961, табл. 15,3, 17,1; ИЭХ. с. 12, 21, 22, 47, 48, 49, 50, 52, 53, 66, 67, 69, 73, 74, 77, 80, 82, 85, 92, 94, 97, 101, 103: фото 1894, 1910, 1912, 1930 и 1931 гг.).

Рисунок 17. Корьевое хакасское жилище одах (~ ат иб). По Л.П. Потапову, 1956а, с. 387, рис. 1)

Система рубки заслуживает специального внимания, поскольку устойчивые традиции выявляют срубные техники разного происхождения[22]. По моему мнению, этот критерий указывает на разные корни рассматриваемых типов домостроительства: тура и агас иб.

Многоугольные срубы других саяно-алтайцев, как и якутов, обычно связанные с остатком и в обло (рис. 20, 1, 4, 24; 25), можно думать, сохраняют давнюю местную, еще дотюркскую традицию рубки. Соединение углов без остатка (в лапу) применяется также в традиционном домостроительстве Северной Монголии при использовании бруса (рис. 24) (Майдар, Пюрвеев, 1980, с. 53). Появление вязки в лапу требует новых исследований; как мы видели, она отмечается среди погребальных построек Тывы и Хакасско-Минусинской котловины ближе к гуннской эпохе. То же, пожалуй, можно сказать и об Алтае (Кубарев, 1987, с. 19, 132, 165, табл. XXX, а, б). Агас иб, описанные во всех привлекаемых этнографических сочинениях, могли иметь 6, 8, 10, 12 и 14 углов. В народе это увязывалось с состоятельностью владельца.

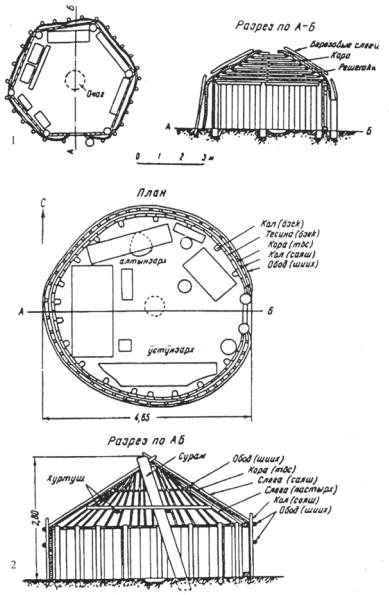


Рисунок 18. Планы и разрезы хакасских жилищ: корьевого одах (1) и берестяного агас иб (2). Конец 40-х гг. XX в. По Ю.А. Шибаевой (1950, рис. 1, 3)

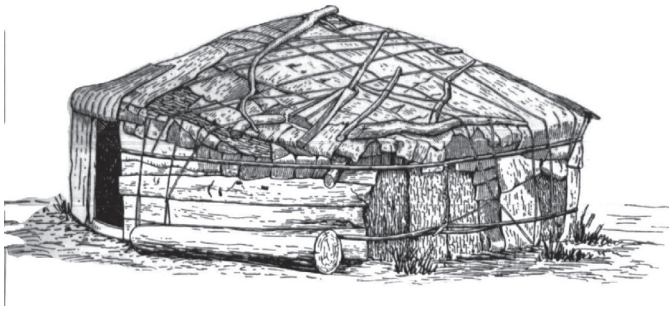


Рисунок 19. Хакасское берестяное жилище агас иб. По Л.П. Потапову (1956а, с. 387, рис. 2)

22 См., например, показательные различия русской (с VIII в.) рубки в обло и норвежской рубки сруба в особый род охряпки (Стальсберг, 2001, с. 99–101. рис. 5). Показательны отличия от саяно-алтайских, скажем, кавказских типов вязки срубов и заплота (Кобычев, 1982, рис. 22, 1–4).

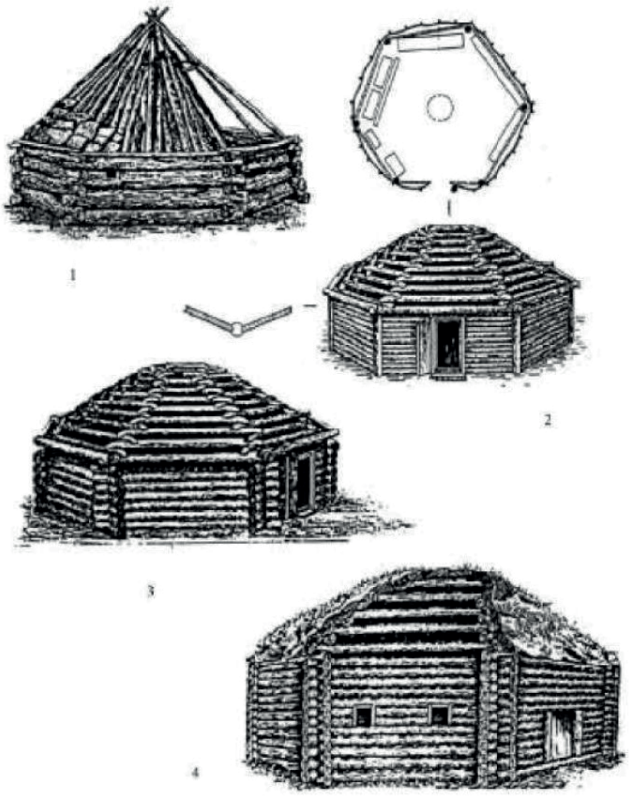


Рисунок 20. Конструкция и планировка бревенчатых многоугольных жилищ иб: срубных (1, 3, 4) и столбовых (2): 1 – алтайцы; 2, 3 – хакасы; 4 – якуты. По А.А. Попову (1961, табл. XIX, 2, 4, 5, XXI, 3, 5, XXII, 3)

Рисунок 21. Хакасское срубное жилище агас иб. По Л.П. Потапову (1956а, с. 387, рис. 3)

Рисунок 22. Алтайское срубное жилище аил (типа агас иб). По Л.П. Потапову, 1956б, с. 340, рис. 2)

Наиболее распространенными на всем Саяно-Алтае были шести- или восьмиугольные постройки, диаметром 7–8 м (рис. 21–24). Рубленые стены составлялись из 5–15, обычно 8–10 венцов. Их высота достигала человеческого роста (1,6–1,8 м). Постепенно сужающуюся к дымовому отверстию крышу высотой 3–3,5 м от пола составляли горизонтальные стропила, сложенные (рядов по 10) клетью или срубленные на концах в лапу (рис. 20, 2-4, 25, 1). Другой тип представлял собою наклонно поставленные жерди (рис. 20, 1, 22, 25, 2). Независимо от формы каркаса крышу наиболее часто составляли пласты лиственничной коры (реже – подложенные берестой или только береста, на которую подчас накладывались пласты дерна), снаружи придавленные горизонтально или вертикально уложенными жердями или рамами по верху и низу (рис. 21–23). Реже и, вероятно, позднее встречаются тесовые крыши.

Для нас весьма значимо, что все названные формы (столбовые и срубные) имели не только многоугольные, но и четырехугольные разновидности. Четырехгранные срубные агас иб особенно предпочитались северными хакасами-кызыльцами (рис. 1, 25, 1) (Яковлев, 1900, ч. 1, с. 30–32; ч. 2, с. 15, 16; Шибаева, 1950, с. 41, 42, 45; Потапов, 1956а, с. 387, рис. 4; Патачаков, 1959, с. 59, 60, рис. 31, 33, 34; 1982, с. 14–24; Попов, 1961, табл. 15, 1, 3, 17,1,3, XXI, 2; Соколова, 1998, с. 123,126,127,139,171, рис. 82). Эти формы бытовали и у алтайцев (рис. 25, 2), тубаларов (рис. 26), телеутов (рис. 27), шорцев, тувинцев (Попов, 1961, табл. 10, 2, 11, 2, 12, 3, 13, 3, 14, 1, XXI, 1; Соколова, 1998, рис. 79, 85, 173; Тихонов, 1984, с. 55, 60, 61, рис. 3, а, б). Необходимо признать и по возможности проследить на древних материалах параллельное существование двух категорий агас иб: многоугольных и квадратных.

Рисунок 23. Алтайское жилище аил (типа агас иб). Дер. Бичикту-Боом на р. Кара-Кол. Фото автора, 1994 г.

Распространение срубных жилищ типа иб отмечается у всех тюркоязычных народов Южной и Восточной Сибири – от телеутов до якутов (Попов, 1961, с. 155, табл. 10, 2, 11, 2, 3, 12, 3, 4, 13, 3, 14, 1, 2, 19, 4, 22, 2, 3, XIX, 1–4, XXI, XXII, 2–4; Лукина, Бардина, 1994, с. 86, 87; Соколова, 1998, с. 71, 73, 120, 122, 123, 173, 174, 207. рис. 48, 79, табл. VIII, 2, 3, XI, 3, 6, XIII, 3; Крадин, 1990, с. 328–330, рис. 2, 5, 6). В культуре тувинцев многоугольные срубы поныне используются и в качестве

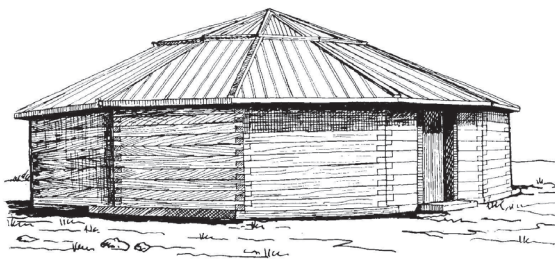


Рисунок 24. Северная Монголия. Срубное жилище типа агас иб.
По Д. Майдару и Д. Пюрвееву (1980, с. 53)

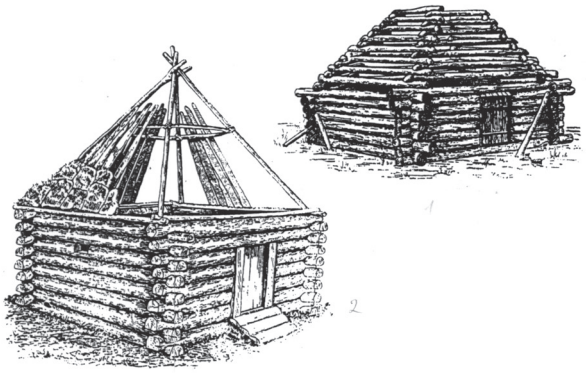


Рисунок 25. Конструкция квадратных срубных жилищ иб:
1 – хакасы-кызыльцы; 2 – алтайцы. По А.А. Попову (1961, табл. XXI, 1, 2)

кошар для овец (Кызласов И.Л., 2011а, с. 85, рис. 30). У шорцев и алтайцев такие жилища (аил) отличаются конической или многогранной крышей, образованной наклонно размещенными жердями (рис. 20, 1, 25, 2). На востоке, в культуре западных бурят (Минерт, 1983, с. 8, рис. 4) и северных монголов многоугольные срубы (рис. 24, 26) носят монгольское название гэр, но они чужды домостроительству всех иных монголоязычных и соседних тунгусо-маньчжурских народов.

Отличия бурятских жилищ от рассматриваемых южносибирских на первый взгляд значительны. Речь идет о существовании внутри *гэр* одного центрального или четырех опорных столбов (Вяткина, 1956, с. 231, 232; Попов, 1961, табл. 20, 7, 2, XX, 10, XXII, 7; Соколова, 1998, с. 135, рис. 86). Однако такие столбы в недалеком прошлом отмечены для хакасских стационарных как берестяных, так и столбовых бревенчатых (заплотных) жилищ: один (но наклонный) центральный (рис. 18, 2) (Шибаева, 1950, с. 43, рис. 3) и четыре вокруг очага (Яковлев, 1900, с. 15, № 4; Патачаков, 1982, с. 14, 15, 23, рис. 2, 2). Центральный столб нашел отражение в старой хакасской загадке, записанной Н.Ф. Катановым в 1889 г. у сагайцев левого берега Абакана: «Сын неба – силен, чтобы касаться, а сын мой – силен, чтобы двигать. (Ветер и столб в юрте.)» (Образцы, 1907, с. 243, № 114). Иной вариант: «Сын неба плохой силач, а мой сын силен, как холощеный яман (козел. – *И.К.*)» (Султанбаева, 2006, с. 97). Есть и другая загадка о столбе (быть может, также центральном): «Один старик у меня все поднимает. (Вилообразный столб в юрте, на который вешают сбрую.)» (Образцы, 1907, с. 367, № 321). Четыре центральных столба встречались и у тувинской юрты (рис. 27) (Попов, 1961, табл. XXI, 4; Лукина, Бардина, 1994, с. 62).

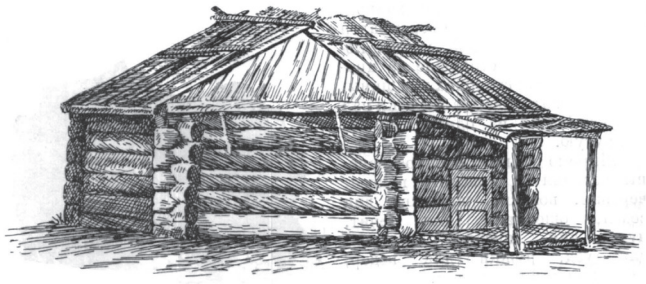


Рисунок 26. Срубное жилище западных бурят. По К.В. Вяткиной (1956, с. 232)

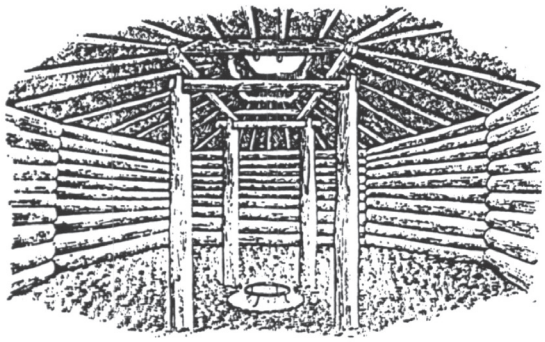


Рисунок 27. Внутренний вид тувинского многоугольного жилища.
По А.А. Попову (1961, табл. XXI, 4)

Нельзя принять высказанное этнографами мнение о заимствовании тюркскими народами многоугольных домов у бурят, якобы воспроизводивших в дереве изначально круглое войлочное жилище (Попов, 1961, с. 159; Соколова, 1998, с. 205). Кроме неоправданного примата кочевнических форм переносного жилища, существовавшего в этнографии со времен Н.Н. Харузина (1896, с. 54–60), здесь не учитывается лесной образ оседлой жизни, изначально присущий самим монголоязычным народам, относительно поздний их выход в степи и заимствование степных кочевых технологий, включая

переносную юрту, у тюркоязычных предшественников (Clauson, 1973; Кызласов Л.Р., 1975; 1992, с. 147-162). Без внимания также остаются этапы и компоненты сложения бурят.

Все сказанное, несомненно, относится к монголизированной на глазах истории, а до того тюркоязычной Северной Монголии, в отношении которой в литературе также главенствует примат изначально заданной кочевниковедческой схемы, при которой бревенчатые стационарные постройки надуманно и упрощенно возводятся к войлочным юртам (показательно, но не единственно: Майдар, Пюрбеев, 1980, с. 54-56). Можно думать, что бурятское и северомонгольское многоугольное бревенчатое жилище (Кондратьева, 1935, с. 20) принадлежит наследию былого тюркоязычного населения этих мест, позднее монголизированного и в результате ассимиляции ставшего частью бурятского и монгольского народов. Определить места возникновения и первоначального распространения по Евразии наземных многоугольных жилищ с шатрово-купольным (дарбазным) перекрытием, пожалуй, пока не удастся. Совершенно ясно, что вопреки широко распространенному мнению в их появлении нет никакого влияния русского домостроения, и они принадлежат к иной, древней традиции (Лукина, Бардина, 1994, с. 87), корни которой весьма глубоки.

Появление многоугольных купольных жилищ может быть реконструировано, например, для неолитической кельтеминарской культуры западной Средней Азии (Грязнов, 19656), а глинобитных с шатровым перекрытием – для энеолитической ботайской культуры Северного Казахстана (Зайберт, 1985, с. 83). Вполне понятно, что связь многоугольного жилища с исконной культурой тюркоязычных народов сегодня проясняется для нас только в приложении к конкретным историческим условиям Саяно-Алтайского нагорья или даже всей Южной Сибири в целом. Сама многоугольность жилища, взятая вне этих обстоятельств и типологических признаков, конечно же, никак не может быть отнесена к какой-либо языковой группе. Рассматривая археологические материалы, где только и в отношении какой только эпохи мы ни находим многоугольные (подчас срубные) дома! Так, в конце энеолита и в раннем бронзовом веке крупные жилища (в основном шестиугольной формы) распространяются на крайнем северо-востоке Европы, где связываются с влиянием абашевской культурной традиции. Но это не наземные дома, а полуземлянки (Буров, 1993, с. 25–27, 33, рис. 1, 2).

Как видим, нет серьезных оснований углубляться в подобные материалы за пределами очерченной историко-геогафической и типологической зоны. И все же, говоря конкретно, прообразы наших жилищ иб следует искать к юго-западу от Саяно-Алтая. Важно заключение этнографов о том, что многоугольные срубы с выпуклой крышей народов Южной Сибири составляют на востоке Евразии особую, самобытную группу (Соколова, 1998, с. 141, 207). Археологические материалы, как увидим, позволяют связывать многоугольные срубы с многогранными столбовыми жилищами.

В связи с рассмотренными особенностями крыши жилищ тура следует отметить существование у якутов и тувинцев рядом с шатрово-купольными также срубных многоугольных плоскокровельных построек (рис. 31, 32) (Токарев, Гурвич, 1956, с. 287; Попов, 1961, с. 134. Табл. 19, 4, 22, 2; Соколова, 1998, с. 71, 131, 141; Крадин, 1990. с. 328, 329, рис. 5; Кызласов Л.Р., 2001, рис. 64). Возможно, в этом проявилось соединение двух древних домостроительных традиций – местной (плоскокровельной) и пришлой (многоугольной). Неслучайно такие срубы западных тувинцев (ыяш өг) выше вертикальных бревенчатых стен имеют постепенно сужающуюся верхнюю часть (в четыре, как отмечено, венца), образующую невысокую пирамиду, усеченную плоской кровлей (Каралькин, 1960, с. 276, 277, рис. 7, 8). Что касается квадратного сруба, крытого выступающей кровлей (конической или четырехгранной), то, кроме южносибирских тюрков и бурят, он отмечен у хантов и эвенков (Соколова, 1998, с. 173). Именно этот тип жилища, можно думать, запечатлен на обсуждаемых ниже Боярских писаницах в Хакасии.

Материалы раннего железного века Алтая. Двойные пазырыкские срубы, пространство меж стен которых заполнено рваным камнем, на мой взгляд, не стоит сравнивать с жилищами телеутов и других тюркоязычных народов, возведенных с помощью двойного обмазанного глиной плетня, наполненного землей (Грязнов, 1950, с. 60). Если внешние камеры создавались ради защиты основного сруба от давления сверху и с боков (Руденко, 1953, с. 80), то рыхлое каменное заполнение двухслойных гробниц (рис. 3) видится средством защиты от проникновения грабителей, прорубавших в камерах лазы. Той же цели служили сыпучий рваный камень курганной насыпи и заполнения могильного котлована, как и плотные многослойные бревенчатые накаты внутри подкурганной ямы (рис. 4).

В кургане № 1 пазырыкского могильника Ак-Алаха-1 на Алтае второй накат над потолком погребальной камеры был сложен из 38 коротких для этой постройки бревен (диаметром по 15–20 см), наделенных косыми пазами на концах. Автор раскопок полагает, что были использованы части многоугольного деревянного жилища или заготовки для него (Полосьмак, 1994, с. 13, 22, рис. 13; 2001, с. 48, табл. I, б). Если это так, то перед нами древнейшее свидетельство существования многогранных жилищ в Южной Сибири – курган, вероятно, датируется концом IV – началом III в. до н. э.[23] Значение этого факта в истории местной культуры настолько велико, что принять его по предварительной публикации материала (представленного только на общем чертеже и не сопоставленного с частями многоугольных жилищ, известных этнографии) было бы преждевременно. Судя по изданному чертежу, настораживает, например, расположение пазов только с одного конца бревен, длина которых невелика (по трем измерениям, полученным с того же чертежа, она составляет 1,97; 2,12 и 2,3 м). Очевидна непрочность такого сочленения углов предполагаемой постройки, шаткость которой особенно заметна в сравнении с прекрасными и сложными приемами рубки углов пазырыкских погребальных срубов, даже тех, которые содержат всего два-три венца (Полосьмак, 1994, рис. 93). Будь обсуждаемые бревна частью не стен, а купольной (дарбазной) крыши, они бы отличались друг от друга по длине, так как с каждым ярусом пирамидального перекрытия его слеги укорачивались.

Не связанные конструктивно с жилищем восьмиугольные бревенчатые обкладки обнаружены в одновременных горно-алтайскому погребению курганах тагарской культуры IV–III вв. до н. э. в урочище Сыхпа, имевших необычное надмогильное устройство (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1987, с. 255; 1988, с. 243). В основании стен кольцевого Знаменского городища II–I вв. до н. э. в Хакасии также оказалась однорядная бревенчатая многоугольная выкладка (Кызласов И.Л. 2011б, с. 15, рис. 8). Каменный курган, относящийся, вероятно, к концу IV – началу III в. до н. э. и имевший в плане вид неправильного шестиугольника (с первоначальной стенкой шириной 1,4 м), раскопан в могильнике Верх-Кульджин I на плато Укок (Алтай). Полагают, что он повторял по форме деревянное срубное жилище (Молодин, 2000а, с. 102). Однако, как уже отмечалось мною, облик надмогильных конструкций раннего железного века Южной Сибири в большинстве случаев надежнее увязывать с бытовавшем в обществе образом Вселенной, нежели с прямым воспроизведением существовавших жилищ. Для разрешения нашей темы в отношении Алтая требуется накопление большего материала.

Материалы раннего железного века Хакасии. Будем помнить, что традиционные наземные жилища саяно-алтайских народов типа агас иб отличаются от древних срубов не только общим планом, но и формой крыши. Она не плоская, как у могильных срубов или жилищ тура, а высокая, шатрово-купольная. Впервые выпуклые крыши у погребальных

23 Большая работа над уточнением хронологии курганов раннего железного века, проводящаяся с учетом естественно-научных методов датирования, пока приводит к противоречивым результатам. В этих условиях специалисты иногда вынуждены отказываться от опоры на хронологию Пазырыкских и иных подобных курганов Горного Алтая (Алексеев, 2003. С. 28–32).

квадратных срубов появляются в курганах тагарско-таштыкского (тесинского) переходного этапа – во II–I вв. до н. э. Явление было довольно распространенным, поскольку из одиннадцати раскопанных до 1982 г. склепов лишь пять имели плоские перекрытия, а шесть – двух- или четырехскатные (Пшеницына, 1992, с. 227).

Скаты пирамидальной крыши образовывали наклонно поставленные жерди – у Туимского кургана их было 14–16 на каждой стороне. В этом случае поверх было настелено три слоя лиственничной коры, еще столько же бересты, затем устроена метровая земляная засыпка, вновь покрытая корой лиственницы, прижатой расколотыми бревнами (Кызласов Л.Р., 1960б, с. 26). Иногда куполообразный свод устраивался из бересты над плоским потолочным настилом (Киселев, 1949, с. 128; 1951, с. 223). Рубка срубов велась в обло. В последующее время усеченно-пирамидальные четырехскатные крыши сохраняются у части ранних таштыкских склепов, также срубленных в обло.

Именно такие постройки – квадратные, бревенчатые, с пирамидальными крышами – в большинстве случаев были изображены на широко известных и вновь обнаруженных писаницах хребта Бояры (рис. 28–30) (Грязнов, 1933; Киселев, 1949, с. 148, табл. XIX, 7; 1951, с. 184, 252, 254, табл. XIX, 7; Дэвлет, 1965; 1997), относящихся к тому же тагарско-таштыкскому переходному этапу (II–I вв. до н. э.) (Дэвлет, 1965, с. 133, 134; 1976, с. 8, 9). На этих петроглифах выпуклые крыши отличают и те дома, которые лишены поперечных борозд, указывающих на бревенчатые стены[24] (рис. 29). Поэтому нередкие у археологов сравнения со зданиями Боярских писаниц погребальных срубов раннего железного века, перекрытых плоскими накатами (Грязнов, 1950, с. 59, 60), не кажутся мне точными.

Рисунок 28. Изображения жилищ на Малой Боярской писанице. Хакасия, II–I вв. до н. э. По М.П. Грязнову (1933)

Это различие строений двух эпох, как и связь второй из них с этнографическими материалами, еще в 1889 г. тонко почувствовал раскопавший Большой Уйбатский склеп Д.А. Клеменц, писавший, что «береста образовывала что-то вроде сводчатой крыши юрты» (Дэвлет, 1965, с. 134). Горизонтальные борозды разлинованных домов на Боярских писаницах не выходят за вертикали стен и, строго говоря, могут передавать столбовую конструкцию, бревна в которой собраны в заплот (рис. 28, 29, 30, 1). Однако наиболее вероятно, что здесь отражена угловая рубка без остатка (скажем, в лапу). Этот вывод подкрепляют особенности рисунка на отдельной композиции, обнаруженной в тех же горах В.Ф. Капелько в 1986 г. Здесь линовка выступает за стены, то есть наиболее сравнима со срубом, связанным с остатком (в обло) (рис. 30, 2) (Мартынов, Абсалямов, 1988, рис. 19).

Боярские писаницы важны для нашей темы и потому, что в особой манере передают другую типологически значимую черту стационарных жилищ эпохи – открытый очаг, расположенный в центре дома. Именно так всеми исследователями истолковываются кружки и квадраты, выбитые в дверных проемах изображенных на скалах построек (рис. 28, 29, 2). Уже только этих петроглифов достаточно, чтобы увериться в существование в Хакасии квадратной разновидности агас иб в II–I вв. до н. э. Остатки квадратных срубных

24 Допустимо думать, как делали многие мои предшественники, что так нарисованы дома с иными, не бревенчатыми стенами. Сказать, глинобитные ли они (Киселев, 1949, с. 148), каркасные берестяные (Дэвлет, 1965, с. 139; 1997, с. 136) или какие-то еще (например, корьевые), конечно, невозможно. Местная этнография предоставляет большое разнообразие наземных жилищ, с которыми могут быть сопоставлены такие изображения Боярских писаниц. Важно, что это наземные стационарные постройки. Лишь абстрагирование от реалий местной истории культуры способно породить иное истолкование боярских петроглифов, а невнимание к историографии вопроса – восприятие фигур горизонтальных бочонков на писанице в качестве прямоугольных полотнищ для покрытия легких построек (Грачев, 1998).

жилищ, которые могут быть отнесены к рассматриваемой категории, раскопки выявили на Шестаковском городище, относящемся к III–I вв. до н. э. (Мартынов, Абсалямов, 1988, с. 55, 56, 71–76).

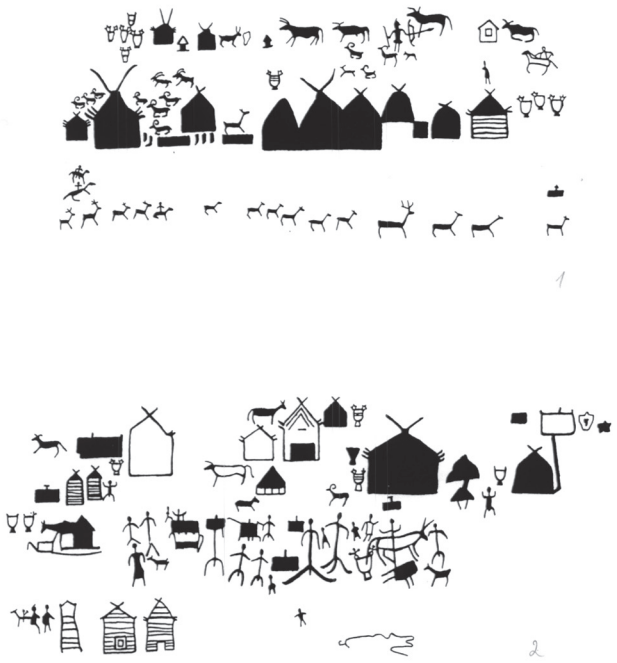


Рисунок 29. Детали Большой Боярской писаницы, II–I вв. до н.э. По М.А. Дэвлет (1965, рис. 5, 6)

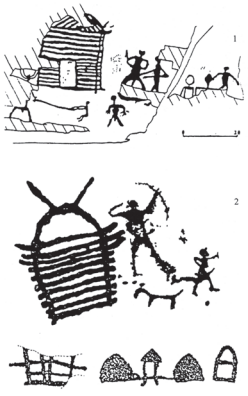


Рисунок 30. Хребет Бояры. Отдельные плоскости с рисунками:
1 – «Новая писаница». По М.А. Дэвлет (1997, рис. 1, 1);
2 – Восточные Бояры. Копия В.Ф. Капелько (1986). По А.И. Мартынову и М.Б. Абсалямову (1988, рис. 18)

Сходство одного из изображений Малой Боярской писаницы с куполообразной юртой (рис. 28, справа) обманчиво.

Учитывая поперечную линовку, М.П. Грязнов (1933, с. 43) полагал, что эта круглая постройка – дерновая или плетеная. Последнее объяснение было подхвачено[25]. Однако, пожалуй, нет необходимости и на этот раз выходить за рамки бревенчатых жилищ: многоугольные постройки такого абриса, срубные стены которых, плавно сужаясь, переходили в уплощенную крышу, уцелели у якутов (рис. 31) (Соколова, 1998, рис. 48). Поскольку подобным образом, у якутов бывали устроены и шатровые крыши старинных жилых башен («крепостных амбаров») (Крадин, 1988, с. 174–183, рис. 213, 215, 216, 218, 219), эту черту оборонительных сооружений (как и их размещение вне крепостей и круговой обстрел), вероятно, не следует прямо связывать лишь с русским влиянием.

Сужение прямоугольных погребальных срубов к перекрытию, создающее пирамидальность конструкции и иногда выведенное очень плавно, наблюдается уже в раннем железном веке – в уюкской культуре (Грач, 1980, рис. 9, 97; Новгородова, 1989, с. 258, 261), в отдельных пазырыкских курганах (Мыльников, 1999, рис. 47) и в Восточном Казахстане (Мыльников, 2003, с. 42, 46). Такой прием известен и среди традиционных жилищ Саяно-Алтая (рис. 25, 1).

Наиболее ранние свидетельства распространения многоугольных жилищ ныне связаны с таштыкской культурой. Раскопки широкой площадью выявили на Михайловском поселении следы 75 таких построек. Несмотря на то что они отразили несколько этапов жизни селища, все строения оказались наземными и столбовыми. Такая картина определенно свидетельствует о том, что к III–IV вв. жилища иб не только

25 Сравнение стало общим местом, см., например (Крюков, 1979, с. 125, 126). Курьезны появившиеся в литературе случаи отнесения Боярских писаниц к культуре центральноазиатских гуннов (хунну) и оспаривание стационарности изображенной постройки, поскольку это «плохо согласуется с кочевым бытом» (Дробышев, 2005, с. 45, прим. 1).

Рисунок. 31. Многоугольная якутская постройка. По З.А. Соколовой (1998, рис. 48)

вошли в обиход, но и составляли основную разновидность поселенческой застройки. Остатки многоугольных построек были также выявлены и на II Михайловском поселении, в 10 км от первого.

Михайловские жилища имели от шести до девяти углов. Диаметр столбов основного каркаса составлял 20–30 см (но достигал и 60 см); их расстановка указывает на разную технику крепления бревенчатых стен. Площадь жилищ 30–35 (в отдельных случаях 54–78) кв. м. Примечательно, что в центре построек выявлены опорные столбы – обычно по четыре, установленные квадратом, но также и по одному-два или по три. Очаги в основном были открытыми. Все это близко сопоставимо с этнографическими материалами Саяно-Алтая (Мартынова, 1985, с. 31–88). Поздние курганы таштыкской культуры на Михайловском могильнике совмещали признаки предшествующих ямных гробниц, перекрытых бревнами (столбовые обставки ям, прижатые срубом или клетью), с новыми строительными особенностями – вертикальными, выложенными из камня стенками (высотой в 1 и шириной 1–1,5 м), по верху обрамляющими могильные ямы.

Таким образом, уже не подземные склепы, а сами курганы воспроизводят квадратные (7 × 7 м) жилища (Мартынова, 1985, с. 4–30). В последние века до нашей эры, в гунно-гяньгуньскую эпоху, в облике курганов Южной Сибири наступает определенный перелом. Если в раннем железном веке форма надгробных сооружений воспроизводила облик обитаемого мира как части Вселенной и основным символом в этом была Мировая гора с жилищем мертвых под подошвой (Кызласов И.Л., 1987; 1989, с. 201–207), то с тех пор и по сей день сами наземные погребальные постройки предстают в виде человеческого жилища.

Дальнейшая средневековая история наземных деревянных жилищ типа агас иб у тюркоязычных народов Южной Сибири проступает уже из приведенных выше живых этнографических примеров. Связываемые с этим археологические материалы показаны в ряде публикаций (Кызласов И.Л., 2005; 2008; 2011а).

Изложенное в предыдущих разделах, по моему мнению, позволяет увидеть в основных формах наземных жилищ, поныне присущих большинству традиционных культур восточнотюркских народов, две наиболее древние разновидности.

• Одна из них (называемая здесь вслед за хакасами и их соседями тура, а казахами именуемая қоржын үй), представленная рублеными плоскокровельными домами квадратного или прямоугольного плана, с пристенными полатями и боковым каминомчувалом, всюду является наследием местной дотюркской культуры раннего железного века и с появлением тюркоязычного населения воспринимается им у предшествующих обитателей вместе с их плавной тюркизацией.

• Другую разновидность, представленную постройками многоугольного плана, снабженных купольно-шатровыми перекрытиями и открытым очагом в центре, согласно прослеженной саяно-алтайской ситуации, следует считать пришлой. Время появления ее на Енисее, определяемое археологически, увязывает эту форму с первыми тюркоязычными обитателями этих земель, то есть позволяет считать ее собственно пратюркской. Именно этот тип жилищ с тех пор оставался присущим культурам тюркоязычных народов региона. Вполне очевидно, что жилища такого рода (агас иб) в быту дополнили, но не вытеснили древний местный тип срубного плоскокровельного дома (тура).

Вопреки распространенному в литературе мнению, многоугольные жилища-иб не следует возводить к легким круглым переносным юртам, войлочным или берестяным (Харузин, 1896. с. 54–60; Кондратьева, 1935, с. 14, 18; Соколова, 1991, с. 9). Вполне понятно, что многоугольное сооружение по плану производно от круглого, но прообраз как интересующих нас срубов, так и кошемных юрт, вероятно, был общий. И это были стационарные круглые дома.

Каркас кочевого жилища составлен из связанных деревянных решеток, число которых соответствует количеству граней оседлых жилищ-иб. К тому же эти решетки нередко крепятся к вбитым в землю колам. Тем самым круглый план переносной войлочной юрты киіз үй принципиально возводим к стационарным каркасно-столбовым, если не многоугольным, то круглым постройкам, а решетчатые стены – к плетню. Напомню о народной систематике казахских войлочных юрт по числу «канатов» (общетюркское: «крыльев»): 6-канатные, 8-канатные и т. д. Речь идет о числе раздвижных решетчатых стенок (кереге). Они, а также декоративные тяжи, соединяющие шанырак (дымоходное кольцо) с местами сочленения стенных решеток, сохраняют память о первоначальном многоугольном жилище. Память о другой изначальной форме – прямоугольной купольной постройке – сохраняют, смею думать, 4-канатные юрты, составляющие один из трех основных типов переносного казахского дома (Альдербаев, Дадабаев, 1986, с. 14). Кошемные юрты только с четырьмя решетками (дөрт ганат) бытовали и у йомудов, в отличие от прочих подразделений туркмен и других народов Средней Азии (Дмитриев, 2009, с. 341-342).

Общим конструктивным предком и многоугольного постоянного жилища-иб, и переносного разборного обиталища-юрты были стационарные каркасные турлучные постройки[26] с многогранными или круглыми стенами, обмазанными или засыпными глиной.

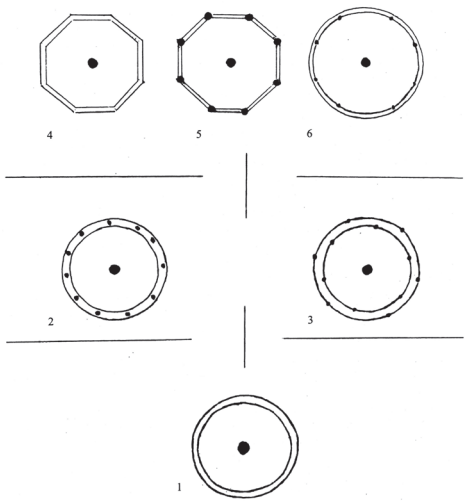


Рисунок 32. Предполагаемое развитие основных форм наземных жилищ прототюркских и древнетюркских народов. Перекрытие шатрово-купольное (дарбазное). В центре открытый очаг. Входы не обозначены, их раннее направление неизвестно.
1 – круглый глиняный дом; 2 – плетневой дом-мазанка;, 3 – засыпной двухплетневой дом; 4 – срубный дом; 5 – бревенчатый столбовой дом; 6 – переносной дом (юрта). 1 – умозрительная реконструкция; 2–6 – этнографическая реальность

Грунтовое заполнение или глиняная обмазка стен названного типа сближает их с обликом тех умозрительных пратюркских жилищ, которые проступают сквозь приведенную в начале этой статьи общую по значению лексику рунических надписей, связанную с глиной. Продолжая до логического конца ретроспективно намеченную эволюцию, мне следует назвать и первую, отправную стадию – круглые глинобитные стационарные жилища типа тех толосов, что известны на Ближнем Востоке периода неолитической революции и раннего бронзового века. Они были предками круглоплановых турлучных строений и плетневых жилищ-мазанок (рис. 32). В этих-то однокамерных жилищах и сформировались те формы древнетюркской речи, которые, по наблюдению лингвистов, не содержат указаний на углы и перегородки пратюркских обиталищ.

Возникающая при сложении археологических, этнографических и

26 Русское «турлучный» обозначает плетневую мазанку, т.е. восходит к тюркскому существительному tor (плетенка, сеть, тенёта – ДТС, с. 578) с аффиксом обладания -lïy/-luy.

лингвистических данных умозрительная ныне картина пратюркских обиталищ и их последующей эволюции может быть соотнесена с известными этапами хозяйственного развития человечества в степной зоне. Три основные стадии, намечаемые в истории традиционной культуры тюркских народов (рис. 32): 1 – круглый глиняный дом с открытым очагом в центре; 2 – круглый (многоугольный) столбовой дом (плетневой, засыпной или мазаный); 3 – круглый переносной дом (юрта) и многоугольный стационарный столбовой и срубный дом соответственно увязываются: а) с оседлой раннеземледельческой культурой неолита и бронзового века; б) с нарастанием скотоводческой специализации в конце эпохи бронзы; в) с развитием кочевого скотоводства в раннем железном веке.

Однако нащупанное изменение основ домостроительства в большой мере может быть увязано и со сменой среды обитания – переселением носителей тюркских языков из южной безлесной зоны (угадываемой в глинобитной строительной лексике) в лесостепные пространства (связанные со следующими намечаемыми этапами). Как видим, две из трех стадий домостроительства уцелели до этнографической современности. Думается, что это вызвано сохранением у тюркских народов извечно присущего им комплексного хозяйства, получившего новое развитие с переселением в горно-таежные страны.

На каком-то этапе истории к эволюции изначальных для тюркоязычного мира круглоплановых наземных построек с открытым очагом в центре присоединяется возникшая в ином культурном мире традиция квадратных однокамерных домов. Ныне материально улавливаемая только с приходом тюркских народов на Саяно-Алтайское нагорье в гуннскую эпоху, а лингвистически ощутимая по явлениям гораздо более архаичным (весь комплекс, связанный с tört buluŋ – «четырьмя углами (мира)»), эта форма жилищ уже за несколько столетий до нашей эры предстает полностью приспособленной к общетюркским нормам домостроительства: наземности и стационарности конструкции, центральному расположению очага и шатрово-купольной крыше. В Южной Сибири (как и на других тюркизированных землях, пока недостаточно изученных) в культуру тюркских народов вливаются и самобытные субстратные виды обиталищ. Рассмотренные в этой статье типы жилищ тюркоязычных насельников Саяно-Алтая позволяют конкретизировать эти процессы. Можно заключить, что и дотюркские в этих местах жилища-тура, и исконно тюркские агас иб – дома лесостепного ландшафта, а упоминавшиеся конические *алачики* – извечные постройки таежников.

Список литературы

Абсалямов М.Б. Поселения тагарского и переходного тагаро-таштыкского времени в Южной Сибири VII–I вв. до н. э. (типология и хронология): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1978.

Аксянова Г.А. Антропология тюркских народов Сибири // Тюркские народы Сибири. М., 2006.

Александров С.В., Паульс Е.Д., Подольский М.Л. Древности Аскизского района Хакасии. СПб., 2001.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. СПб., 2003.

Альдербаев М.А., Дадабаев Б.Д. Дом без углов. Алма-Ата, 1986.

Баранов Л.Н. Сооружение и сожжение таштыкского склепа // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.

Баркова Л.Л., Панкова С.В. Татуировка на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) // АЭАЕ. 2005. № 2.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., Л., 1950а. Т. 1.

Боковенко Н.А., Смирнов Ю.А. Археологические памятники долины Белого Июса на севере Хакасии. СПб., 1998.

Буров Г.М. Нео-энеолитические полуземлянки Крайнего Северо-Востока Европы в аспекте социальной организации его древнего населения // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1993. Вып. 21.

Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов: Пособие для учителей. Абакан, 1996.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.

Воевода М.И., Ромащенко А.Г., Ситникова В.В., Шульгина Е.О., Кобзев В.Ф. Сравнение полиморфизма митохондриальной ДНК пазырыкцев и современного населения Евразии // АЭАЕ. 2000. № 4.

Гаврилова А.А. Пятый Пазырыкский курган. Дополнение к раскопочному отчету и исторические выводы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. I, II. 1

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

Грачев И.А. Боярские писаницы (попытка реконструкции профанного смысла изображений) // Поселения: среда, культура, социум: Материалы тематической научной конференции. СПб., 1998.

Грязнов М.П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае // Природа. 1929. № 11.

Грязнов М.П. Боярская писаница // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 7, 8.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.

Грязнов М.П. Работы Красноярской экспедиции // КСИА. Вып. 100. М., 1965а.

Грязнов М.П. О кельтеминарском доме // Новое в советской археологии. М., 1965б.

Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Шуньков М.В. Междисциплинарные исследования Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН за последнее десятилетие // РА. 2005. № 5.

Дмитриев С.В. Материалы А.С. Морозовой по традиционному жилищу туркмен-иомудов // Полевые этнографические исследования: Материалы VIII Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2009.

Добродомов И.Г. Типы поселений. Историческая эволюция // СИГТЯ. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006.

Добродомов И.Г. Типы поселений ранних тюрок. Историческая эволюция // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. М., 2008.

Дробышев Ю.И. Природопользование и восприятие природы у хунну // Восток. 2005. № 1.

ДТС – Древнетюркский словарь / Редакторы: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л., 1969.

Дыбо А.В. Материальный быт. Жилище // СИГТЯ. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006.

Дыбо А.В. Материальный быт ранних тюрок. Жилище // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. М., 2008.

Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.

Дэвлет М.А. Большая Боярская писаница // СА. 1965. № 3.

Дэвлет М.А. Большая Боярская писаница. М., 1976. Дэвлет М.А. Новая Боярская писаница // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997.

Зайберт В.Ф. Складывание энеолитической ботайской культуры в Северном Казахстане // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985.

Зяблин Л.П. Архитектура курганов чаатаса Гришкин Лог // Новое в советской археологии. М., 1965.

ИЭХ – Иллюстрированная этнография хакасов: Альбом фотоматериалов Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова. Абакан, 2004.

Каралькин П.И. Жилище в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М., Л., 1960.

Карцов В.Г., Быконя Г.Ф. Новое в быту и культуре хакасов в середине XIX в. // История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1993.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. № 9. М.-Л., 1949.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Киселев С.В. Доклад о древних городах Монголии на заседании Отделения исторических наук АН СССР 29 мая 1956 г. // Вестник АН СССР. М., 1956. № 10.

Киселев С.В. Древние города Монголии // СА. 1957. № 2.

Киселев С.В. Древние города Забайкалья // СА. 1958. № 4.

Киселев С.В. Город монгольского Исункэ на р. Хирхира в Забайкалье // СА. 1961. №4.

Киселёв С.В., Кызласов Л.Р., Евтюхова Л.А., Мерперт Н.Я., Левашёва В.П. Древнемонгольские города. М., 1965.

Кобычев В.П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М., 1982.

Кондратьева М.И. О юртообразных зданиях Внешней Монголии (К истории монгольской архитектуры) // СЭ. 1935. № 3.

Константинов Н.А., Мыльников В.П., Слюсаренко И.Ю., Степанова Е.В., Васильева Н.А. Завершение полевого доследования внутримогильной конструкции Пятого Пазырыкского кургана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2019. Т. XXV.

Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология. М., 2008.

Крадин Н.П. Русское деревянное оборонительное зодчество. М., 1988.

Крадин Н.П. Народная архитектура якутов // Архитектурное наследство: Сб. 37. М., 1990.

Красниенко С.В., Краснолуцкий С.А. Поселения Назаровской котловины (предварительный культурно-хронологический анализ) // Поселения: среда, культура, социум: Материалы тематической научной конференции. СПб., 1998.

Красниенко С.В., Субботин А.В. Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). СПб., 1997 (2-е изд. – 1999).

Крюков М.В. Древнее жилище народов Китая // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992.

Кузьмин Н.Ю. Курган у деревни Новомихайловка. Проблемы изучения культуры степных племен Енисея V–III вв. до н. э. СПб., 1994.

Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура. СПб., 2011.

Куликов И.В., Нефедова М.В., Шульгина Е.О., Губина М.А., Пилипенко А.С., Дамба Л.Д., Кобзев В.Ф., Воевода М.И., Ромащенко А.Г. Палеогенетические исследования останков носителей пазырыкской культуры IV–II вв. до н. э. // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. 2.

Кумеев В.М. Шорцы. Кто они? Этнографические очерки. Кемерово, 1989.

Курочкин Г.Н. Золотые изделия из Большого Новоселовского кургана // КСИА. Вып. 196. М., 1989.

Курочкин Г.Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы). СПб., 1993.

Кызласов И.Л. Семантика тагарского кургана // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1987.

Кызласов И.Л. Воплощения Вселенной. Археологические памятники как объект палеоастрономии // Историко-астрономические исследования. Вып. XXI. М., 1989.

Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.

Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. Древнейшие свидетельства об армии // РА. 1996. № 3.

Кызласов И.Л. Местные речевые особенности енисейских надписей // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М., 2003а.

Кызласов И.Л. Отличительные особенности рунической письменности Тувинской котловины // Письменное наследие тюрков. Кызыл, 2003б.

Кызласов И.Л. Пратюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. М., Самара, 2005.

Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. Древнетюркские обиталища // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. М., 2008.

Кызласов И.Л. Алтаистика и археология. М.: Институт тюркологии, 2011а.

Кызласов И.Л. Кольцевые городища Хакасии. К истории монументальной архитектуры на Енисее: храмовая архитектура древности. М.: Таус, 2011б.

Кызласов И.Л. К выделению автохтонных рунических памятников Тувы VIII–XII вв. // Alkïš bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov: Сборник статей к 80-летию Д.М. Насилова. М., 2015.

Кызласов И.Л. Граница Древности и Средневековья на Среднем Енисее // Уч. зап. музея-заповедника «Томская писаница». Кемерово, 2023. Вып. 17.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха (I в. до н. э. – V в. н. э.) в истории Хакасско-Минусинской котловины: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1953.

Кызласов Л.Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) // ВМУ. Историко-филологическая серия. 1958. № 4.

Кызласов Л.Р. Средневековые города Тувы // СА. 1959. № 3.

Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. 1960а. № 3.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960б.

Кызласов Л.Р. Хакасская археологическая экспедиция 1958 г. // Записки ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1960в. Вып. 8.

Кызласов Л.Р. Этапы средневековой истории Тувы (в кратком изложении) // ВМУ. Серия IX, история. 1964. № 4.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969.

Кызласов Л.Р. Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры) // История и культура востока Азии. Т. III. Новосибирск, 1975.

Кызласов Л.Р. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры // СА. 1977. № 2.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува. От палеолита до IX в. М., 1979.

Кызласов Л.Р. Культура древних уйгур (VIII–X вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981а.

Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура древних хакасов (IX–X вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981б.

Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981в.

Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984.

Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992.

Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1993.

Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // ВМУ. Серия 8, история. 1998. № 3.

Кызласов Л.Р. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // РА. 1999. № 2.

Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. М., 2001.

Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. Исторические и археологические исследования. М., 2006.

Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новые материалы о происхождении культуры чаатас // АО 1983 года. М., 1985.

Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Шлаковые могилы – новый вид памятников тагарской культуры // АО 1985 года. М., 1987.

Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Раскопки в горах Хакасии // АО 1986 года. М., 1988.

Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII – начало XV в.) // РА. 1994. № 1.

Кызласов Л.Р., Панкова С.В. Татуировки древней мумии из Хакасии (рубеж нашей эры) // Сборник Государственного Эрмитажа. 2004. Вып. 62.

Кюнер Н.В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII–VIII вв. н. э. // Записки ХакНИИЯЛИ. Абакан,1951. Вып. 2.

Кюнер Н.В. Китайские историки-летописцы о хакасах // Записки ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1954. Вып. 3.

Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

Левицкая Л.С. Жилище, дом, поселение // СИГТЯ. Лексика. М., 1997а.

Левицкая Л.С. Гончарное дело // СИГТЯ. Лексика. М., 1997б.

Липинская В.А. Русское жилище второй половины XIX – начала XX в. // Традиционная народная культура русских: Сборник программ и вопросников для этнографических исследований. Рязань, 1997.

Лубоцкий А. Кто были жители Гонура и на каком языке они говорили? // На пути открытия цивилизации. СПб., 2010.

Лукина Н.В., Бардина П.Е. Постройки // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Кн. 2. Поселения и жилища. Томск, 1994.

Майдар Д., Пюрвеев Д.Б. От кочевой до мобильной архитектуры. М., 1980.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М., Л., 1951.

Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М., Л., 1952.

Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Маннай-оол М.Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М., 1970.

Мартин Ф.Р. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов / Пер. с нем. Ж.Н. Труфановой. Екатеринбург, Сургут, 2004.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979.

Мартынов А.И., Абсалямов М.Б. Тагарские поселения. Красноярск, 1988.

Мартынов А.И., Алексеев В.П. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Кемерово, 1986.

Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-тегина // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XII. Вып. II, III. СПб., 1899.

Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск, 1983.

Могильников В.А. Хунну Забайкалья // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Молодин В.И. Погребальный комплекс пазырыкской культуры Верх-Кульджин I и проблема современного потепления климата // АЭАЕ. 2000а. № 1.

Молодин В.И. Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // АЭАЕ. 2000б. № 4.

Мыглан В.О., Слюсаренко И.Ю., Ойдупаа О.Ч., Гаркуша Ю.Н. Царский курган Аржан-2 в Туве: дендрохронологический аспект // АЭАЕ. 2006. № 4.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. Новосибирск, 1999.

Мыльников В.П. Технология изготовления погребальных сооружений из дерева // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000.

Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху палеометалла: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2003.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории. М., 1989.

Образцы – Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Ч. IX / Перевел Катанов. Наречия урянхайцев, абаканских татар и карагасов. СПб., 1907.

Паллас – Петра Симона Палласа, медицины доктора, естественной истории профессора... путешествие по разным местам Российского государства / Перевод Ф. Томанского. Ч. II. Кн. 2. СПб., 1880 г.

Патачаков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). Абакан, 1958.

Патачаков К.М. Очерки материальной культуры хакасов. Абакан, 1982.

Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972.

Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001.

Полосьмак Н.В., Молодин В.И. Памятники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // АЭАЕ. 2000. № 4.

Попов А.А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М., Л., 1961.

Потапов Л.П. Хакасы // Народы мира. Этнографические очерки. Народы Сибири. М., Л., 1956а.

Потапов Л.П. Алтайцы // Народы мира. Этнографические очерки. Народы Сибири. М., Л., 1956б.

Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Рассадин В.И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. I. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста, 2007.

Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М., Л., 1953.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М., Л., 1960.

Савинов Д.Г. Об обряде погребения больших пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996.

Свешникова О.С. Советские археологи в поисках первобытной истории. Историческая интерпретация археологических источников в советской археологии 1930–1950-х гг. Омск, 2009.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.

Селютина И.Я. Фонетические процессы в языках народов Сибири как результат языковых взаимодействий // Аспекты алтайского языкознания. М., 2007.

Семенов С.А. Обработка дерева на древнем Алтае (По материалам Пазырыкских курганов) // СА. 1956. Т. XXVI.

Соколова З.П. Адаптивные свойства культуры народов Севера // СЭ. 1991. № 4.

Соколова З.П. Жилище народов Сибири. Опыт типологии. М., 1998.

Сорокин С.С. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1969. Т. X.

Стальсберг А. Археологические свидетельства об отношениях между Норвегией и древней Русью в эпоху викингов. Возможности и ограничения археологического изучения // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2001.

Субботин А.В. Новые данные о поселениях красноярской степи // Поселения: среда, культура, социум: Материалы тематической научной конференции. СПб., 1998.

Султанбаева К.И. Научное творчество Н.Ф. Катанова как источник развития этнопедагогической мысли // Наследие Н.Ф. Катанова. История и культура тюркских народов Евразии: Доклады и сообщения Международного научного семинара. Казань, 2006.

Тихонов С.Н. Традиционные жилища алтайцев // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984.

Токарев С.А., Гурвич И.С. Якуты // Народы мира. Этнографические очерки. Народы Сибири. М., Л., 1956.

Харузин Н.Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896.

Чикишева Т.А. Вопросы происхождения кочевников Горного Алтая эпохи раннего железа по данным антропологии // АЭАЕ. 2000. № 4.

Шибаева Ю.А. Из истории хакасского жилища // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М., 1950. Вып. 10.

Шульга П.И. Погребальные конструкции скифского времени в долине р. Сентелек // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997.

Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи. VIII–XIV вв. СПб., 1997.

Щербак А.М. Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб., 2005.

Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика. М., 2009.

Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея (Описание Минусинского музея. Вып. IV). Минусинск, 1900.

Clauson sir G. Philology and archaeology // Antiquity, 1973. XLII.

Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythische Fürstengrabhügel von Aržan 2 in Tuva // Eurasia Antiqua. Bd. 9. Mainz, 2003.

Martin F.R. Sibirica. Ein Beitrag zur Kenntnis der Vorgeschichte und Kultur Sibirischer Völker. Stockholm, 1897.

Список сокращений

АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
АО – Археологические открытия
ВМУ – Вестник Московского университета
СА – Советская археология
СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков
СЭ – Советская этнография

УДК 902/903

А.А. Горячев

Вопросы происхождения юртообразных жилищ в горной зоне Жетысу

Аннотация. В данной работе на основе материалов археологических исследований древних поселений производится сравнительный анализ планировки и техники домостроительства жилищ эпохи поздней бронзы и раннего железного века в предгорной и высогорной зонах северных склонов Илейского Алатау. В результате прослеживаются определенные параллели строительных приемов и внутреннего обустройства и происхождение наземных жилищ юртообразной формы раннего железного века от полуземлянок эпохи бронзы горной зоны, где одним из промежуточных этапов являются жилища турлучного типа в регионе. Изменения в традициях домостроительства связываются с природно-климатической динамикой, что привело к формированию более мобильной системы хозяйственного развития древнего населения и появлению яйлажной формы скотоводства как наиболее оптимальной для горной зоны экономической модели. Появление жилищ юртообразных форм на северных склонах Илейского Алатау происходило в течение первой половины I тыс. до н.э. и привело в этот период к доминированию в высокогорных районах сезонных домостроений (летовок) типа юрты, а в предгорной полосе турлучных стоянок (зимовок), известных на поселениях саков и усуней.

Ключевые слова: Илейский Алатау, Бутакты-I, Тургень-II, эпоха бронза, ранний железный век, поселение, полуземлянка, турлучные жилища, юрта, планировка

Аннотация. Бұл жұмыста ежелгі қоныстардың археологиялық зерттеулерінің материалдары негізінде Іле Алатауының солтүстік беткейлерінің тау бөктері мен таулы аймақтарындағы кейінгі қола және ерте темір дәуіріндегі тұрғын үйлердің орналасуы мен техникасына салыстырмалы талдау жасалады. Нәтижесінде құрылыс техникасы мен ішкі құрылыстың белгілі бір параллельдері және ерте темір дәуіріндегі киіз үй тәрізді жер үсті тұрғын үйлерінің таулы аймақтың қола дәуіріндегі жартылай жерлестерінен пайда болуы байқалады, мұнда аралық кезеңдердің бірі аймақтағы турлук типті тұрғын үйлер болып табылады. Үй салу дәстүріндегі өзгерістер табиғи-климаттық динамикамен байланысты, бұл ежелгі халықтың экономикалық дамуының мобильді жүйесінің қалыптасуына және таулы аймақ үшін ең оңтайлы экономикалық модель ретінде мал шаруашылығының жұмыртқа формасының пайда болуына әкелді. Іле Алатауының солтүстік беткейлерінде киіз үй тәрізді тұрғын үйлердің пайда болуы б.з. д. I мыңжылдықтың бірінші жартысында орын алды және осы кезеңде киіз үй типіндегі маусымдық үй құрылыстарының (жайлау) биік таулы аудандарында, ал сақтар мен үйсіндер қоныстарында белгілі тұрақтардың (қыстау) тау бөктерінде үстемдікке әкелді.

Түйін сөздер: Іле Алатауы, Бутақты-I, Түрген-II, қола дәуірі, ерте темір ғасыры, қоныс, жартылай жер, тұрлақты тұрғын үйлер, киіз үй, жоспарлау.

Археологические исследования древних поселений эпохи палеометалла в горной зоне Жетысу (рис. 1) в рамках научных программ Института археологии в начале XXI века позволили выяснить, что здесь происходили процессы массового расселения древних племен разных культур бронзового века, сопровождавшееся освоением практически всех экологических ниш региона (Марьяшев, Горячев, 2011, с. 313–337; Горячев, 2015, с. 84–92; Goryachev, Frachetti, 2022, с. 24–56). В ходе работ выявились определенные закономерности их места расположения. Древние поселения обнаружены в полупустынной и степной зонах, где они концентрируются возле родников. Стоянки и селения регулярно отмечаются внутри горных ущелий и долин, где их фиксируют по берегам горных речек.

Но наиболее значительная часть жилых комплексов этого времени устраивалась в предгорной зоне, на выходе или в устьях горных ущелий хребтов Джунгарского и Илейского Алатау (Горячев, 2013, с. 348–370; Горячев, Егорова, 2015, с. 90–99; Горячев, Сараев, 2015, с. 5–18; 2020, с. 117–134; Марьяшев, Горячев, 2017; Сараев, 2017, с. 69–90).

Рисунок. 1. Карта расположения территории Жетысу и ключевых памятников горной зоны региона.

В каждой природно-географической зоне существовали определенные условия для формирования на отдельных участках древних хозяйственно-жилых комплексов. К этим условиям в обязательном порядке относились защищенность от природных явлений и катаклизмов, наличие необходимых ресурсов для жизни и родника с питьевой водой. В раннем железном веке люди научились доставлять воду к жилищам по каналам и арыкам, что расширило значительно возможности для обустройства жилищ. Особенно ярко подобные изменения коснулись предгорной полосы, где древние поселения привязывались к системе ирригационных сооружений (каналов, арыков, водозаборов и акведуков), обнаруживаемых повсеместно от каньона реки Шарын до Курдайского перевала (Сараев 2007, с. 120–128; 2010, с. 252–264).

Выяснилось, что комплексы эпохи бронзы, состоящие из поселения и могильника, фиксируются практически на выходе из каждого ущелья по северным склонам Илейского Алатау (рис. 2, 1-3). Они обычно располагаются на высоких надпойменных террасах лессовых отложений с южной экспозицией. Поселения в предгорной зоне располагались на высоких лессовидных берегах, иногда останцах горных рек, или врезались в глинистые борта склонов горных ущелий с южной экспозицией и состояли из нескольких (до 10–12) усадеб, которые концентрировались вокруг небольших естественных водоемов, либо вытянуты в линию по берегу крупной речки. Большинство древних жилищ в устьях горных ущелий и на речных прилавках предгорных равнин представляли собой полуземлянки, врезанные в склоны бортов.

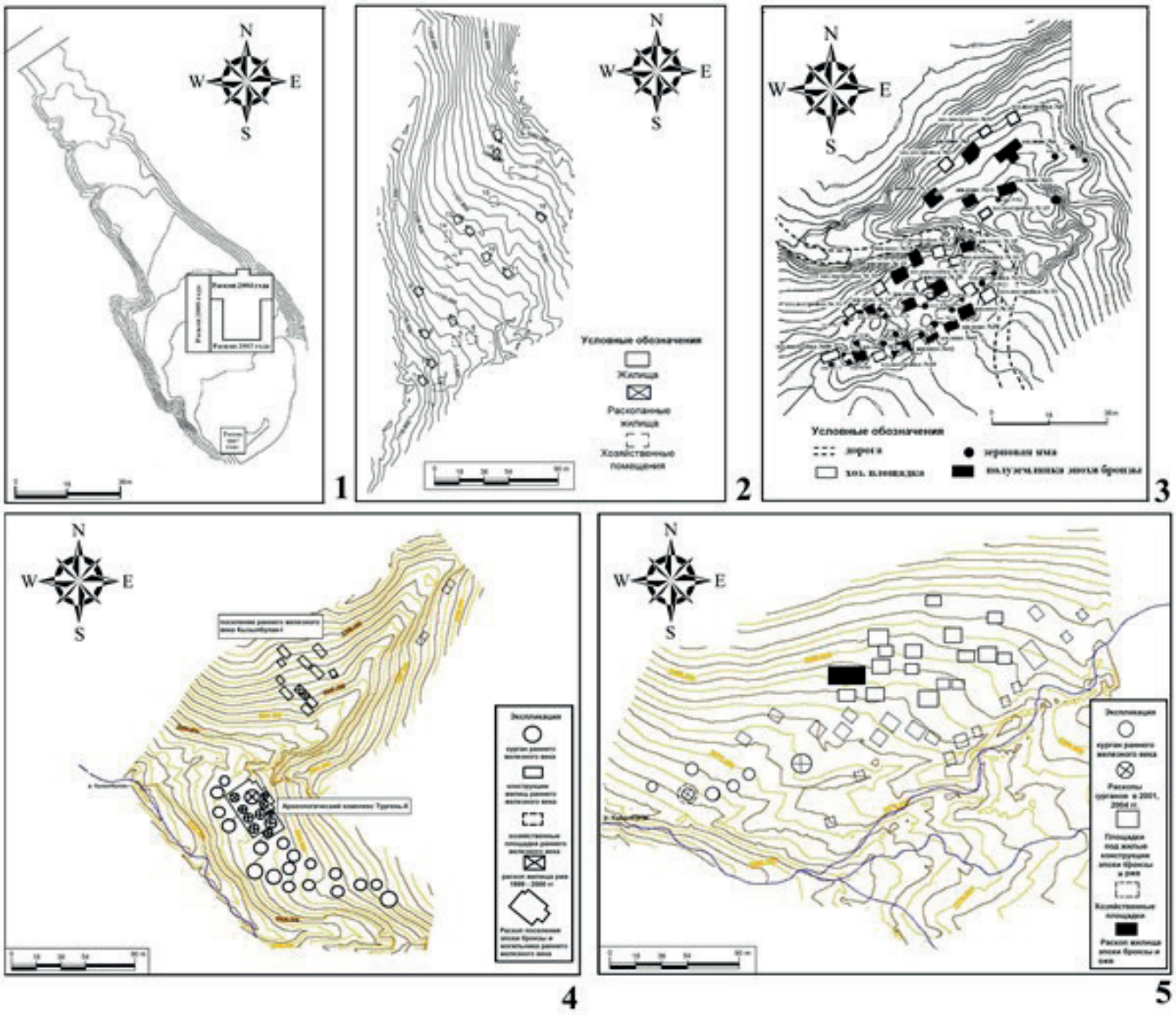


Рисунок 2. Топографические планы древних поселений на северных склонах Илейского Алатау: 1-3 – комплексы Бутакты-I (1), Кайнар-I (2) и Кольсай-I (3) в устьях горных ущелий; 4-5 – комплексы Тургень-II (4) и Кызылбулак-IV (5) в высокогорной зоне.

В высокогорной зоне и в средней части ущелий северных склонов Илейского Алатау поселения эпохи бронзы состоят из рядов жилищ, которые расположены вдоль берега ручья и склона сопки на ровных площадках древних морен (рис. 2, 4, 5). Одним из определяющих признаков устройства хозяйственно-жилых комплексов наличие в непосредственной близости от подобных площадок родников. В некоторых случаях как на комплексе Бутакты-III или плато Кок-Джайляу к древним поселениям от таких родников вода доставлялась по отводным арыкам с использованием водонакопителей или даже акведуков (Горячев, Мотов, 2018, с. 140). В связи с отсутствием удобных территорий жилища располагались близ друг друга (в пределах 10–12 м), а хозяйственные пристройки выносились чуть поодаль.

Жилища на данном историческом этапе во всех экологических нишах зафиксированы в виде грунтовых полуземлянок каркасно-столбовой конструкции прямоугольной и квадратной форм глубиной до 1-1,5 м и полуземлянок-навесов, врезанных в склон (заглубленные участки жилищ от уровня дневной поверхности варьировали от 0,6-0,8 до 2,5 м). Жилые сооружения конструкции достигали по площади в эпоху бронзы от 60 до 120 м^2, в раннем железном веке в пределах 30-60 м^2, а их хозяйственные помещения, врезанные в

горные склоны рядом с жилищами – полуземлянки-навесы площадью 12–24 м² (Горячев, Мотов, 2018, с. 24–26, 48–52; Горячев, 2020, с. 70, 73).

Обнаружение древних поселений и могильников эпохи бронзы на территории Жетысу затруднено как высоким уровнем делювиальных и аллювиальных отложений на памятниках, так и тем фактом, что большинство из них входит в состав разновременных и разнотипных памятников. В процессе исследований археологических комплексов Бутакты-I и Тургень-II в горной зоне Илейского Алатау выяснилось, что внутри ранних домостроений либо рядом с ними повсеместно фиксируются жилища округлых форм, датируемых, как правило, ранним железным веком.

Основу поселения раннего железного века на исследованном комплексе Бутакты-I составляли жилища и хозяйственные дворы в виде усадеб с постройками внутри (*рис. 3, 1*). Все зафиксированные жилые конструкции раннего железного века имели юртообразную форму, но отличались некоторыми конструктивными деталями. В северной части раскопа над жилищем бронзового века расчищены две площадки округлой формы, которые, вероятно, сохранились от наземных жилых строений типа юрты. По периметру площадок, отличавшихся от окружающего лессового грунта цветом и плотностью, были отмечены ряды мелких ямок, которые, возможно, образовались от в результате установки съемной конструкции стенок (кереге). Очаг внутри такого помещения отсутствовал. Другие детали таких протоюрт археологически пока не восстанавливаются.

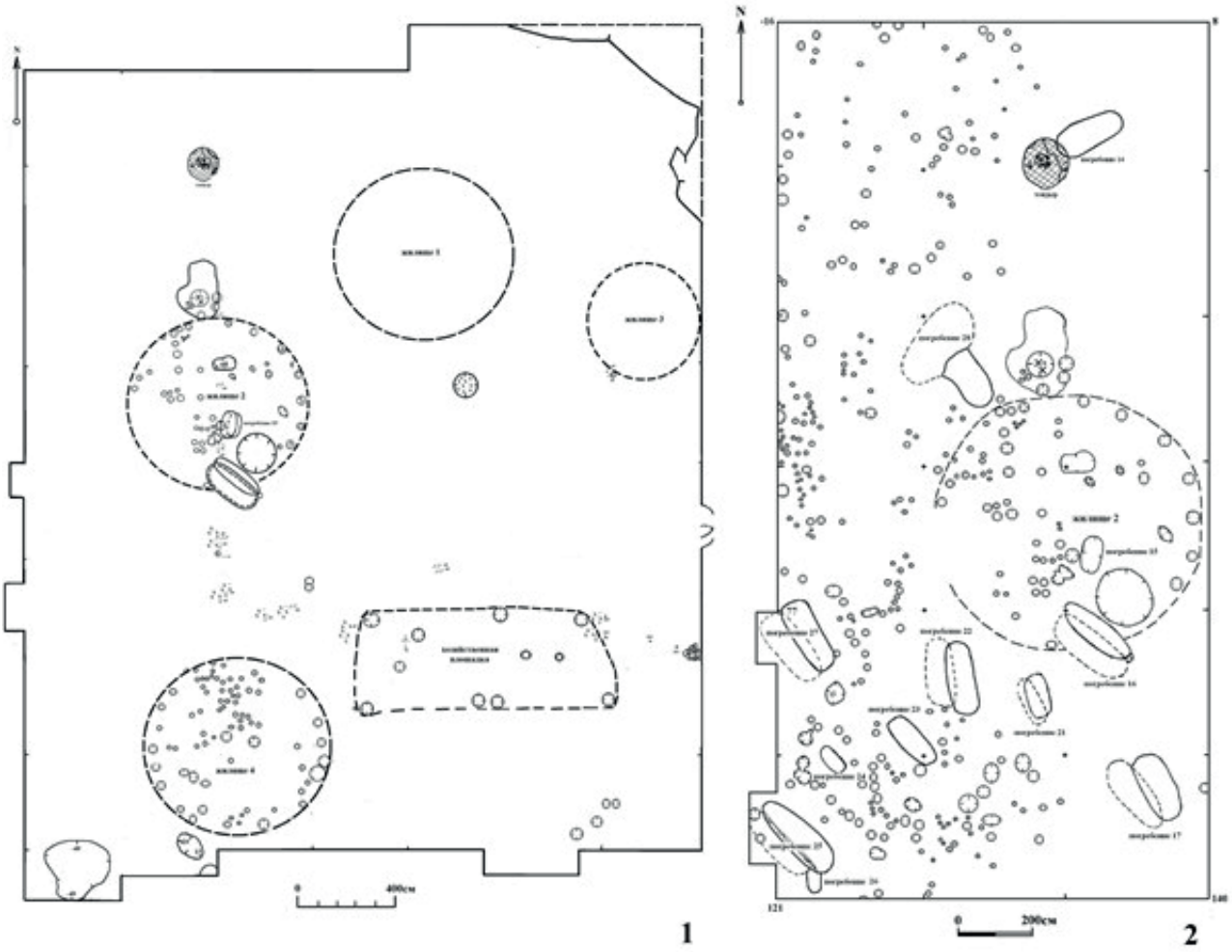


Рисунок 3. План расположения юртообразных жилищ раннего железного века на комплексе Бутакты-I: 1 – план раскопа 1; 2 – план усадьбы с жилищем 2.

Группа округлых домостроений раннего железного века, заглубленных на 20–40 см от уровня дневной поверхности, отмечена в центральной и южной частях раскопа. Они относятся к жилищам турлучного типа (*рис. 3, 2*). Всего на обследованном участке памятника зафиксировано три таких хозяйственных двора. На их территории отмечены разрушенные печи тандырного типа. Жилища турлучного типа на комплексе Бутакты-I представляли собой помещения округлой формы диаметром 6–7 м, заглубленные на 30-40 см от уровня древней поверхности. По периметру фиксировались ямки, в центральной части устанавливались четыре опорные столба, которые делили его пространство на две половины (*рис. 4, 1, 3*). По материалам раскопок можно предположить, что основу конструкций стен и крыши составляли каркасы из жердей и прутьев (*рис. 4, 2, 3*). Стены штукатурились глиняным раствором. Крыша, вероятно, имела невысокую конусовидную форму и накрывалась ветками с листьями. В одном из таких жилищ по центру найдено захоронение младенца.

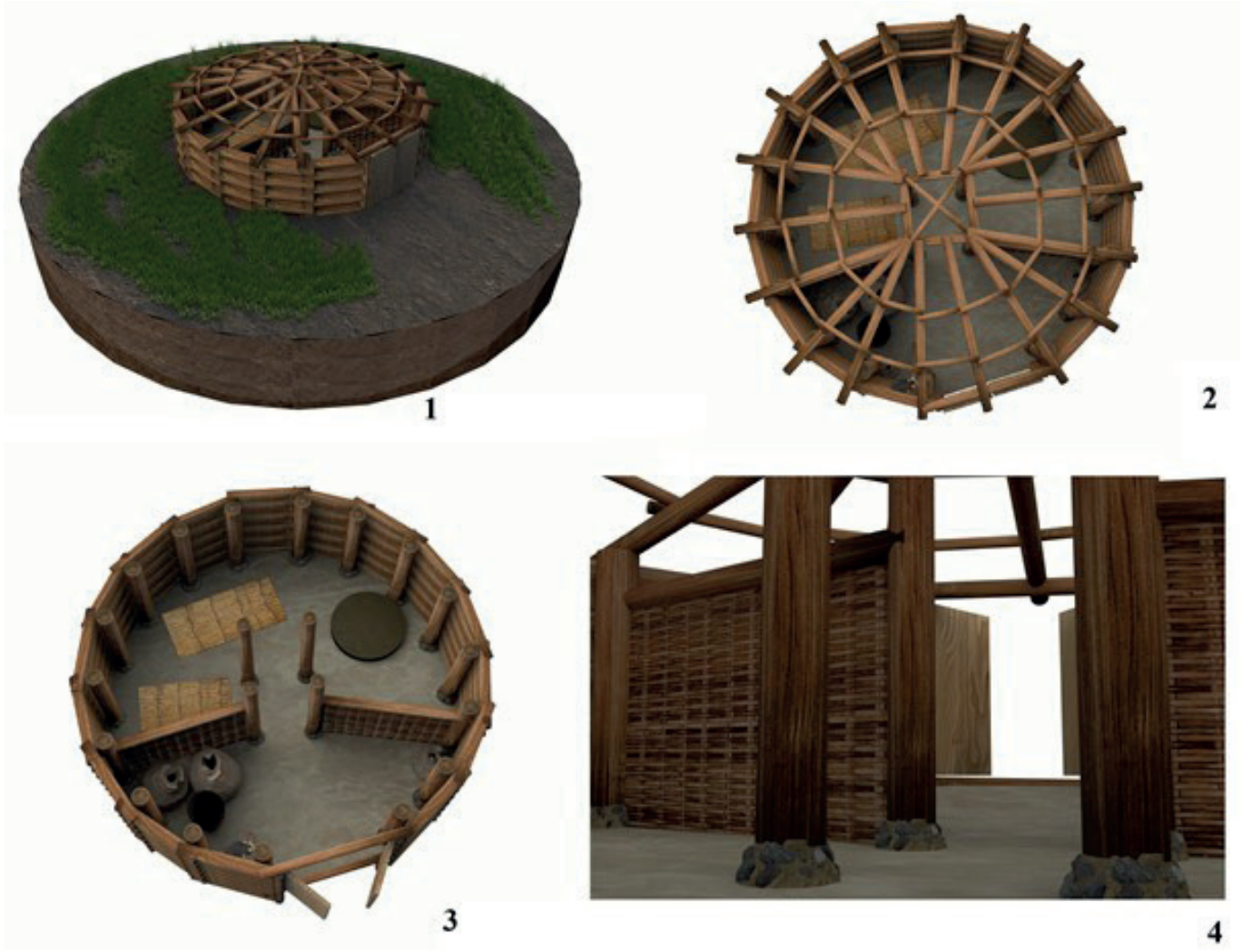


Рисунок 4. Графическая реконструкция юртообразного жилища раннего железного века комплекса Бутакты-I (художник Потапова К.С.): 1 – внешний вид помещения; 2 – устройство кровельных перекрытий; 3 – конструкции внутреннего пространства; 4 – центральные опорные столбовые конструкции.

В южной части комплекса найдены многочисленные фрагменты керамического шлака и железорудной крицы на месте конструкции в виде навеса (Горячев, Мотов 2018, с. 48–52). По вещевому материалу и тополандшафтным особенностям данного микроучастка поселение раннего железного века комплекса Бутакты-I, состоящее из домостроений турлучного типа, определялось как стационарный хозяйственно-жилой комплекс древних

земледельцев и ремесленников, проживавших в устьях горных ущелий. Его жители также занимались и придомным скотоводством. Поселки древних скотоводов были зафиксированы в предгорной зоне Илейского Алатау внутри горных ущелий и на высокогорных плато (Горячев, Мотов, 2018, с. 127–135).

Подобные комплексы исследованы, в верховьях ущелья Тургень и на плато Асы. В высокогорной зоне поселения раннего железного века устроены в верховьях крупных ущелий и на высокогорном плато, располагаются, как правило, по берегам рек, на ровных площадках древних морен и на выходе из боковых ущелий горных урочищ на склонах с южной экспозицией (*рис. 5, 1*). Здесь они представляли серии хозяйственных дворов, рассредоточенных по ущелью на выровненных площадках. Такое разрастание связано с увеличением общей численности населения и изменением природно-климатических условий в сторону похолодания и увлажнения. Жилища все чаще начинают выноситься на склоновые участки, а территории прежних поселений используются под древние кладбища. Характер устройства жилищ раннего железного века на территории Жетысу исследовался частично в предгорной зоне хребтов Узынкора (Кетмень), Илейского и Кунгей Алатау (Акишев К., 1970, с. 69–78; Горячев, 2011, с. 325–341; Байпаков, 2008).

На археологическом комплексе Тургень-II в раннем железном веке начинают происходить принципиальные изменения в устройстве жилых помещений. На месте, где раньше фиксировались грунтовые полуземлянки каркасно-столбовой конструкции, устраиваются наземные юртообразные жилища (*рис. 5, 2, 3*). Их обустройство происходило как с использованием заплывших котлованов полуземлянок бронзового века, так и на выровненных площадках древней морены. Полы домостроений сохранились в виде слоя плотной спрессованной глины (с целью защитить жилище от грунтовых вод) со следами извести и древесного угля.

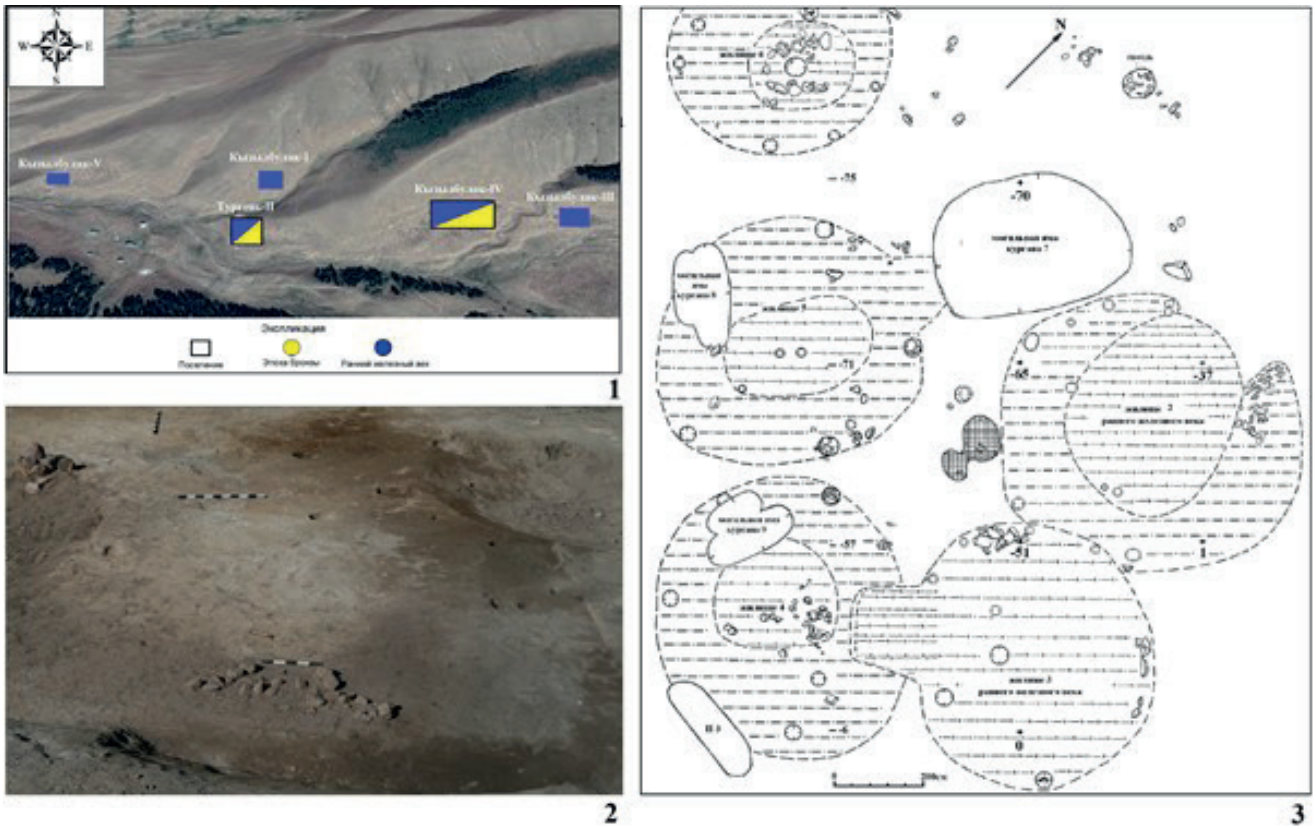


Рисунок 5. Древние поселения и юртообразные жилища в верховьях ущелья Тургень: 1 – расположение древних поселений в верховьях ущелья Киши-Тургень на космоснимке; 2 – вид на юго-запад жилища 2 раннего железного века на комплексе Тургень-II, фото; 3 – план раскопа жилищ 2–6 раннего железного века на комплексе Тургень-II.

Судя по конструкциям и мощности культурного слоя данные строения являлись временными сезонными стоянками и представляли собой округлые юртообразные наземные конструкции диаметром от 5 до 7–7,5 м, заглубленные на 20–40 см в землю (*рис. 6, 1–4*). В центре были установлены один или два опорных столба. По периметру через 1,5–2 м прослеживаются столбовые ямы диаметрами 15–20 см и глубиной до 30 см. Между ними выявлены небольшие ямки диаметром до 5 см, забутованные щебнем. Вероятно, это следы стен, организованных по типу плетня. Кровельное перекрытие, судя по форме и типу устройства близкого к юрте, предположительно представляло собой конусовидный свод (*рис. 6, 7*). Вход в помещение обозначался прерыванием столбовых конструкций. В некоторых жилищах имелся коридорообразный вход длиной 2–3 м, укрепленный каменной забутовкой (*рис. 6, 8*).

Внутри таких строений очаг, как правило, отсутствовал, хотя следы обогрева пола в виде уплотненного зольного слоя и следов прокала имеются. Очаги были выносными, имели округлую или восьмеркообразную форму (*рис. 6, 5, 6*). Сложносоставной очаг состоял из двух очажных ям округлой формы, соединенных небольшой «перемычкой». Диаметры очажных ям от 0,6 м до 1 м, глубина 0,3–0,4 м. В предгорной зоне на поселении Бутакты-I подобные печи сооружали на расстоянии в 3–4 м от жилища. В верховьях ущелья Тургень печи устанавливались близ входа (1–2 м) с северной или западной стороны.

Формирование подобных жилищ, именуемых турлучными, происходило в регионе в первой половине I тыс. до н.э. и связывается специалистами с развитием полукочевых форм хозяйствования. Их считают переходным временным типом жилья к наземным жилым постройкам типа юрты на территории Центральной Азии (Вайнштейн, 1991, с. 57). Некоторые аналоги юртообразным постройкам комплексов Бутакты-I и Тургень-II отчасти прослеживаются в материалах стоянок сако-усуньского времени в Кегенской долине (Акишев К., 1970, с. 69–78). Наиболее близкие аналогии конструкциям турлучного типа представляются в материалах поселений Горного Алтая, которые связываются исследователями с пазырыкской культурой и датируются VI–II вв. Они соответствуют юртообразным жилищам, устанавливаемым на поверхности земли или заглубленным на 20–25 см (Шульга, 2015, с. 24–28). Группа подобных поселений с наземными жилищами известны в предгорной полосе хребта Илейского Алатау на стоянках-зимовках финальной бронзы Кайнар, Тузусай и Теренкара (Григорьев, 1995, с. 81–85; 1998, с. 260–270).

В определенной степени прототипом наземных жилищ раннего железного века может являться и жилище 3 поздней и финальной бронзы археологического комплекса Тургень-II (Горячев, 2018, с. 91–92). Оно устроено внутри заплывшего котлована жилища андроновского периода эпохи бронзы, в результате чего под помещение была расчищена площадка подквадратной формы размерами 8,5 х 8,2 м и представляло собой стоянку-мастерскую с коридорообразным выходом (*рис. 7, 1–3*). Четырехскатная кровля (*рис. 7, 4*), опиралась на квадратную раму по центру жилища размерами 1,8 х 1,8м, которая служила и световым окном, и отверстием в кровле для выхода дыма от очага. Вход в помещение (2х1 м) располагался с юго-западной стороны. На выходе из жилища с западной стороны зафиксированы остатки небольшого загона для скота (*рис. 7, 2, 3, 5*).

Внутреннее пространство жилого помещения было организовано по принципу крестообразной планировки, разделившее его на 4 отсека – два спальных, производственный и хозяйственный (*рис. 7, 5, 6*). Вместо центрального помещения вокруг очага отмечен широкий коридор. Набор вещевого материала однозначно свидетельствует, что здесь проживала семья, специализировавшаяся на кожевенном ремесле и ткачестве, а данные конструкции могут быть датированы рубежом II–I тыс. до н.э. (Горячев, Чернов, 2007, с. 106–119; Горячев, 2018, с. 96). Подобной планировки в жилищах эпохи бронзы региона ранее не встречалось не только на территории Жетысу, но и в пределах всего андронов-

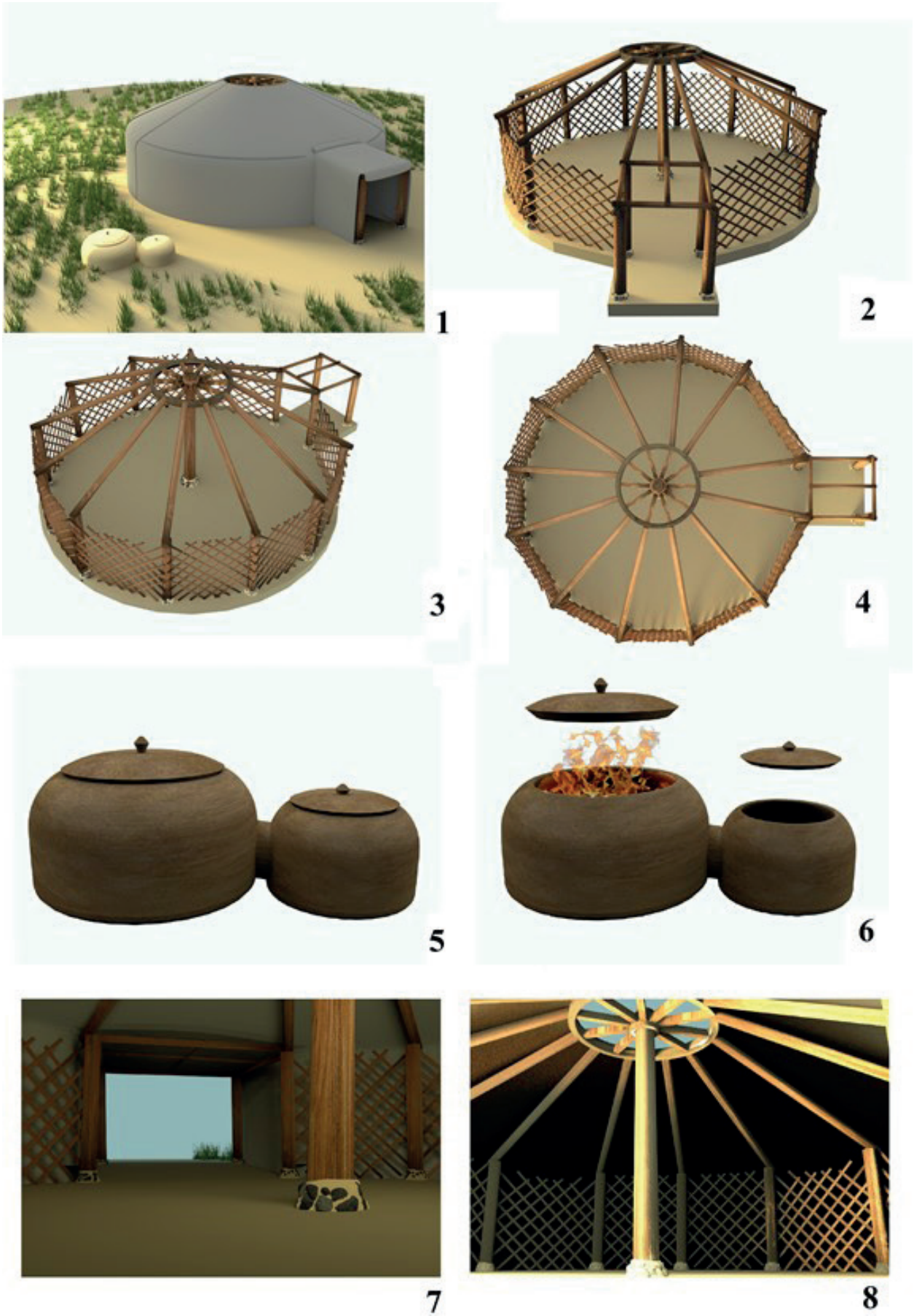


Рисунок 6. Графические реконструкции юртообразного жилища 3 раннего железного века комплекса Тургень-II (художник Потапов К.С.): 1 – общий вид на север; 2 – вид со стороны входа; 3 – вид на юг; 4 – вид сверху; 5, 6 – устройство очага возле жилища; 7 – коридорообразный вход, вид изнутри; 8 – устройство свода типа «шаныpак».

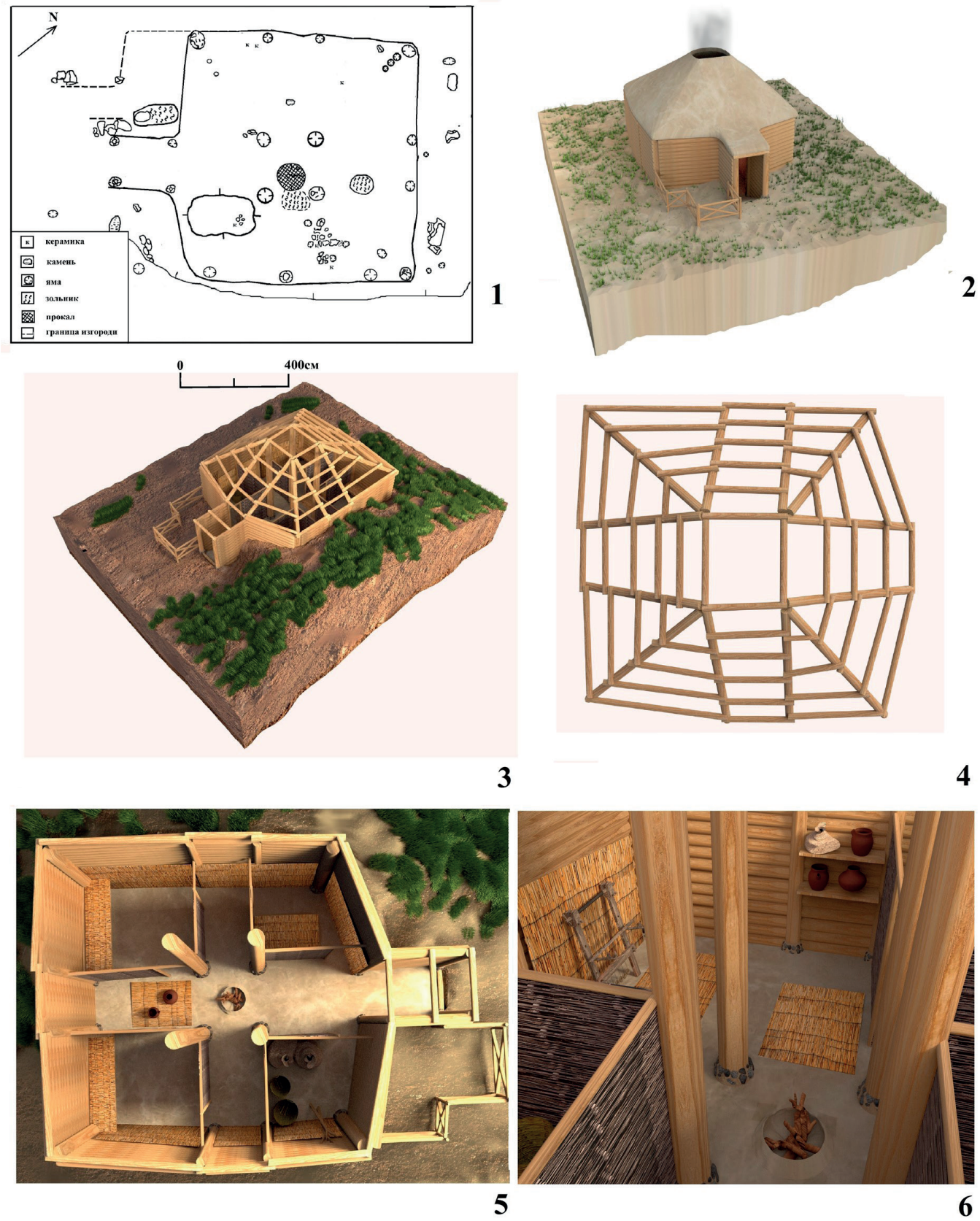


Рисунок 7. Графическая реконструкция полуземлянки этапа финальной бронзы комплекса Тургень-II (художник Потапов К.С.): 1 – план раскопа жилища; 2 – внешний вид жилища со стороны ручья Кызылбулак; 3 – устройство столбовых конструкций и стен жилища; 4 – устройство кровельного перекрытия; 5 – общая планировка жилища, вид сверху; 6 – обустройство хозяйственного помещения жилища.

ского ареала, что дало основание предполагать данное явление как переходную форму устройства домов от полуземлянок к юртообразным.

Специалистами неоднократно отмечалось, что характер и традиции домостроительства зависели от природных материалов исследуемого региона и хозяйственно-экономической специализации древнего населения. В частности, основными строительными материалами в древности в горной зоне Илейского Алатау дерево, глина с примесью извести, камень, солома. Стены и несущие конструкции как правило изготавливались бревен тянь-шаньской ели. В западных отрогах хребта и степных районах Жетысу стены нередко сооружались из каменных плит, но несущие конструкции оставались древесными (преимущественно из пород, произраставших поблизости). Обмазкой внутреннего и наружного пространства служила глина. Полы уплотнялись забутовкой из щебня, глины и, возможно, с добавлением извести и соломы. Очаги представляли собой грунтовые ямы овально-округлой формы с каменной обкладкой по периметру или глинобитным бортом. Верхнее покрытие кровли состояло из шкур животных, ветвей деревьев лиственных пород или соломы.

Хозяйственная специализация древнего населения также напрямую зависело от ресурсов каждой природно-географической зоны. Большинство поселений у северных склонов Илейского Алатау устроены близ древних водозаборов, а хозяйственно-жилые комплексы на предгорных равнинах обеспечивались водой по каналам, которые выводили за 400–500 м из родников и ручьев выше (Сараев 2007, с. 120–128). Данные сведения позволяют предполагать появление здесь ирригационного земледелия как минимум с эпохи бронзы. Условия для ведения хозяйственной деятельности в степной или горной зоне древнего Жетысу не предусматривали иной формы жизнеобеспечения кроме скотоводства. Взаимосвязи, установленные между двумя данными группами насельников по археологическим материалам, дают основание считать приоритетным в течение эпохи бронзы и раннего железного века модели комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства (Горячев, Мотов, 2018, с. 139–140; Горячев, 2020, с. 159–162).

Полуземлянки каркасно-столбовой конструкции в этот период являлись доминирующей формой жилищ как в степной, так и горной зоне Жетысу (Goryachev, Frachetti 2022, с. 50–51). Динамика природно-экологических изменений в течении II–I тысячелетий до н.э. от пика аридизации к похолоданию и увлажнению климата привели сначала к активному освоению горной зоны, в частности Илейского Алатау, вплоть до формирования в высокогорье стационарных поселков. Однако в раннем железном веке усложнение условий для жизнедеятельности древнего человека в верховьях горных ущелий и на высокогорных плато привели к их сезонному использованию, преимущественно в летний период. Хозяйственно-экономическая модель развития древнего населения претерпевает определенные изменения в связи с необходимостью большей мобильности, связанной с перекочевками скотоводов в течение года по разным экологическим нишам. Формируется яйлажная форма скотоводства при вертикальном способе кочевания, когда от стационарных зимовок (кыстау) в устьях горных ущелий скотоводы перемещаются на высокогорные летние пастбища (джайлау) и обратно.

Таким образом, на летовках возникает необходимость в более мобильных, но надёжных формах временных жилищ каковыми становятся юртообразные наземные жилые конструкции турлучного типа и собственно протоюрты. Несомненно, значительное влияние на формирование в горной зоне Жетысу в раннем железном веке именно таких традиций домостроительства сыграло культурное взаимодействие жителей региона со степным населением Центрального Казахстана, где юртообразные жилища известны еще в бронзовом веке (Маргулан и др., 1966, с. 208; Маргулан, 1979, с. 187; Кузьмина, 1994, с. 99–105).

На основании анализа конструктивных особенностей жилищ в период позднебронзового времени и раннего железного века на территории горной зоны Жетысу можно подытожить, что основной формой жилищ в течение эпохи бронзы и раннего железного века были полуземлянки каркасно-столбовой конструкции. Формирование строений подобных юртообразным жилищам в регионе начинается с периода финальной бронзы с появлением полуземлянок квадратной формы с крестообразной планировкой и завершается к середине I тыс. до н.э. развитием округлых жилищ турлучного типа и наземных протоюрт. Причины подобных изменений связаны с увеличением мобильности древнего населения обусловленным переходом к яйлажной форме скотоводства, которая в результате циклических колебаний климата становится в тот период наиболее оптимальной в плане экономического развития региона. Таким образом, характер устройства жилищ, который зависел от природных материалов и хозяйственно-экономической специализации древнего населения приводит в раннем железном веке к формированию нового вида наземных жилых конструкций – протоюрты, чаще использовавшейся сезонно в высокогорной зоне и строений турлучного типа, известных на поселениях саков и усуней в предгорной полосе.

Список литературы

Акишев К.А. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья // По следам древних культур Казахстана. Алма–Ата: Наука, 1970. С. 69–78.

Байпаков К.М. Поселения саков и усуней на территории Жетысу и Алматы. Алматы: Credo, 2008. 173 с.

Вайнштейн И.В. Мир кочевников Центральной Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.

Горячев А.А. Поселение и могильник раннего железного века археологического комплекса Тургень-II// Вопросы археологии Казахстана / отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. Вып. 3. С. 325–341.

Горячев А.А. Вопросы типологии и хронологии поселений эпохи бронзы на северных склонах Заилийского Алатау // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2013. С. 348–370.

Горячев А.А. Некоторые итоги и перспективы изучения памятников эпохи бронзы на северных склонах Заилийского Алатау и в Шуилийских горах // Восхождение к вершинам археологии. Сборник материалов международной научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященной 90-летию со дня рождения К.А. Акишева, 22–24 мая 2014 года. Алматы, 2014. С.84–92.

Горячев А.А. Об устройстве поселений поздней бронзы Жетысу // «Археология Казахстана». №1–2. 2018. С.86–105.

Горячев А.А. Древний археологический комплекс верховьев ущелья Киши-Турген. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. 260 с.

Горячев А.А., Егорова Т.А. Поселения раннего железного века в ущелье Бутаковка (на юго-восточной окраине города Алматы) // Сакская культура Сары-Арки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии / Сборник научных статей, посвященный памяти Кималя Акишевича Акишева. Алматы, 2015. С. 90–99.

Горячев А.А., Мотов Ю.А. Археологический комплекс Бутакты-I. Алматы: KazBookTrade, 2018. 264с.

Горячев А.А., Сараев В.В. Древние поселения Хантауского региона и вопросы хозяйственно-культурного развития населения эпохи палеометалла // «Хантауский транзитный коридор в эпоху палеометалла» / История и археология Семиречья. Выпуск 7. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, 2020. С. 117–134.

Горячев А.А., Чернов М.А. Орудия кожевенного ремесла и ткачества из археологического комплекса Тургень-II // История и археология Семиречья. Вып.3. Алматы: ОФ» Родничок», 2007. С. 106–119.

Григорьев Ф.П. Позднесакское поселение Тузусай // Атамура. Шымкент: Атамура, 1995. С. 81–85.

Григорьев Ф.П. Древняя история Алматы // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. Алматы: КазНУ им. аль Фараби, 1998. С. 260–270.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: МГП «Калина» ВИНИТИ РАН, 1994. 464 с.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Итоги изучения памятников эпохи бронзы Жетысу// Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991-2011). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 313–337.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 436 с.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Вопросы изучения поселений эпохи бронзы Северного Притяньшанья // http://e-history.kz/ru/books/journal, 2017. №3.

Сараев В.В. Принцип построения оросительных систем в предгорьях древнего Семиречья (к вопросу о земледелии на территории Семиречья в древности) // История и археология Семиречья. Вып.3. Алматы: Фонд «Родничок», 2007. С. 120–128.

Сараев В.В. Перспектива выявления фактов развитого оросительного земледелия в предгорьях Семиречья // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана / Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: сборник материалов международной научной конференции. Алматы: ТОО «Print-S», 2010. С. 252–264.

Сараев В.В. Каргалинский древний историко-географический микрорайон // История и археология Семиречья. Выпуск 5. Алматы, 2017. С. 69–90.

Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 336 с.

Goryachev A., Frachetti M.D. Traditions of Settlement in Bronze Age Zhetysu (Kazakhstan) / Горячев А.А., Фрачетти М.Д. О традициях домостроительства эпохи бронзы в Жетысу (Казахстан) // Археология Казахстана. 2022. № 2(16). С. 24–56. (на англ. яз.).

УДК 03.41.00.

С.К. Сакенов

Жилища круглой формы позднебронзового века (по материалам поселения Шагалалы II)*

Аннотация. Статья представляет предварительные результаты исследования поселения эпохи бронзы Шагалалы II в долине р. Шагалалы в Зерендинском районе Акмолинской области. Поднимаются такие значимые вопросы, как приспособление жизнедеятельности древнего социума к местному ландшафту на примере исследованных жилищных комплексов. Существование открытых поселков в Северном Казахстане в позднебронзовом веке и особенности изменения планировки жилищ показывают адаптацию населения к изменившимся природно-климатическим условиям и хозяйственно-культурному типу. На территории поселения Шагалалы II в культурном слое датируемом концом II тыс. до н.э. зафиксированы строение жилищ разных типов. В данной работе рассмотрены жилище восьмеркообразной формы, наземного и каркасно-столбового типа. Опираясь на археологические данные, предложена графическая реконструкция.

Ключевые слова. Северный Казахстан, бронзовый век, архитектура, поселения, жилища, керамический комплекс, протоюрта

Аннотация. Мақалада Ақмола обылысының Зеренді ауданындағы Шағалалы өзені алқабындағы Шағалалы II қола дәуірінің қонысын зерттеудің алдын ала нәтижелері берілген. Зерттелген тұрғын үй кешендерінің мысалға ала отырып, ежелгі қоғамның тіршілік әрекетін жергілікті ландшафтқа бейімдеу сияқты маңызды мәселелер көтерілді. Кейінгі қола дәуірінде Солтүстік Қазақстанда ашық қоныстардың болуы және тұрғын үй құрылысының өзгеру ерекшеліктері халықтың өзгерген табиғи-климаттық жағдайларға және шаруашылық-мәдени типке биімделуін көрсетеді. Шағалалы II қоныс аумағында б.з.д. II мыңжылдықтың аяғына жататын мәдени қабатта әртүрлі типтегі тұрғын үйлердің құрлымы айқындалды. Бұл мақалада сегіз пішінді, жер үсті және жақтау-тірек типті тұрғын үйлер қарастырылған. Археологиялық деректерге сүйене отырып, графикалық реконструкция ұсынылды.

Түйін сөздер. Солтүстік Қазақстан, қола дәуірі, сәулет, қоныстар, тұрғын үйлер, керамикалық кешен, прото киіз үй

Анализ жилищ – важнейший процедурно-методический этап исследования поселенческих памятников. Решение задач системно-классификационного порядка предоставляет возможность выявлять общее и особенное в конструктивно-планировочном строе жилищ, в стереотипах домостроительной практики, традициях домостроительства, искать и находить ответы на вопросы, касающиеся генезиса жилищ, их функционирования, путей и механизмов передачи заимствований и новаций (Черных, 2008). Серьезное стационарное археологическое изучение поселений эпохи бронзы Северного Казахстана приходится на 70–80 гг. XX в., и связано оно прежде всего с крупномасштабными археологическими работами Северо-Казахстанской археологической экспедиции. На современном этапе в Акмолинской области продолжаются обширные раскопки лишь двух поселений – Шагалалы II и Сандыктау (Сакенов, 2017, с. 550–556; Сакенов и др., 2023). В других областях Казахстана ведутся работы на поселениях Токсанбай (Западный Казахстан), Талдысай, Кент, Тегисжол, Аккезен (Центральный Казахстан), на поселении, расположенном в ущелье Тургень (Южный Казахстан) (Самашев и др., 1998, с. 89–96; 2001, с. 347–352; Курманкулов и др., 2012; Артюхова и др., 2013; Горячев, 2009, с. 14–15).

***** *Публикация подготовлена в рамках программы ФНИ Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан, Комитет Науки BR20280993 «Казахстан в древности и средневековье: систематизация и анализ археологических источников».*

Первые работы по классификации жилищ эпохи бронзы на территории Северного Казахстана предприняты А.М. Оразбаевым. Анализ был основан на материалах поселения Шагалалы I (Чаглинка), где командой под его началом было раскопано девять жилищ из шестнадцати (Оразбаев, 1970, с. 129–146). Первая подробная характеристика жилищных комплексов на поселении Шагалалы II приведена в работе Т.С. Малютиной (1991, с. 141–162). Изучение жилищ и особенностей их строения на данном поселении продолжено автором настоящей работы С.К. Сакеновым (Сакенов, 2017, с. 83–98).

В отношении жилищ эпохи бронзы Северного Казахстана наблюдается их существенная вариативность, что связано с природно-географическими факторами и климатическими условиями. Судя по археологическим и архитектурным данным о строительных традициях и технологиях, бытовавших в бронзовый период, население этого региона было хорошо адаптировано к непростым условиям жизни, суровым зимам и резкой смене времен года. В течение II тыс. до н. э. природно-климатическая обстановка постоянно изменялась то в благоприятную сторону для проживания людей и содержания домашнего скота, то наоборот.

Поселение Чаглинка I расположено на правом высоком берегу старого русла реки Шагалалы, в 3 км на юг от села Октябрьский Акмолинской области. Выше поселения, с северо-западной стороны, вдоль берега тянутся невысокие сопочные гряды, защищающие поселение от ветров. Поселение вытянуто с севера на юг вдоль берега, длиной оно 245 м, шириной 55 м. Общая площадь охватывает 13475 кв. м (Оразбаев, 1970, с. 130). Это первое поселение в Казахстане, на территории которого в 1954 г. были проведены стационарные исследования и изучено несколько жилищных впадин. А.М. Оразбаев по результатам данных работ выявляет три группы жилищ: 1) жилища неправильной прямоугольной формы с плоским перекрытием, аналогичные казахским зимникам (кыстау); 2) юртообразные деревянные строения с шатровым перекрытием, по форме близкие к казахскому летнему жилищу – юрте (киизуй); 3) жилища, условно называемые землянками, восьмеркообразной формы, которые представляют собой два обособленных помещения, соединенных узким коридором (Оразбаев, 1970, с. 140).

На основе статистических данных поселений андроновской культуры Е.Е. Кузьмина выделяет несколько типов планировок жилищ. Первый тип: дома располагаются одной линией вдоль реки. Второй тип: дома выстроены вдоль реки двумя параллельными рядами, разделенными улицей шириной 7–10 м. Третий тип, зафиксированный в Северном и Центральном Казахстане, представлен вытянутым вдоль реки поселением почти прямоугольным или овальным в плане, с большой незастроенной площадью в центре, предназначенной для содержания скота (Кузьмина, 1999, с. 70). На материалах поселения Саргара, которое находится в Северном Казахстане, С.Я. Зданович по очертаниям котлованов и формам жилищ выделяет четыре типа: прямоугольные, квадратные, овальные (округлые) и многоугольные (Зданович, 1983, с. 66).

В данной работе будут представлены результаты исследования жилища, расположенного на территории поселения Шагалалы II и состоящего из двух комнат округлой формы, связанных друг с другом проходом. На поверхности земли были хорошо видны два жилищных котлована, соединенных между собой. Котлованы круглой формы, размерами 12 × 12 м, глубиной 0,30 м, соединение выражено в виде слегка углубленной перемычки длиной 3 м.

В полевом сезоне 2015 г. был заложен раскоп XI на одной из этих соединенных между собой жилищных впадин, которая находится южнее раскопа VIII. Для полного охвата заложен раскоп 18 × 18 м. Раскопки велись сплошным вскрытием с сохранением продольных и поперечных бровок. Уже после удаления нескольких слоев на уровне 0,30 см проявились очертания жилища округлой формы, наземного типа. Жилищное пятно фиксировалось на плане и на профилях бровок в виде гумусированного слоя. По краям

в некоторых частях отмечены камни, которые непосредственно связаны с конструкцией округлого жилища (рис. 1).

Особенность данного участка раскопа заключается в том, что здесь по сравнению с предыдущими сегментами раскопа мало столбовых ям; они сосредоточены только в центральной части, где найдено скопление камней со следами копоти. Несколько столбовых ям зафиксировано возле входа, который расположен с восточной стороны и Г-образно поворачивает на север в сторону реки. В юго-восточной части, на том месте, где до раскопок был виден соединяющий проход, выявлена темная гумусированная полоса шириной 1,20 м, длиной 2 м, уходящая в сторону нераскопанного котлована. Раскоп охватил только одну часть жилища, состоящего из двух помещений округлой формы. Инвентарь однородный, встречаются только фрагменты черной лощеной керамики, орнамент на них нанесен только по валику.

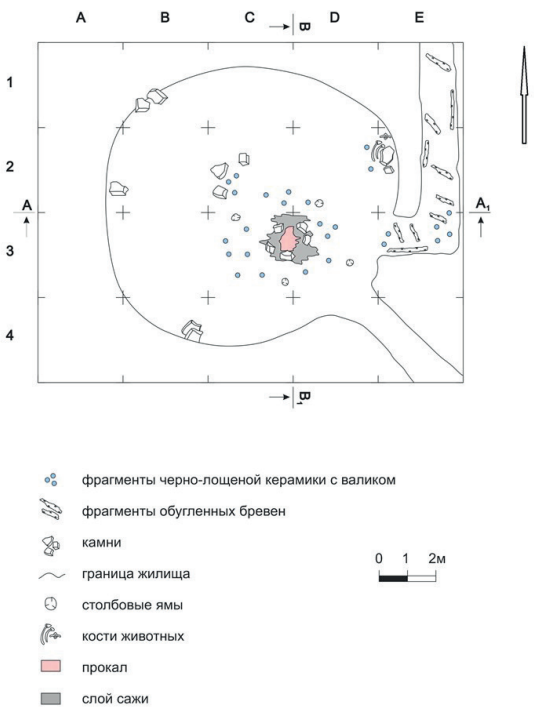


Рисунок 1. Поселение Шагалалы II. Раскоп XI. План жилища № 7

Стратиграфия раскопа представлена всего лишь несколькими слоями: первый дерновый слой мощностью 10 см; далее – темная гумусированная супесь; третий слой заполнения наземного жилища состоит из рыхлой золы светло-серого цвета. В данном слое встречаются полуобгорелые плашки и бревна. Затем идет материк, и только в центральной части жилища находится углубление от очага со следами прокала, а вокруг очага расположено несколько столбовых ям, углубленных в материк на 20–25 см.

Согласно классификации шагалалинских жилищ, данная исследованная постройка отнесена к третьему типу. Дом состоит из двух комнат округлой формы, соединенных между собой проходом. Жилище восьмеркообразной формы, наземного и каркасно-столбового типа. Стены сложены из вертикальных столбов и плетеных веток. Кровля, скорее всего, была куполообразной, состояла из радиально уложенных бревен, об этом свидетельствуют обугленные остатки древесины, с одной стороны лежащие на перекладинах стен, а с другой направленные в центр. Края этих домов дополнительно укреплялись крупными каменными плитами. Из горизонтально уложенных бревен построен проход, соединяющийся с другой аналогичной частью. Вход коридорного типа длиной до 3 м, шириной 1,1 м, ориентирован в сторону реки. В центре жилища фиксируется очаг с открытым типом топки, возле которого найдено большое количество фрагментов сосудов с валиком.

Аналогичные типы жилищ известны на поселении эпохи бронзы Чаглинка I, которое расположено на берегу той же реки, что и поселение Шагалалы II, примерно в 47–48 км к северу от г. Кокшетау, административного центра Акмолинской области (Северный Казахстан). На поселении Шагалалы I (Чаглинка I) А.М. Оразбаевым обнаружены и исследованы два идентичных жилища (Оразбаев, 1970, с. 144). Им на основании археологических материалов и с помощью графической реконструкции воссозданы общий вид и своеобразие жилища №13 поселения Шагалалы I (рис. 2).

Согласно результатам анализа стратиграфии и радиоуглеродных дат, внутренняя хронология поселения Шагалалы II подразделяется на три строительных горизонта. Материалы жилища №7 могут стать основой для выделения четвертого строительного

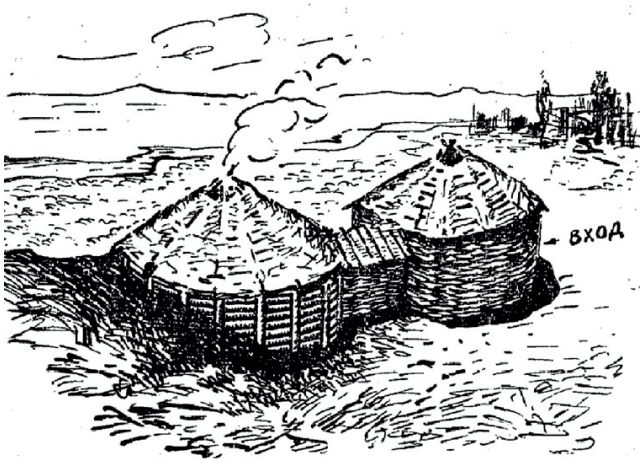


Рисунок 2. Поселение Шагалалы I (Чаглинка I), жилище № 13. Графическая реконструкция А.М. Оразбаева (1970, с. 144)

горизонта; это, конечно же, требует сбора новых данных и составления перечня всех критериев для вычленения переходного периода от финальной бронзы к железному веку. Предварительно, этот этап охватывает определенный хронологический диапазон – конец XIV – XII в. до н. э.

Для этого периода характерны следующие архитектурные особенности жилища: 1 – наземные конструкции, без котлована; 2 – разнообразие форм жилищ; 3 – длинные проходы, соединяющие жилые и хозяйственные помещения между собой; 4 – использование камня в строительстве. Данные, полученные в ходе археологических работ, позволяют восстановить общий вид и характерные особенности жилища №7 поселения Шагалалы II (рис. 3) посредством графических реконструкций.

Рисунок 3. Поселение Шагалалы II, жилище № 7. Графическая реконструкция С.К. Сакенова, художник В.С. Меденко

Традиционно для памятников эпохи бронзы керамический материал является основой для установления периодов использования территории поселения или могильников, этапов развития культуры, определения культурной принадлежности и создания хронологической шкалы. Культурный слой жилища №7, сохранивший материальные следы деятельности человека, единообразный. Керамика однородная, встречается только лощеная до блеска керамика горшечно-баночного типа с валиком или ногтевыми защипами на его месте (рис. 4).

Фрагменты венчиков черной лощеной керамики

Рисунок 4. Поселение Шагалалы II. Жилище № 7.

В позднебронзовом веке, скорее всего, в сдвоенных округлых жилищах обитало основное население. Подобные типы построек были достаточно широко распространены, об этом свидетельствуют исследованные жилища на поселениях Атасу, Алексеевское, Саргара, Чаглинка I, Шагалалы II (Маргулан и др., 1966; Кривцова-Гракова, 1948, с. 59–172; Зданович С., Малютина, 1976, с. 97–98; Оразбаев, 1958, с. 216–294; Сакенов, 2017, с. 550–556). Их по

праву можно причислить к первым жилищам кочевников – протоюртам, а керамические чернолощеные сосуды, тонкостенные и котлообразной формы стали предтечей бронзовых и железных котлов, широко применявшихся и в быту, и при выполнении погребальных обрядов скотоводами железного века.

Список литературы

Артюхова О.А., Курманкулов Ж.К., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е. Комплекс памятников в урочище Талдысай. Характеристика раскопанных объектов нижнего слоя поселения Талдысай. Алматы: Институт археологии им А.Х. Маргулана, 2013. Т. I. 399 с.

Зданович С.Я., Малютина Т.С. Культурный комплекс Саргары // Проблемы археологии Урала и Поволжья. Куйбышев, 1976. С. 97–98.

Зданович С.Я. Поселения и жилища саргаринской культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983. С. 59–76.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. 1948. Вып. XVII. С. 59–172.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М.: Восточная литература, 1994. 464 с.

Курманкулов Ж.К., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е. Поселение Талдысай – памятник древней металлургии. Алматы, 2012. 132 с. (на каз., рус. яз.).

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. 435 с.

Малютина Т.С. Стратиграфическая позиция материалов федоровской культуры на многослойных поселениях казахстанских степей // Древности Восточно-Европейской лесостепи: Межвузовский сборник научных трудов. Самара: Самарский пединститут, 1991. С. 141–162.

Оразбаев А.М. Эпоха бронзы в Северном Казахстане // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата, 1958. Т. 5. С. 216–294.

Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 129–146.

Самашев З.С., Ермолаева А.С., Тепловодская Т.М. Токсанбай – памятник протогородской цивилизации Казахстана (предварительное сообщение)//Вестник Академии гуманитарных наук РК. Алматы: Изд-во АН РК, 1998. №1. С. 89–96;

Самашев З., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Североустюртский очаг культуры эпохи палеометалла. Проблемы, поиски и раскопки // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы Международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001. С. 347–352.

Сакенов С.К. Исследования жилищ на территории поселения Шагалалы II // Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Серия гуманитарных наук. Астана: ЕНУ, 2017. № 3 (118). С. 550–556.

Sakenov S. K. Paleo-economy of North Kazakhstan during the Bronze Age based on the materials of the Shagalaly settlement // «Anthropological Notebooks» (Slovenia). 2017. Vol. 23. Iss. 2. P. 83-98.

Сакенов С.К., Ярыгин С.А., Ильдеряков Н.Н. Взаимодействие человека и ландшафта в Северном Казахстане на начальном этапе перехода к производящей экономике / Отчет о научно-исследовательской работе. Астана, 2023. 153 с.

Черных Е.М. Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск, 2008. 272 с.

УДК 903/904 (574)

Т.Н. Лошакова

Домостроительные традиции населения эпохи бронзы Северо-Восточного Прикаспия

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты изучения жилищ, исследованных на поселениях эпохи бронзы Северо-Восточного Прикаспия – Токсанбай, Айтман. Приводится археологическое описание жилищ, рассматриваются применяемые строительные материалы, анализируются приемы возведения жилища, элементы сооружений, форма и размер котлована, приемы возведения кровли.

Ключевые слова: археология, эпоха бронзы, Северо-Восточный Прикаспий, поселение, Токсанбай, Айтман, Манайсор, архитектура, жилище, традиция

Аннотация. Мақалада Солтүстік-Шығыс Каспий маңындағы қола дәуіріндегі қоныстарда зерттелген тұрғын үйлерді зерттеудің кейбір нәтижелері келтірілген - Тоқсанбай, Айтман. Тұрғын үйлердің археологиялық сипаттамасы берілген, пайдаланылған құрылыс материалдары қарастырылған, тұрғын үй салу әдістері, құрылымдардың элементтері, шұңқырдың пішіні мен өлшемдері, шатыр салу әдістері талданған.

Түйін сөздер: археология, қола дәуірі, Солтүстік-Шығыс Каспий, қоныс, Тоқсанбай, Айтман, Манайсор, сәулет, тұрғын үй, дәстүр

Поселения эпохи бронзы Токсанбай, Айтман и Манайсор 1-3, о которых речь пойдет в этой работе были открыты в конце XX века (Лошакова, 2020). Локализуются поселения в Северо-Восточном Прикаспии, по краю чинка, который протянулся вдоль сора Шомиштыколь (Бейнеуский район, Мангистауская область) (рис. 1).

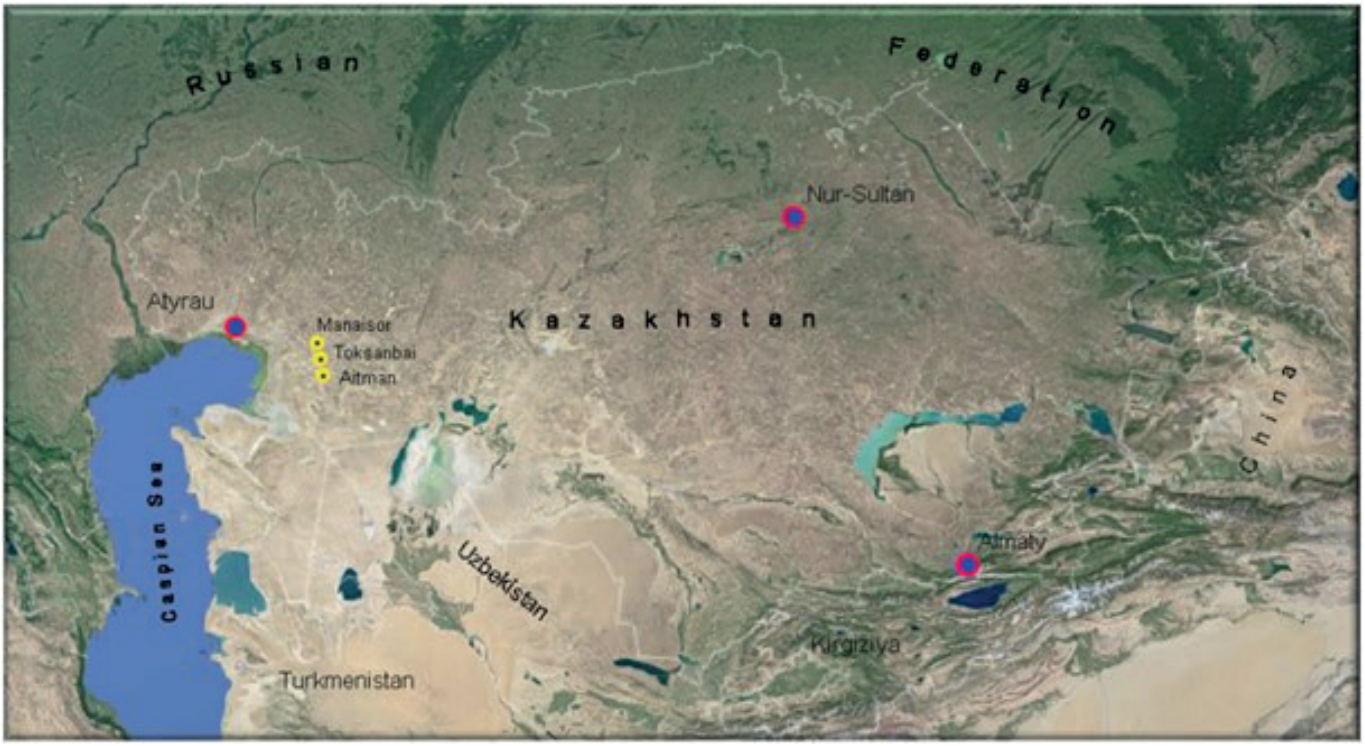


Рисунок 1. Карта расположения поселений эпохи бронзы Северо-Восточного Устюрта. Исполнитель: Бауыржан Бесетаев

Рисунок 2. Останец, на котором расположено поселение Токсанбай (вид с севера). Фото: В.П. Соболева

Поселение Токсанбай занимает останец-оползень на склоне чинка и имеет абсолютные высоты 118 м, уклон 55-65° с перепадами высот в 43 метра (рис. 2). Поселение Айтман расположено в 10 км к югу от поселения Токсанбай, и занимает мысовидный выступ чинка (рис.3). К северу от поселения Токсанбай, в 25 км, зафиксированы поселения Манайсор 1, 2, 3, занимающие также отдельно располагающиеся останцы (рис.4).

Рисунок 3. Мысовидный выступ на котором расположено поселение Айтман (вид с юга). Фото: Л.М. Слованевською

Рисунок 4. Останцы на которых расположены поселения Манайсор 1,2. Фото: Т.Н. Лошакова

Изучению поселенческих комплексов Северо-Восточного Прикаспия, посвящён ряд работ, в которых освещены результаты полевых изысканий, а также проведенных естественно-научных исследований (технико-технологический анализ керамического материала, орудий из кости и камня), зафиксированных на поселениях, ритуально-жертвенных комплексов, реконструкции жилища (Самашев и др., 2001; 2004; 2007; Шевнина, Лошакова, 2017; Лошакова, 2022; Ержанова, Лошакова, 2022; Лошакова, Усачук, 2023; Лошакова, Антонов, 2023). В этой работе остановимся на выделении элементов домостроительной традиции населения эпохи бронзы Северо-Восточного Прикаспия.

Изначально поселение Токсанбай, как Айтман располагалось на мысовидном выступе чинка. В результате разрушительных процессов исчезла перемычка, соединяющая поселение с платформой, превратив мысовидный выступ в самостоятельный останец–оползень. Поселения Манайсор 1-3 подверглись более глобальному разрушению по сравнению поселениями Айтман и Токсанбай. Фактически, на поселениях Манайсор были отмечены небольшие фрагменты кладки основания стен жилищ. Однако, по этим незначительным остаткам кладки можно констатировать, что способ возведения конструкций аналогичен отмеченным на поселениях Айтман и Токсанбай.

Уже при первом визуальном осмотре поселения, в северной части были различимы части конструкций, сохранившиеся фрагменты стен и полов, которые буквально повисали над обрывом, наглядно представляя принцип возведения помещений - ступенчатое расположение конструкций.

Наглядно демонстрирует способ возведения жилых конструкций на поселении Токсанбай жилище №2. Своей северной частью строение упиралось в склон, а противолежащей, утраченной, обращено было в сторону обрыва. «In situ» сохранилась северо-западная половина жилища и коридором (рис. 5). В древности, население заселяя пространство

останца, использовали его естественный рельеф. Округлой формы естественные углубления в останце челоавек присопосабливал, лишь местами углубляя или выравнивая поверхность, тем самым формируя котлован жилища. Стены возводились следующим образом: вдоль борта котлована, вертикально устанавливали массивные плоские плиты высотой метр и более. Поверх вертикальных плит сооружали горизонтальную кладку из обработанных плит ракушечника, уложенных друг на друга. Помещения обогревались очагом, устроенным в полу. Все расчищенные помещения на поселении были сооружены однотипным образом.

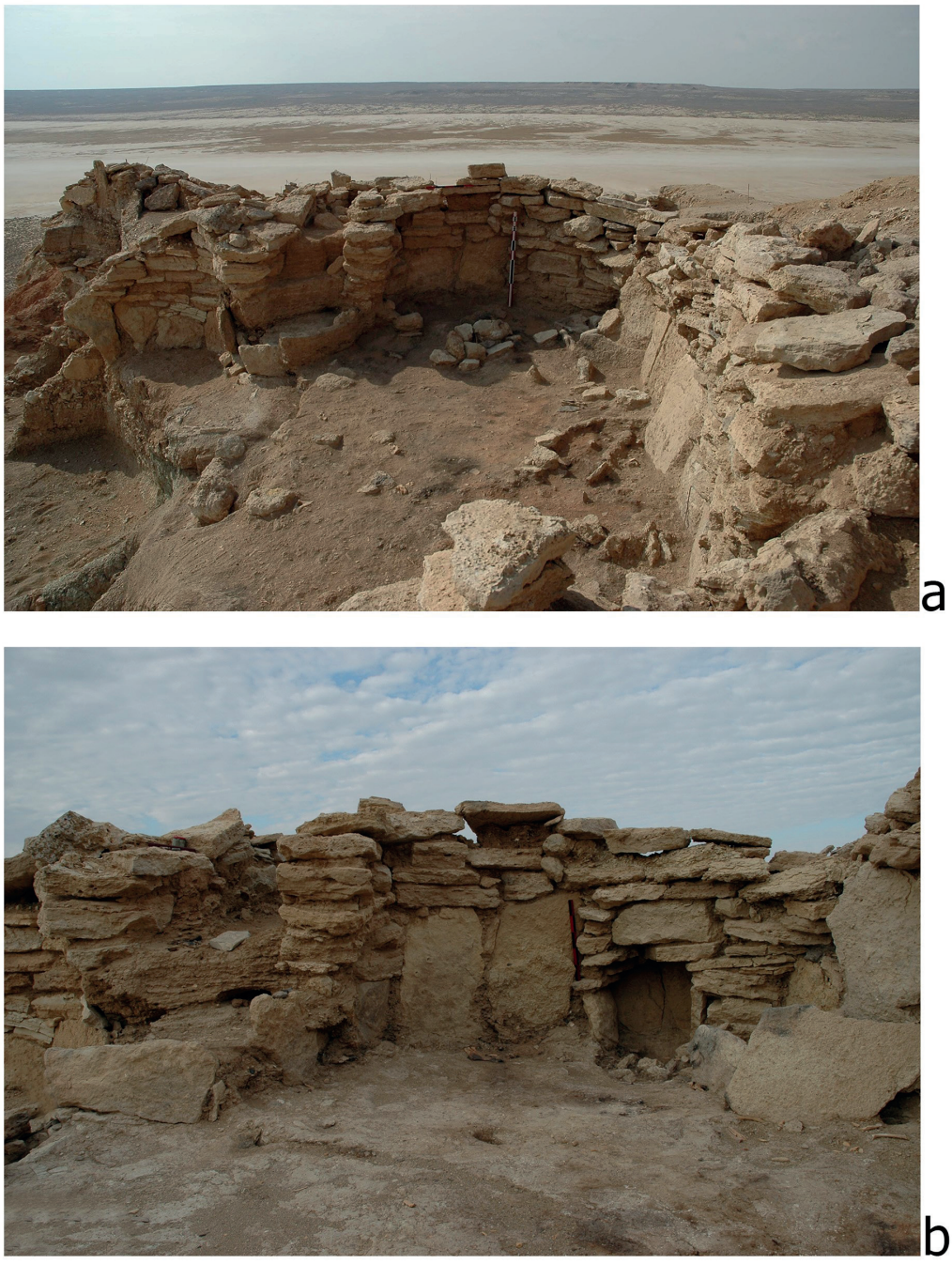


Рисунок 5. Поселение Токсанбай. Жилище № 2: a – сохранившаяся «in situ» часть стенной кладки (вид с востока); b – северо-западная стена жилища
Фото: Т.Н. Лошакова

Поселение Айтман расположено на мысовидном выступе чинка и пострадало в меньшей степени в результате природно-климатического воздействия. Расчищенные остатки каменных конструкций состоят из плит, установленных и укрепленных разнообразными способами (рис.6).

Рисунок 6. Поселение Айтман. Жилище № 1. a – сохранившаяся «in situ» часть стенной кладки (вид с востока); b – котлован жилища с фрагментами сенной конструкции (вид с юга) Фото: Т.Н. Лошакова

Жилища сооружались по тому же принципу, что был ранее описан для построек поселения Токсанбай. От формирования жилого пространства на поселении Токсанбай, поселение Айтман отличает наличие спаренных очагов. Хозяйственные ямы, иногда

довольно внушительных размеров, отмечены на обоих поселениях. Очаги со следами продолжительного воздействия больших температур и мощным слоем золы, также присутствуют на обоих объектах (рис. 7, 9). На поселениях сооружались хозяйственные ящики из вертикально установленных плит. Стыки между плитами обмазывались специальным раствором в состав которого входили глина, стебли тростника и вода из пресного водоема (Лошакова, Гаврилов, 2015) и др.). Судя по расположению столбовых отверстий, можно говорить о том, что ящики располагались как за пределами помещений, так и внутри них, как это прослеживается на поселении Токсанбай (рис.8,10). При исследовании заполнения ящиков в них были зафиксированы: остатки жертвенных туш животных (жилище №2 на поселении Токсанбай), заполнение золой и мелкими угольками отмечены в ящиках на обоих поселениях.

Рисунок 7. Поселение Токсанбай: a – очаг в жилище № 2; b – очаг в жилище №4. Фото: Т.Н. Лошакова

Рисунок 8. Поселение Токсанбай: a – хозяйственный ящик в жилище № 2; b – хозяйственный ящик в жилище №3. Фото: Т.Н. Лошакова

Рисунок 9. Поселение Айтман: a – очаг в жилище № 1; b – очаг в жилище №2. Фото: Т.Н. Лошакова

Рисунок 10. Поселение Айтман. Жилище №3. Хозяйственные ящики.

При возведении помещений учитывались климат, ландшафт, растительность, а также и обеспеченность различными строительными материалами. Например, повсеместно применялся известняк-ракушечник – камень с уникальными теплоизолирующими свойствами, имеющийся вокруг в большом количестве. Добывать и обрабатывать его не составляло больших трудозатрат. Развитые каменные домостроительные традиции, проявившиеся на поселении, были обусловлены общим уровнем хозяйственного развития населения и климатическими условия бытования.

При расчистке жилища №2, в полу, были отмечены столбовые отверстия, в которых фиксировались остатки дерева. В результате становиться известно, что, для столбов, которые поддерживали крышу, а также для элементов несущей конструкции крыши использовался саксаул, который растет в данном регионе и по сей день (Лошакова, Антонов, 2023). Кровля сооружалась из камыша, заросли которого повсюду встречаются у родников, расположенных у поселений и в настоящее время. Кроме того, тезис о применении этого материала при сооружении крыши подтверждается остатками камыша, которые фиксировались при расчистке горелого слоя на полу жилища №2 поселения Токсанбай. Кроме того, поверх горелого слоя отмечены фрагменты зольно-супесчаного образования, что дает возможность полагать в конструкции крыши наличие тонкого слоя раствора глины с примесью золы, который возможно наносился поверх камыша. Авторами предложен вариант реконструкции жилища №2 с поселения Токсанбай (Лошакова, Антонов, 2023).

Ландшафт и микротопография месторасположения поселений наглядно демонстрирует, осознанность выбора места обитания. Выбирая место для основания поселения людьми учитывалось удобное стратегическое положение с точки зрения нападения извне; наличие вблизи пресноводных источников, от которых зависела система жизнеобеспечения; возможность занятия хозяйственно-производственной деятельностью; близость охотничьих угодий и троп к водопою промысловых животных. Жилые и хозяйственные постройки поселений строились с учетом этих и других факторов, поэтому имеют такое своеобразие.

Конечно же, исследователя интересуют, прежде всего, истоки сложения домостроительных традиций региона. Сложение традиции возведения жилищ, наблюдаемой на поселениях эпохи бронзы – Токсанбай, Айтман и т. д., берут своё начало в более ранний период. Проведенные исследовании на территории Мангистау, за последние 30-40 лет, выявили целый пласт памятников различных хронологических периодов, где отмечены остатки сооружений из камня. Самыми ранними из них являются поселения неолита–энеолита с остатками каменных фундаментов-стен наземных строений каркасно-столбового типа. Стены возводились кладкой из вертикально установленных плит с продольной или радиальной ориентацией. Особый интерес представляют архитектурные приёмы, отмеченные на поселении Коскудук-2 и культовом комплексе Куйрук 1 (Астафьев, 2006; Баландина, Астафьев, 1996). Также следует принять во внимание особенности некоторых памятников с территории Евразии. В частности, из Сирии: Wadi Tumbaq 3 и Jerf el Ahmar, датируемые неолитом (Jean Guilaine, 2016), на которых способ возведения конструкций аналогичен памятникам Устюрта и Мангистау. Традиция прослеживается и в более поздний период, при сооружении поминально-погребальных комплексов ранних кочевников, средневековых построек (Самашев и др. 2011; Астафьев, Богданов, 2023), вплоть до этнографической современности (Типы традиционного …, 1981).

Подводя некоторые итоги можно говорить о том, что архитектура жилища всегда олицетворяет в себе определенную структуру которая отображает естественно-научные и инженерно-технические знания человека. Древние жители поселений Токсанбай и Атман в процессе возведения жилых строений учитывали не только человеческие и экономические ресурсы, технологические возможности, но активно приспосабливали окружающий естественный ландшафт и строительный материал находящийся в избытке

рядом с поселением. Человек отлично понимал свойства используемого материала, умел решать теплоизоляционные задачи, забутовывая пространство между стенкой котлована и каменными плитами стены. За время освоения человеком территории были выработаны оптимальные приёмы возведения построек, которые активно использовались вплоть до начала 20 века.

Список литературы

Астафьев А.Е. Поселение Коскудук I – памятник финального этапа оюклинской культуры Восточного Прикаспия // Вопросы археологии Поволжья: Вып. 4. / отв. ред. И.Н. Васильева. Самара: Научно-технический центр, 2006. С. 161-185.

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Погребально-поминальный комплекс Алтынказган (III – первая половина VI в.) / МИАК. Т. XVIII. Алматы: ИА КН МНВО РК, 2023. 384 с.

Баландина Г., Астафьев А.Е. Опыт реконструкции и интерпретации погребально-поминального комплекса эпохи поздней бронзы Актауского могильника // Вопросы археологии Западного Казахстана: сб. научн. тр. / отв. ред. В.В. Ткачев. Самара: Актюбинская областная гос. инспекция историко-культурного наследия, 1996. С. 133-155.

Ержанова А., Лошакова Т. Утюжки поселений эпохи бронзы северо-восточного Прикаспия // Вестник Казахского национального университета имени аль-Фараби. Сер. историч. 2022. №3. С.227-235. DOI: 10.26577/JH.2022.v106.i3.023

Лошакова Т.Н. История изучения памятников эпохи бронзы северо-восточного Прикаспия // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2020. № 4 (10). С. 47-69. DOI: 10.52967/akz2020.4.10.47.69

Лошакова Т.Н. Погребения на поселениях эпохи бронзы Северо-Восточного Прикаспия // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2022. № 4 (18). С. 73-83. DOI: 10.52967/akz2022.4.18.73.83

Лошакова Т.Н., Антонов М.А. Реконструкция жилища поселения Токсанбай // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2023. № 4 (22). С. 197-211.

Лошакова Т.Н., Усачук А.Н. Коллекция костяных изделий поселения Токсанбай (Северо-Восточный Прикаспий) // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2023. № 2 (20). С. 166-185. DOI: 10.52967/akz2023.2.20.166.185

Самашев З., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Североустюртский очаг культуры эпохи палеометалла. Проблемы, поиски и раскопки // Бронзовый век восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: матер.междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» (23-28 апреля 2001 г.) /отв. ред. Ю.И. Колев. Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001. С.347 352.

Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Поселение эпохи палеометалла Северо-Восточного Прикаспия // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана, 2004, Вып. 3, С. 125 153.

Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Костяные псалии с поселения Токсанбай. К вопросу комплексе колесничих населения Устюрта в эпоху бронзы // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. Вып. 1. С. 87 102.

Самашев З.С., Онгарулы А., Киясбек Г., Оралбай Е. Храм-святилище – Кызылуийк. Астана: Издательская группа ТОО Археология, 2011. 200 с.

Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Западной и Южной Азии. Коллективная монография / Отв. редактор В.В.Чебоксаров). Главная редакция восточной литературы издательства. М: «Наука», 1981. 286 с.

Шевнина И.В., Лошакова Т.Н. Некоторые итоги петрографического исследования керамики с поселения Токсанбай // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 216-222.

УДК 902.01/903

С.А. Ярыгин, С.К. Сакенов, Н.Н. Ильдеряков, А.Д. Сатубалдина

Поселение Сандыктау на карте памятников бронзового века региона*

Аннотация. Публикуются новые материалы исследования поселения эпохи бронзы Сандыктау и расположенных в его округе синхронных памятников – горных выработок и двух могильников. Материалы, полученные в результате проведенных работ, позволяют датировать памятники поздним бронзовым веком. На основании картографирования других памятников II тыс. до н.э. в бассейне рек Жабай и Саркрома. Всего учтено двадцать два объекта. Основная часть поселений тяготеет к реке Саркрома, горные выработки к сопочным массивам на левом берегу реки Жабай. Памятники Сандыктауской округи занимают северный край микрорайона. Исследованные объекты показывают период расцвета горной деятельности и его завершения в конце позднего бронзового века.

Ключевые слова: бронзовый век, Северный Казахстан, поселение, могильник, горные выработки

Аннотация. Сандықтаудың қола дәуірінің қонысы мен осы өңірінде орналасқан синхронды ескерткіштер – тау-кен қазбалары мен екі қорымды зерттеудің жаңа материалдары жарияланады. Жүргізілген жұмыстардан алынған материалдар ескерткіштерді кейінгі қола дәуіріне жатқызуға мүмкіндік береді. Басқа ескерткіштерді картаға түсіру негізінде б.д.д. II мыңжылдықтағы Жабай және Саркрома өзендерінің алабында жиырма екі объект ескерілді. Қоныстардың негізгі бөлігі Саркрома өзеніне, тау-кен қазбалары Жабай өзенінің сол жағалауындағы шоқыларға қарай тартылады. Сандықтау өңірінің ескерткіштері шағын ауданның солтүстік шетін алып жатыр. Зерттелген нысандар тау-кен жұмыстарының өркендеу кезеңін және оның кейінгі қола дәуірінің соңында аяқталуын көрсетеді.

Түйін сөздер: қола дәуірі, Солтүстік Қазақстан, қоныс, қорым, тау-кен қазбалары

В 2023 году на территории Сандыктауского района Акмолинской области проводились археологические исследования памятников бронзового века. Были осуществлены раскопки на поселении Сандыктау, могильниках Сандыктау 2 и 3 (рис.1). Проведена разведка, по результатам которой выявлены четыре горные выработки, расположенные в окрестностях поселения. По материалам «Свода памятников Акмолинской области» и разведки по рекам Жабай и Саркрома составлена карта археологических памятников эпохи бронзы в регионе (рис.2).

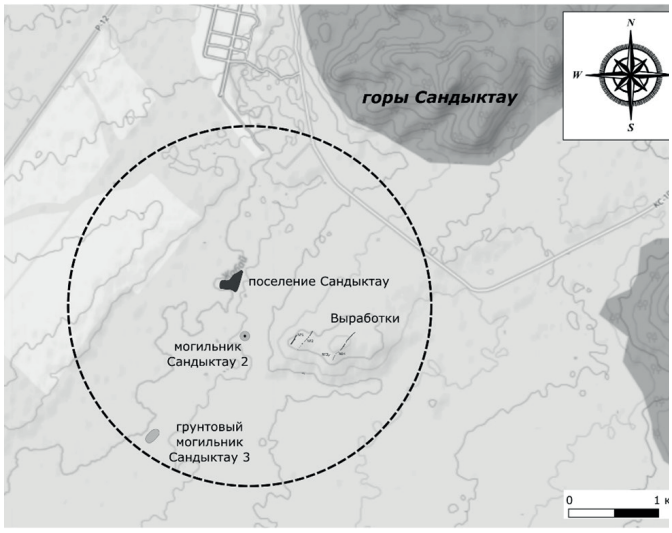


Рисунок 1. Поселение Сандыктау и памятники его округи

Поселение Сандыктау расположено в 2,2 км к югу от горной гряды Сандыктау, в 1,5 км к юго-востоку от поселка Петровка. Занимает мыс на высоком левом берегу реки Жабай. Памятник впервые открыт в 2004 году сотрудниками Кокшетауской археологической экспедиции (Свод памятников..., 2009, с. 473–488). Топографические работы на поселении позволили выявить 22 котлована

* *Публикация подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Министерства культуры и спорта Республики Казахстан по проекту BR10161381 «Взаимодействие человека и ландшафта в Северном Казахстане на начальном этапе перехода к производящей экономике»*

от бытовых и хозяйственных построек. Котлованы организованы в четыре линейные структуры ориентированные по оси северо-запад – юго-восток. Самые крупные котлованы сосредоточены в северной части поселения.

Площадь памятника 130 × 325 кв. м (рис.3). По всей площади поселения на современной поверхности встречаются многочисленные фрагменты керамических сосудов, остеологические материалы, шлаки и прочие остатки хозяйства и жизнедеятельности древнего населения. В южной части поселения был заложен раскоп 12 × 12 м, в котором на глубине 0,4 м от современной поверхности выявлены остатки теплотехнического сооружения, состоявшего из двух ям, соединяющего их канала и небольшого тамбурообразного входа. Общая длина конструкции по линии запад – восток 4,4 м. По внешним признакам и находкам в заполнении котлованов, в виде шлака, его можно сопоставить с медеплавильными печами исследованными на поселении Атасу. В южной части поселения на берегу реки Жабай обнаружены котлованы и запруды, связанные с циклом обработки и обогащения руды (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 40-43).

В результате обследования местности в 2 км к югу от основного хребта Сандыктау, в 0,9 км на восток-юго-восток от поселения обнаружены следы горнодобывающей деятельности. Четыре горные выработки в виде трех открытых разрезов и каменоломни, зафиксированы на вершине безлесной сопки (рис. 4).

1. Поселение Сандыктау; 2. Могильник Сандыктау 2; 3. Выработки Сандыктау; 4. Мо-

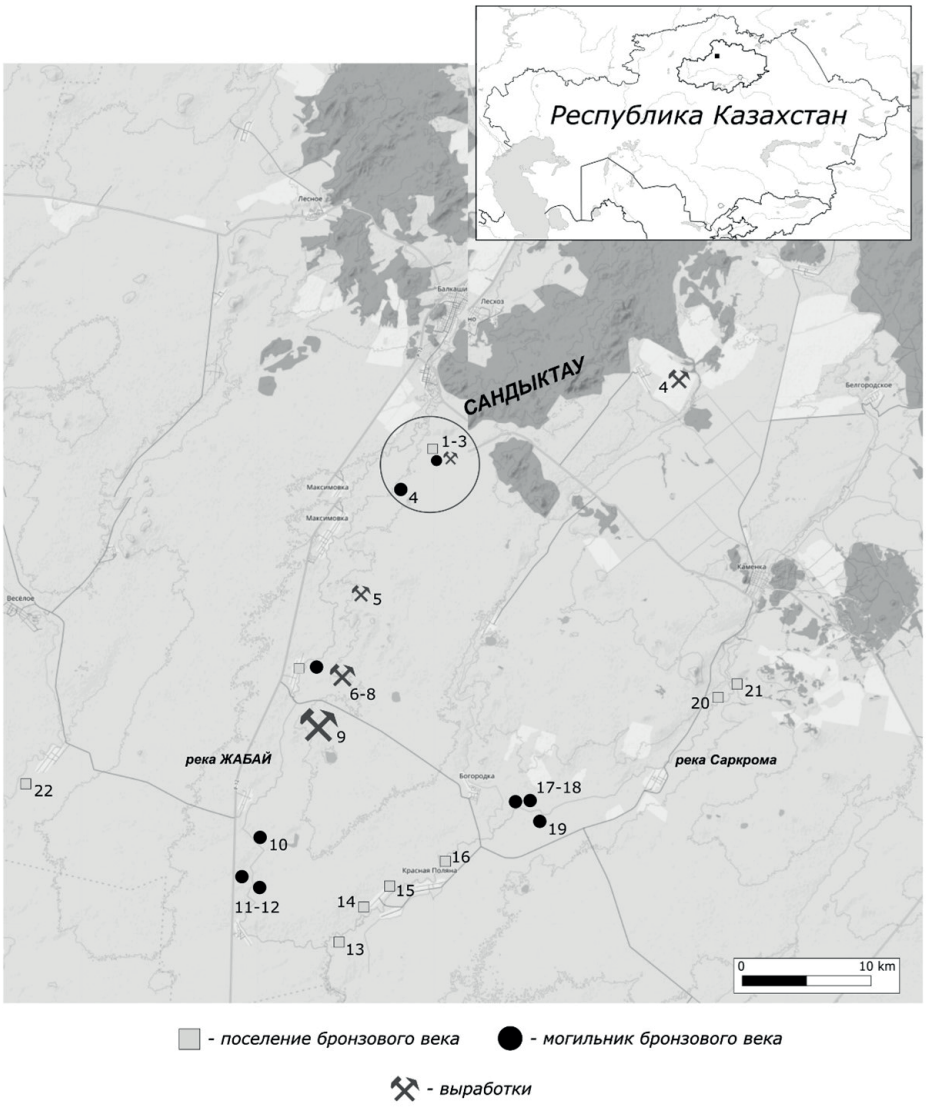


Рисунок 2. Карта памятников бронзового века:

гильник Сандыктау 3; 5. Горные выработки у Максимовки; 6. Поселение эпохи бронзы у с. Владимировка; 7. Могильник Чайка; 8. Выработки и каменоломни; 9. Выработки у с. Владимировка; 10. Могильник Новый городок 8; 11. Могильник Новый городок 6; 12. Могильник Новый городок 5; 13. Поселение Арбузинка 3; 14. Поселение Арбузинка 1; 15. Поселение Арбузинка 2; 16. Поселение Красная поляна 1; 17. Могильник Богородка 4; 18. Могильник Богородка 5; 19. Могильник Богородка 2; 20. Поселение Дорогинка 1; 21. Поселение Ключевка 2; 22. Поселение Новый городок

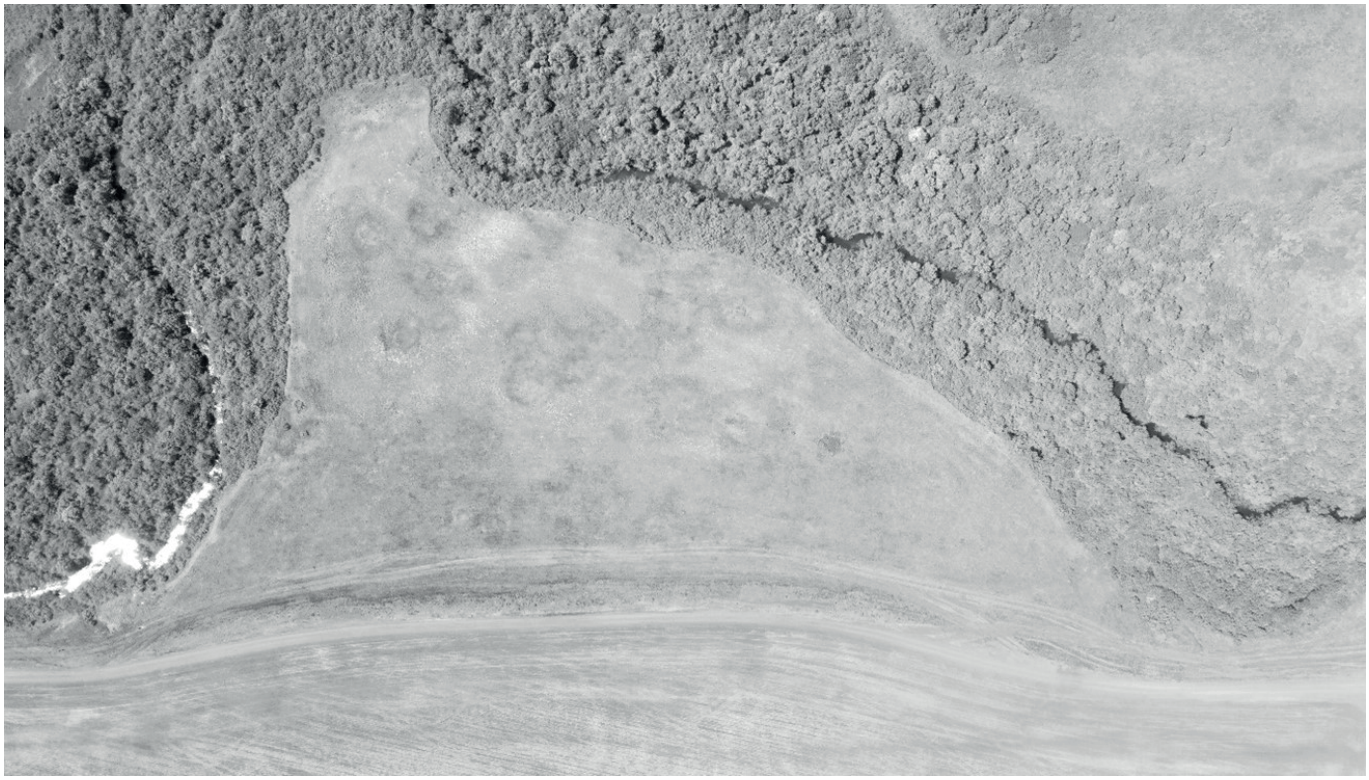


Рисунок 3. Поселение Сандыктау. Аэрофотосъемка

Каменоломня занимает первую гряду с выходами гранитных блоков на поверхности. Обнаружены следы корчевания блоков и заготовки гранитных плит.

Шурфы выработок занимают скальные вершины центральной и восточной гряд. Выработки представляют собой череду разной длины и ширины котлованов. Стенки и дно которых состоят из скальной горной породы со следами зеленой окиси и щебня. Выработка №2 расположена на хребте сопки в 1 км юго-восточнее поселения. Длина выбранного участка 275 м. По линии выработки фиксируется несколько основных котлованов связанных с добычей концентрированных участков залегания руды. Размеры самого крупного 6 × 62 м, глубина 2 м. С запада и востока идут два отвала. В центральной части котлована находится площадка заваленная отработанной породой. Выработка №3 расположена в 58 м к западу от выработки №2, длина 37 м, ширина 5 м. Выработка №4 самая крупная, длина скального выхода по которому она идет 468 м. Расположена в 1,4 км юго-восточнее поселения. Состоит из двух основных больших котлованов и более десятка меньших. Первый находится на вершине сопки, его длина 84 м, ширина 6 м. Второй в 25 метрах южнее и ниже. Его длина 77 м, ширина 7 м. Вокруг котлованов идут отвалы пустой породы шириной до 2 м, высотой порядка 1 м. Средняя глубина котлованов порядка 1 – 1,5 м. Максимальная до 2,5 м.

Рудные выработки, нахождение идентичной породы, в том числе со следами температурного воздействия и шлаков на поселении позволяют уверенно говорить, что жители поселения были вовлечены в процесс добычи и обработки металла.

В состав памятников, которые включены в общую структуру с поселением, входят два могильника. Первый, это могильник Сандыктау 2, который расположен в 500 м на юго-восток от поселения, в 300 м на восток от русла реки Жабай. Памятник находится на распаханном поле. На современный момент зафиксирована только одна сильно разрушенная конструкция, представляющая собой грунтовую насыпь диаметром 18 м, высотой 0,3 м, на которой лежали поваленные плиты. Западины которые фиксируются вокруг насыпи позволяют предположить, что на данном участке поля располагался могильник эпохи бронзы.

В результате проведенных раскопок очертания могильной ямы зафиксированы на глубине 0,9 м от современной поверхности, ее размеры составили 1,68 × 2 м. При расчистке в заполнении встречались фрагменты древесного угля и небольшие вкрапления охры (рис. 5).

Рисунок 4. Горная выработка №4: 1. Общий вид с севера; 2. Котлован №1

Рисунок 5. Погребение в разрушенной ограде могильника Сандыктау 2

Останки погребенного выступили на уровне 1,43 м от современной поверхности. Погребенный лежал в полускорченном положении, головой на восток-северо-восток, лицом на северо-запад. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в районе таза. У левой руки располагались кости животного. Над грудной частью погребенного лежал крупный фрагмент сожженного дерева. По обе стороны от черепа и вплотную к нему установлены два керамических сосуда устьем наверх. Третий сосуд поставлен в районе согнутых коленей погребенного. Данный сосуд отличало наличие квадратного устья. Сосуды из погребения по внешнему виду и типу орнаментации аналогичны фрагментам сосудов, зафиксированным на поселении Сандыктау, из чего можно сделать вывод о синхронности могильника и ряда жилищных конструкций на поселении.

Второй могильник грунтовый, расположен на первой террасе левого коренного берега реки Жабай, в 2 км к югу от поселения Сандыктау. Обнаружен в процессе опроса местного населения, на территории действующей машинотракторной мастерской. Рекогносцировочные археологические работы на территории базы позволили выявить два грунтовых погребения. Раскоп заложен вдоль края берега, при его расчистке обнаружены два грунтовых погребения. Погребения совершены в прямоугольных могильных ямах, глубиной не более 0,7 м. Обряд погребения ингумация, в скорченном положении головой

на юго-запад. Зафиксировано положение погребенных на левом и правом боках (рис. 6). Сопроводительный инвентарь представлен бронзовыми украшениями и керамическими сосудами. Судя по имеющимся данным могильник, датируется периодом позднего бронзового века.

Хронологическая последовательность памятников выглядит следующим образом. На первом этапе, рядом с выходами руды, на берегу реки Жабай возникает поселение. С основным этапом его функционирования связан грунтовый могильник Сандыктау 3. На последнем этапе существования поселения, очевидно, когда выработки были полностью отработаны в непосредственной близости от поселения, возникает могильник Сандыктау 2.

Исследованные в 2023 году объекты обладают внутренней структурной связью показывая освоение древними коллективами локальной территории. При этом они являются частью отдельного археологического микрорайона, который можно выделить на основании картографирования памятников эпохи бронзы по течению рек Жабай и Саркрома. Он обладает всеми необходимыми характеристиками – ограничен по площади, имеет определенные геоморфологические и микроландшафтные границы, благоприятную экологическую нишу. Важную роль играет близость ресурсной базы, в том числе наличие рудников (Русланов, 2016, с. 23–34). Центральное место в микрорайоне Жабай – Саркрома занимают рудные выработки в районе села Владимировка, а основные поселенческие объекты тяготеют к реке Жабай и ее притоку.

Рисунок 6. Два погребения в грунтовом могильнике Сандыктау 3

Интересно отметить, что поселения и могильники последовательно группируются. В районе впадения реки Саркрома в реку Жабай расположена группа из трех могильников, в нижнем течении реки Саркрома находятся четыре поселения, в районе села Богородка и месте впадения притока, расположена группа из трех могильников, а выше по течению реки, ближе к каменскому лесному массиву находится два поселения (Рис. 2). Детальное исследование памятников, определение их хронологии и культурной принадлежности позволит сформировать более точную картину освоения региона в эпоху бронзы.

Список литературы

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сарыарки (по материалам Северной Бетпакдалы). Алматы: Наука, 1992.

Русланов Е.В. Роль месторождений и рудопроявлений меди в формировании Береговского археологического микрорайона эпохи бронзы (Башкирское Приуралье) // Известия Иркутского государственного университета. 2016. Т. 15. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». С. 23–34.

Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область / отв. ред. В.Ф. Зайберт, Г.М. Камалова. Алматы: Аруна, 200

УДК: 03.41.00

С.К. Сакенов, Н.Н. Ильдеряков, С.А. Ярыгин, Н.С. Лапин, А.Д. Сатубалдина

Границы мира живых и мертвых на примере соотношения поселения и могильника Сандыктау *

Аннотация. Работа посвящена вопросу пространственного расположения памятников поселенческого и погребального типов бронзового века на основе наблюдений, произведенных в ходе археологических раскопок на поселении Сандыктау и одноименных могильниках под номерами 2 и 3. Для составления обобщения, логичного и структурированного вывода были привлечены материалы топографических данных, анализ окружающей гидрографической сети и элементы ближайших хозяйственных объектов бронзового века. По результатам проведенной работы выявлена обратная зависимость удаления типа памятников от водных источников и выдвинуто предположение об их линейном чередовании.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, бронзовый век, пространственное соотношение, поселение, грунтовый могильник, топография, гидрография.

Аннотация. Мақала Сандықтау қонысындағы археологиялық қазба жұмыстары мен 2 және 3 нөмірлері аттас жерлеу орындарындағы бақылаулар негізінде қола дәуірінің қоныстану және жерлеу түрлері ескерткіштерінің кеңістікте орналасуы мәселесіне арналған. Жалпылау, логикалық және құрылымдық қорытынды жасау үшін топографиялық мәліметтер материалдары, қоршаған гидрографиялық желіні талдау және қола дәуіріндегі жақын шаруашылық объектілерінің элементтері тартылды. Жүргізілген жұмыстың нәтижелері бойынша ескерткіштердің түрін су көздеріне кері тәуелділік анықталды және олардың сызықтық ауысуы туралы болжам жасалды.

Түйін сөздер: Орталық Қазақстан, қола дәуірі, кеңістіктік арақатынас, қоныс, топырақ қорымы, топография, гидрография.

В процессе проведения археологических исследований комплекса памятников бронзового века в Сандыктауском районе Акмолинской области получена разнообразная информация, на основе которой составлена база данных, позволяющая обратиться к вопросу пространственного положения жилого и погребального типов памятников. Привлечены материалы, полученные в 2023 г. на поселении Сандыктау, могильнике Сандыктау 2, грунтовом могильнике Сандыктау 3, а также на горных выработок бронзового века на левобережье реки Жабай (рис. 1).

Памятники находятся на краю Казахского мелкосопочника. Район представляет собой равнину, на которой с севера на юг вытянуты ряды параллельных хребтов, основные из них Сандыктау и Жаксы-Тукты. Река Жабай, являющаяся правым притоком Ишима, берет свой исток в горах Зеренды, окружающая территория которых насыщена памятниками бронзового века.

Несмотря на схожесть природных и геологических характеристик, в Сандыктауском районе археологические исследования памятников бронзового века практически не проводились. История исследования ограничена изучением сотрудниками Кокшетауского краеведческого общества в 1927 г. нескольких «могил, лежащих между селами Викторовка и Лосевка…», и каменной ограды могильника Чайка 1 (Свод памятников истории…, 2009; Кисленко, 1992).

***** *Публикация подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Министерства культуры и спорта Республики Казахстан по проекту BR10161381 «Взаимодействие человека и ландшафта в Северном Казахстане на начальном этапе перехода к производящей экономике».*

Поселение Сандыктау было обнаружено в 2004 г. разведочным отрядом под руководством В.Ф. Зайберта, остальные памятники, предложенные к рассмотрению, были открыты авторами настоящей работы (Зайберт, 2004). На поселении изучена жилищная впадина, интерпретируемая как производственная площадка со сложной печью. На могильнике Сандыктау 3, помимо аварийного разрушенного погребения, были исследованы три грунтовых погребения, а на могильнике Сандыктау 2 – аварийное погребение с надмогильным сооружением, основательно поврежденным в результате современной хозяйственной деятельности.

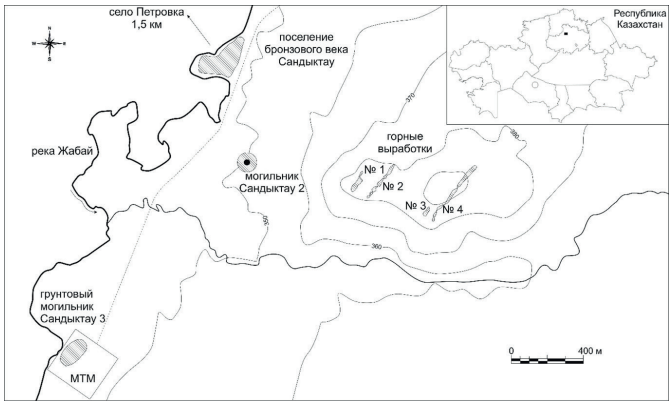


Рисунок 1. Схема расположения исследуемых памятников

Относительно вопросов хронологического соотношения рассматриваемых памятников исследования продолжаются, однако уже по предварительным результатам можно предполагать, что памятники относятся к позднему периоду бронзового века и разнятся в пределах не более полувека. Несмотря на недостаточность информации для полноценного анализа предложенного к рассмотрению вопроса, полученный материал позволяет провести предварительный разбор, формируемый преимущественно на основе топографических наблюдений, а также данных о предполагаемом хозяйственном укладе населения исследуемого комплекса.

Памятником поселенческого типа, относимым к миру живых, является поселение Сандыктау, расположенное в 1,5 км юго-восточнее села Петровка.

Относительно основного водного источника отметим, что поселение расположено на первой невысокой надпойменной террасе и частично в заливной пойме реки по западному краю поселения. Надпойменная терраса переходит в пойму плавно, образуя задернованный склон с перепадом высот в пределах 0,5–1,2 м по береговой линии. Вся пойма реки заросла густым кустарником. На участках самого большого перепада высот, в северо-западной и юго-западной частях поселения, склоны менее задернованы и местами образуют невысокие овраги.

На поселении зафиксированы 22 котлована, некогда выкопанных для бытовых и хозяйственных построек. Котлованы организованы в четыре линейные структуры, ориентированные по оси северо-запад – юго-восток. Самые крупные из них сосредоточены в северной части поселения. В южной части могильника, максимально близкого к реке, выявлены котлованы с дополнительными перегородками. Расстояние от границ поселения до современного уреза воды составляет от 5 до 90 м, и оба значения зафиксированы в юго-западной части поселения, в месте изгиба реки. Высота береговой линии в пределах поселения варьируется от 0,7 м в западной части до 1,5 м от поверхности реки в северо-западной и юго-западной частях поселения.

Размеры памятника по визуально выявляемым элементам равны 325 м по линии юго-запад – северо-восток и от 50 до 130 м по линии северо-запад – юго-восток, расширяясь в юго-западную сторону. Северный и южный края поселения ограничены мысами, а восточный – неглубоким широким логом шириной до 40 м к южной части поселения, где переходит в сложную систему оврагов берега реки.

Еще одним важным наблюдением является наличие отходящего в восточном направлении от поселения пересохшего старого русла одного из рукавов левого паводкового притока. Ныне устье основного рукава паводкового притока расположено в 800 м южнее поселения.

Памятниками погребального типа, относящимся к миру мертвых, являются могильник Сандыктау 2 и грунтовый могильник Сандыктау 3.

Могильник Сандыктау 2 расположен в 500 м на юго-восток от поселения, в 300 м на восток от русла реки Жабай и в 400 м на запад от ближайшего сопочного возвышения с горными выработками. Естественного природного барьера между могильником и поселением не выявлено, однако в процессе осмотра левого берега реки Жабай было обнаружено большое количество переотложенных в результате современной хозяйственной деятельности гранитных плит, собранных с пахотного поля, занимающего все пространство от поселения до древних горных выработок. Подобные гранитные плиты были выявлены и в процессе аварийных раскопок могильника, но большое их количество и удаленность от исследуемого погребения позволяют предположить, что переотложенные гранитные плиты могли выполнять функцию искусственной границы – барьера между поселением и могильником.

Относительно окружающих водных источников, включая паводковые притоки, отметим, что могильник расположен приблизительно на равном удалении от них – от 380 до 500 м. От древних горных выработок могильник размещен на расстоянии 550 м.

Могильник Сандыктау 3 находится на первой высокой террасе левого берега реки Жабай, в 1700 м к южнее поселения Сандыктау и в 800 м южнее основного рукава повадкового правого притока реки. Высота берега на участке расположения грунтового могильника относительно поверхности реки порядка 3,5 м. Удаление от современного уреза воды реки Жабай не превышает 20 м, но само выявление грунтового могильника было вызвано ежегодным обрушением высокой береговой линии, и это позволяет утверждать, что в древности русло реки проходило значительно дальше – порядка 250 м, согласно результатам анализа топографических карт и спутниковых снимков. Третий ближайший водный источник расположен в 550 м южнее и представлен руслом пересыхающего паводкового правого притока реки.

Для более детального анализа пространственного соотношения памятников следует рассмотреть и топографическое расположение древних горных выработок, выявленных вблизи рассматриваемых памятников.

Четыре горные выработки в виде трех открытых разрезов и каменоломни зафиксированы на вершине безлесной сопки размерами порядка 0,64 × 1,4 км, расположенной в 2 км к югу от основного хребта Сандыктау, в 0,9 км на востоко-юго-восток от мыса с поселением. С восточной и южной стороны ограничена пересыхающим ручьем, впадающим в реку Жабай. К западу и северу впритык к подножию сопки подходят современные поля. Имеет три параллельные гряды, ориентированные по оси северо-северо-восток – юго-юго-запад.

Каменоломня занимает первую гряду с выходами гранитных блоков на поверхность. Обнаружены следы корчевания блоков, заготовки гранитных плит, которые, вероятно, использовались для устройства оград на могильнике Сандыктау 2.

Вопрос соотношения поселений и могильников бронзового достаточно хорошо разработан по материалам Южного Зауралья и Восточной Европы (Алаева, 2015; Костылева, Уткин, 2014, с. 179–183). Отмечено, в частности, что поселения возводились в непосредственной близости к водному источнику, ввиду чего ряд поселений со временем оказывались разрушенными рекой. Довольно часто рядом с поселениями фиксируются и выраженные холмы, которые, помимо доступа к руде и защите от ветра, могли нести и более глубокую оградительную нагрузку.

Во многих комплексах памятников отмечено существование естественной природной преграды, разделяющей поселение и могильники, что отнесено к одному из преобладающих признаков в закономерности расположения памятников эпохи бронзового века.

Касательно планиграфических наблюдений в рамках рассматриваемых памятников Сандыктау можно сразу обозначить наличие естественного природного барьера в виде

пересыхающего паводкового ручья между поселением и грунтовым могильником. Между поселением и курганным могильником Сандыктау 2 естественного барьера не наблюдается, однако можно предположить, что часть переотложенных в результате современной хозяйственной деятельности крупных гранитных плит, выявленных на краю пахотного поля, могла относиться к искусственной ограде, разделяющей мир живых и мертвых.

При более детальном рассмотрении вопроса соотношения пространственного положения памятников следует обратить внимание не только на планиграфическую характеристику, позволяющую отметить естественные природные разделительные барьеры, но и на уровень положения объектов относительно как друг друга, так и основного водного источника. Анализ уровня положения памятников относительно основного водного источника позволяет отметить закономерность более высокого расположения погребального типа памятников сравнительно поселения. При этом даже близость грунтового могильника к водному источнику была компенсирована предпочтением высокого коренного берега реки.

Привлечение информации о горных выработках позволило выявить еще одну закономерность пространственного размещения различных типов памятников. Так, могильник Сандыктау 2 расположен равноудаленно от поселения и древних горных выработок, а могильник Сандыктау 3 находится на пути к следующему значительному скоплению памятников бронзового века – в районе крупного левого притока Саркрома.

Проведенные наблюдения позволяют отметить закономерность в соотношении памятников, относимых к миру живых и к миру мертвых, к водным источникам. Если поселение построено предельно близко к воде, то могильники старались расположить максимально удаленно от любого водотока. Дистанция погребений от воды могла носить как планиграфический, так и высотный характер, но стремления сооружения погребений на доминирующих возвышенностях, характерного для последующих эпох, не отмечено. Вероятно, последнее связано с принципом хозяйственного уклада, где большую роль играла добыча руды, выходы которой чаще всего расположены на взгорьях, что наглядно показывают результаты проведенных исследований.

Для более объективного анализа и уточнения темы соотношения границы живых и мертвых следует учитывать вопросы социального статуса погребенных, возрастную дифференциацию, отмеченную в детских сепаратных могильниках бронзового века, и другие факторы. Более объективный подход требует бóльшего числа материала, но и предлагаемый разбор пространственного соотношения группы памятников позволяет обозначить проблемы и дать ориентиры для их углублённого изучения, а в дальнейшем и их разрешения.

Список литературы

Алаева И.П. Культурная специфика памятников позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья: Автореф. … канд. ист. наук. М., 2015. 23 с.

Зайберт В.Ф. Разведочные работы в акварии рек Ишим, Жабай, Иман-Бурлук, Акан-Бурлук в пределах Кокшетауского мелкосопочника // Отчет. Научно-исследовательские и охранные работы КАЭ на поселении Ботай и памятниках ботайской культуры. Кокшетау, 2004.

Кисленко А.М. Разведочные работы в Балкашинском районе // Отчет. Археологические исследования в Северном Казахстане в 1991 году. Петропавловск, 1992. С. 34.

Костылева Е.Л., Уткин А.В. Проблема пространственно-хронологического соотношения поселений и могильников волосовской культуры (по материалам поселений Сахтыш II, IIA и VIII) // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н. э. Материалы международной конференции… СПб.: Периферия, 2014. С. 179–183.

Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область / Отв. ред. В.Ф. Зайберт, Г.М. Камалова. Алматы: Аруна, 2009. 568 с.

УДК 902/908

М.К. Хабдулина

Планировочная структура и архитектурные особенности жилищ городища Бозок*

Аннотация. Дана характеристика жилищ земляночного типа, исследованных на городище Бозок. Анализ находок, радиоуглеродная дата, особенности планировочной структуры показывают сходство с жилищами средневековых городов юга Казахстана и датируют жилые усадьбы городища Бозок X-XII вв. Полевые наблюдения за архитектурой, технологией строительства имеют аналогии в жилищах золотоордынских городов. В статье приведены результаты многостороннего комплексного анализа средневекового зодчества Степи.

Ключевые слова. Бозок, городище, жилище, архитектура, конструкция, земляночный тип, интерьер, суфы, камины

Аннотация. Бозоқ қонысында зерттелген жер асты типті тұрғын үйлердің сипаттамасы берілген. Табылған заттардың талдауы, радиокөміртекті датасы, жоспарлау құрылымының ерекшеліктері Қазақстанның оңтүстігіндегі ортағасырлық қалалардың тұрғын үйлерімен ұқсастықты көрсетеді және Бозоқ қалашығының X-XII ғасырларға жататын тұрғын үй кешендерін көрсетеді. Сәулет және құрылыс технологиясының далалық бақылаулары Алтын Орда қалаларының тұрғын үйлерінде ұқсастықтарға ие. Мақалада даланың ортағасырлық сәулет өнерін көпжақты кешенді талдаудың нәтижелері берілген.

Түйін сөздер: Бозоқ, көне қоныс, тұрғын үй, сәулет, құрылыс, жер асты түрі, интерьер, суфа, каминдер

За шесть полевых сезонов (2000-2005 гг.) на территории городища Бозок исследованы три многокамерных жилища земляночного типа. Они расположены компактно и представляют структуру жилищ эпохи Кипчакского ханства X-XII вв. (Акишев, Варфоломеев, 2008) Два жилища (№1, 3) расположены в одну линию вдоль береговой кромки озера. Выходы обращены в сторону озера. Третье жилище развернуто перпендикулярно к ним, имеет выход на север (рис.1).

Расстояние между котлованами домов 4–5 м. Глубина котлованов 1,5–1,7 м от уровня древней поверхности. Котлованы жилищ заполнены глиной, верхняя часть стенок обрушена. Определить контуры помещений удавалось только в придонной части. Помещения землянок были выкопаны не одновременно, они пристраивались друг к другу. Об этом свидетельствуют стратиграфия развалов стен, состоящая из светлой глины, перемежающейся двумя-тремя слоями серой супеси, и различия в размерах и глубине комнат.

Погребенная почва сохранилась под развалом стен. По ее ширине можно реконструировать толщину стен, возведенных вокруг жилищ. Было установлено, что уже при копке землянок строители оставляли межстенные перегородки комнат из материка. В жилище №1 их верх фиксировался на современной поверхности котлована. Толщина таких стен равнялась 0,8–2 м.

Жилища различаются по планировке. Жилище №1 относится к типу однорядно-гребенчатых. Жилища №2 и 3 однорядные, с угловым входом. Самым крупным является жилище №1 площадью более 100 кв. м. Размеры его 25,2 × 3,9–4,2 м, ориентировано по линии СЗ – ЮВ. Жилище состоит из четырех помещений. Вход расположен посередине юго-западной стенки и упирается в мощную межстенную перегородку, разделяющую жилище

*****Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR18574223 «Северный Казахстан в контексте культурно – исторических процессов: от эпохи камня до этнографической современности».

на две равные части: северную – хозяйственную и южную, состоящую из трех жилых комнат (рис. 1). Вдоль трех комнат тянется узкий коридор шириной 0,6–0,8 м. Полезная площадь помещений с вычетом коридора от 9,2 до 13,4 кв. м. На полу хозяйственного помещения (10 × 3,5 м) было зафиксировано несколько неглубоких ямок, расчищен кусок деревянной плахи. Следов прокала, кострищ, очагов не обнаружено. Вероятно, эта часть дома имела хозяйственное назначение.

Жилище № 2 развернуто перпендикулярно к жилищу №1. Его размеры 7,5 × 3,5 м. Общая площадь 26,3 кв. м. Оно состоит из двух комнат, перепад уровня пола составляет 0,3 м. Вход пристроен к северному углу. Площадь комнат 9,6 и 11,6 кв. м, они объединены узким проходом шириной 0,6 м. В трех углах северного помещения расчищены пристенные камины.

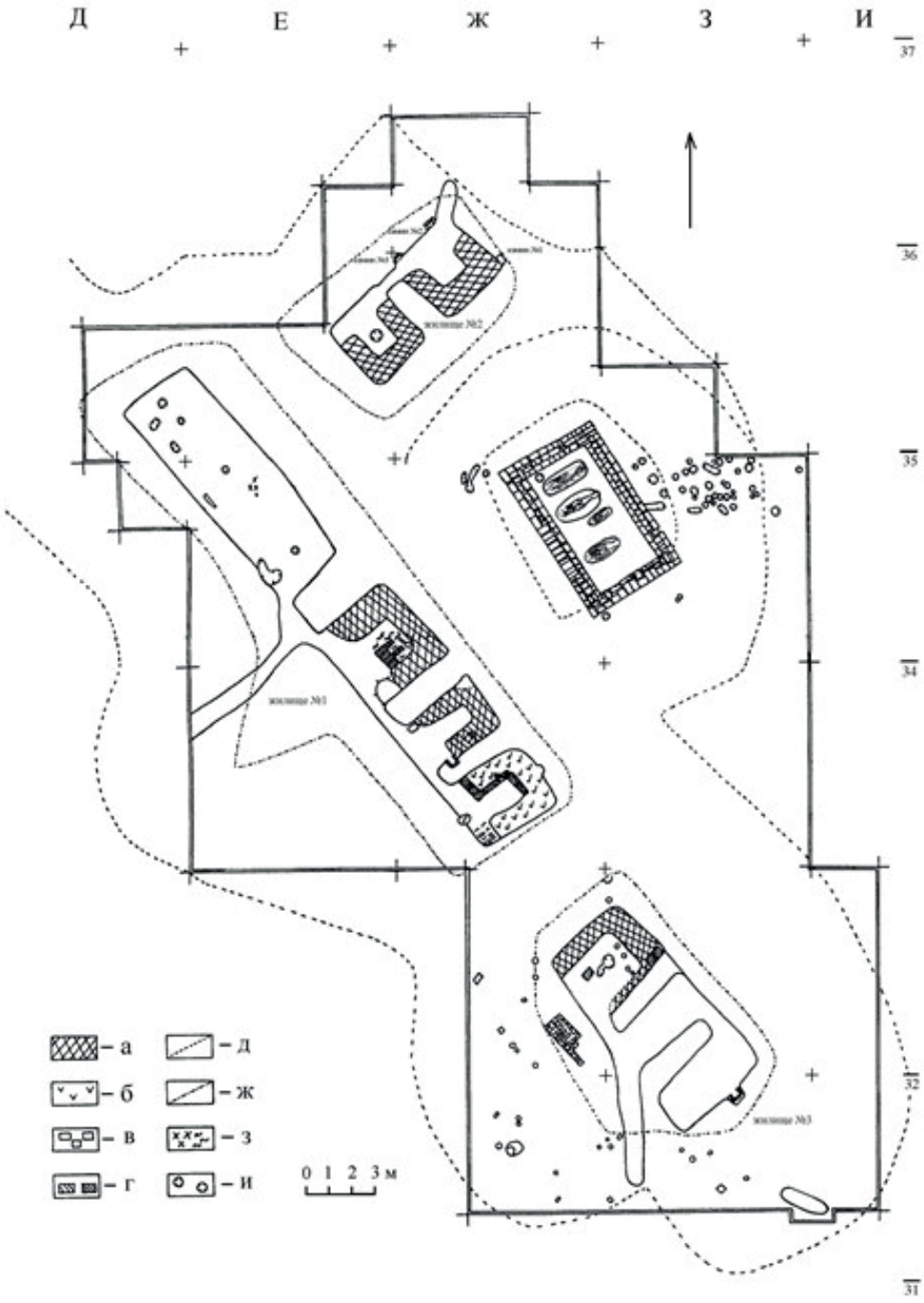


Рисунок 1. Городище Бозок. Раскоп 4. План жилищ, раскоп 4

Жилище № 3 вытянуто вдоль берега и расположено южнее жилища №1, состоит из трех помещений, разделенных двумя массивами глиняных стен (рис. 2). Размеры жилища 9,7 × 4–5 м. Площадь комнат 8,6–13,5 кв. м. Вход в жилище примыкает к углу средней комнаты, которая, судя по отсутствию очагов, выполняла функции «вестибюля» или хозяйственного отсека. В углу ее было найдено скопление керамики и кости животных. Пол среднего помещения выше пола соседних комнат. Среднее помещение является композиционным центром жилища № 3. Такая планировка известна по материалам русских жилищ лесостепной полосы Западной Сибири, где она называется «связкой» (жилые комнаты с двух сторон теплых сеней). В казахском традиционном жилище называлась қоржын уй (Вострова, Захарова, 1989, с. 94-95).

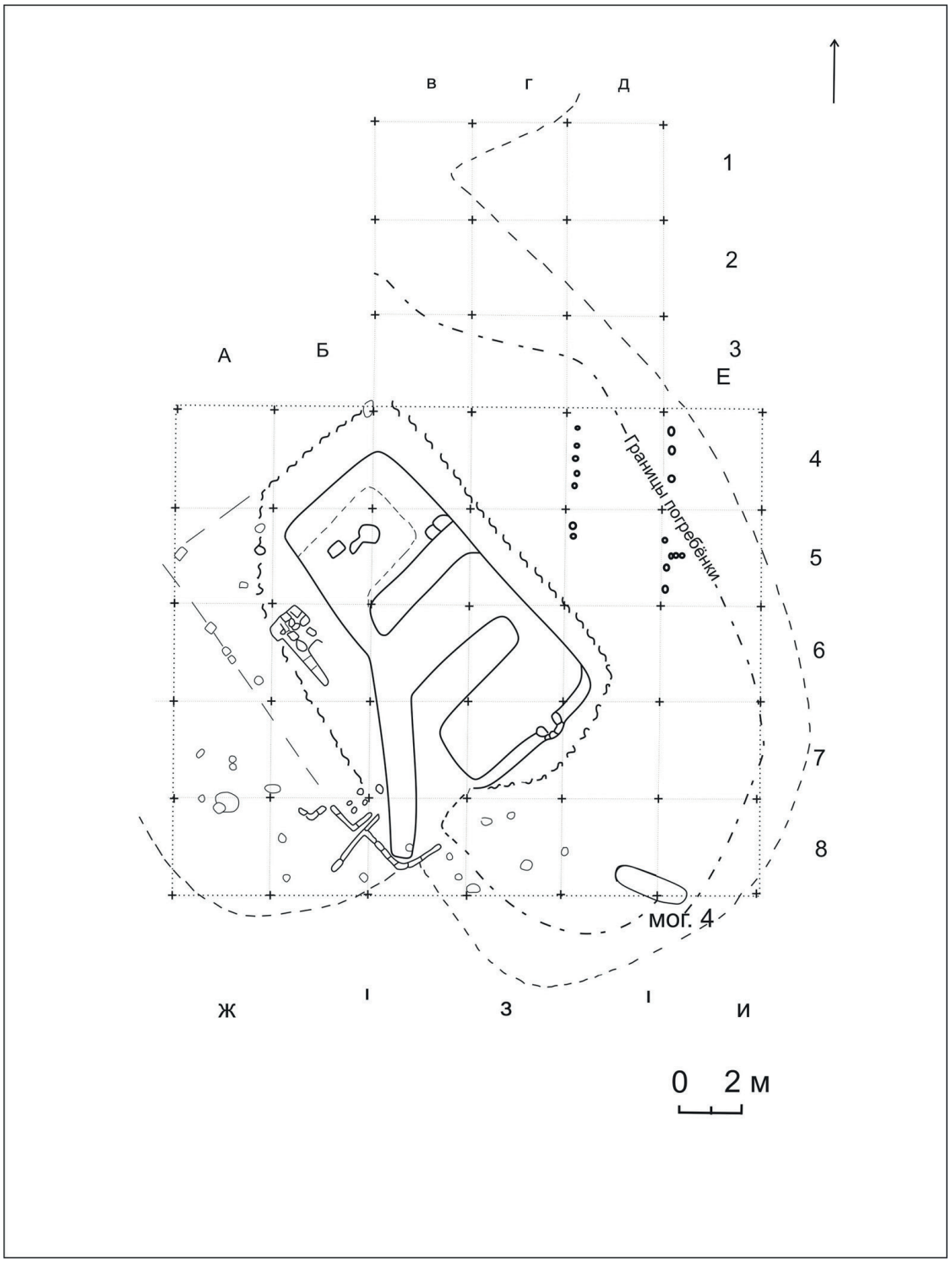


Рисунок 2. Городище Бозок. План раскопа жилища №3

Планировка комнат отражает процесс строительства. Видно, что южное помещение самое изолированное, отгороженное от остальной части дома массивом стены-перегородки, было пристроено позднее. Попасть в эту комнату можно только через узкий проход, оставленный в противоположном от входа углу. Проход имеет ширину 0,7 м и ступеньку вниз высотой 15 см. Уровень пола южной комнаты на 10–20 см ниже, чем в остальных помещениях дома. Пол неровный, притоптанный. В этой комнате не было суфы. В массиве внешней стены устроен камин. Выборка дна помещения была затруднена обилием костей животных и фрагментов керамики. Их плотное расположение при входе в помещение создает впечатление специальной вымостки вдоль северо-восточной торцовой стенки. Судя по заполнению, эта комната служила кухней (рис. 3).

Рисунок 3. Городище Бозок. Жилище №3, южное помещение.

Одинаковым является интерьер жилищ. Вдоль стен жилых комнат расчищены П-образные суфы высотой 15–30 см, шириной 0,8–1,0 м. Они оставлены в материке. Лишь в южном помещении жилища № 1 суфа была сбита из глины, и края ее были обложены

обожженным и сырцовым кирпичом. Данный факт свидетельствует о более позднем сооружении этой комнаты.

На поверхности суф фиксировались ямки, заполненные золой и прикрытые обожженным кирпичом. Размеры ямок 0,45 × 0,3 × 0,05 м. В жилище № 3 на суфе лежали два квадратных кирпича из светлой глины. Эти ямки служили как обогревательные устройства. В них хранили жар и использовали для переносных очагов типа сандали – прием, известный в традиционном жилище Средней Азии и Казахстана от эпохи бронзы до Нового времени (Кызласов, 2008, с. 104; Писарчик, 1982, с. 94).

В стенках выше суф фиксируются небольшие нишки глубиной 10 см. В жилище № 1 стены комнат оштукатурены черным илистым грунтом толщиной 1–2 см. Готовили раствор для штукатурки из озерного ила, это хорошо видно по мелким раковинам моллюсков. Полы в комнатах притоптаны смесью золы и глины толщиной 4–5 см.

В жилищах расчищены очаги трех типов: пристенные камины, круглые углубления на полу и печь из сырцовых и жженых кирпичей. Пристенные камины открыты в каждом жилище: в жилище №2 – три камина, два – в жилище №1 и один в жилище № 3. Они устроены в толще материковых стен, у входа, в простенке между помещениями (рис. 4).

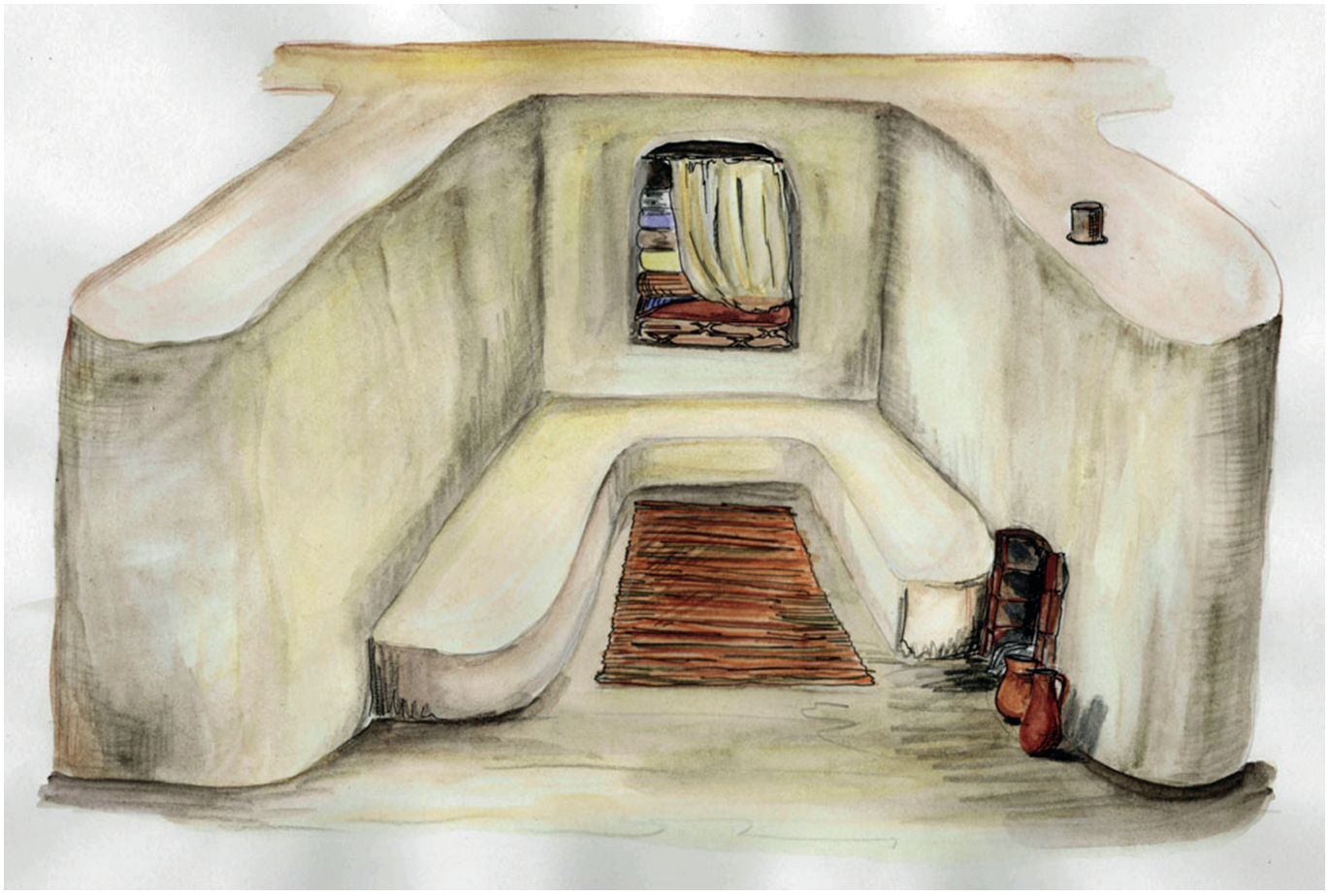


Рисунок 4. Городище Бозок. Реконструкция интерьера жилищ. Автор В.С. Меденко

Расположение каминов, их устройство свидетельствуют об использовании их для обогрева и приготовления пищи. Последнее касается камина, обнаруженного в стене помещения 3 жилища №3 (рис. 4). Глубина камина в стене 0,4 м, ширина 0,6 м, высота устья 0,4 м. Камин был построен из вертикально поставленных кирпичей, укрепленных по бокам кирпичами, уложенными плашмя. Полость камина заполнена золой и костями животных. Перед устьем была выкопана ямка глубиной 20 см. Она была заполнена ошла-

кованными комочками глины и пережженными костями. Рядом с устьем камина лежали два обожженных квадратных кирпича. Данный камин использовался для приготовления пищи. Об этом свидетельствует сферическая форма, горизонтально уложенные кирпичи, служившие подставками. Найденные рядом с камином кирпичи выполняли роль заслонок.

Камины жилищ № 1, 2 имели сводчатую форму и округлое основание. Устья их укреплены обожженными квадратными кирпичами. Полость каминов вдавалась в стену на 0,3 м, высота и ширина равна 0,4 м. Внутри каминов зола, фрагменты керамики, перед топкой вырыты жаровые ямки. Один из каминов жилища №2 находился в углу северной комнаты на суфе (рис. 5). Над стенкой виден был вертикальный столб гари, который показывает наличие узкого дымохода, своеобразной «трубы» для вывода дыма из жилища. Видимо, на стыке угловых граней делали вертикальные выемки на высоту комнаты. По ним дым выходил наружу. Такую конструкцию можно было делать и на поверхности плоских материковых стен, однако нам не удалось их проследить из-за мощного завала глиной котлованов жилищ. Стеновые камины известны в архитектуре средневековых жилищ Южного Казахстана и Средней Азии (Байпаков, 1986, с. 83). Функционально они предшествовали тандырам, появившимся в X в., и, как пишут исследователи, могли использоваться для выпечки хлеба (Байпаков, 1986, с. 149).

Рисунок 5. Городище Бозок. Жилище №2, помещение 2

Кроме пристенных каминов, в каждом доме расчищены остатки открытых очагов в виде небольших углублений диаметром 0,4–0,5 м, заполненных золой, обожженными комочками глины. Рядом с такими очагами в небольших ямках найдено скопление мелких костей, рыбья чешуя, позвонки.

В помещении 1 жилища №1 у суфы расчищены остатки печи прямоугольной формы. Размеры ее по нижнему слою кирпичей 0,9 × 0,8 м. Печь была сложена из плохо обожженного черного кирпича. Удалось проследить только нижний ярус кладки печи. При ее кладке использовался кирпич стандарта 27 × 27 × 7 см, 26 × 24 × 4 см. Над печью было нагромождение кирпича красного цвета от дымохода, рухнувшего при разрушении жилища. Перед печью лежал кусок тростниковой циновки. Эта печь, расположенная в первой от входа комнате, вполне могла обогревать все жилые помещения дома №1. Кроме нее, в каждой следующей комнате был свой камин.

Входы в жилища узкие, тамбурообразные, начинаются за пределами жилищ. Они различаются по конструкции и планировке. Жилище №1 имеет длинный (15 м) вход, примыкающий к середине дома (рис. 1). Раскопом исследованы 6 м, примыкающие к котловану жилища. Вход в виде пандуса шириной 0,6–0,7 м наклонно спускается в жилище. Коридор был проложен через массив глиняной стены дома, и, вероятно, стены его были укреплены деревом. На расстоянии 4 м от входа на полу коридора расчищены две пары ямок с остатками деревянных столбов от входного проема.

Жилища №2 и 3 имеют угловые входы. В жилище №3 после пристройки южного помещения вход оказался скользящим вдоль торцовой стенки и спускался к среднему помещению дома (рис. 2).

Конструкция угловых входов больше подходит к типу внутренних крутых лестниц. Например, вход в жилище №2 длиной 1,6 м, шириной 0,5 м круто спускается ко дну северного помещения, глубина которого 1,7 м. В месте соединения коридора с жилищем расположены два мощных столба диаметром 0,3 м, возможно, от дверной конструкции.

Вход в жилище № 3 тянется с юга на север в виде коридора длиной 5 м, шириной 0,7–1,5 м. Южный конец коридора на 2 м выступает за пределы котлована жилища. Вдоль его стенок снаружи фиксируется ряд ямок. Вход в продольном разрезе наружной части имеет довольно крутой спуск на дно жилища. На расстояние 2 м высота уклона равна 1,1 м. При таких параметрах входной проем был очень низким и узким. Практически он похож на отверстие норы. Внутри дома коридор огибает западную торцовую стенку помещения 3 и полого спускается ко дну среднего помещения. При входе в северное помещение фиксируется ступенька высотой 20 см (рис. 2).

Жилища, судя по капитальности, наличию печи, очагов-каминов, конструкции входов, использовались в зимний период. На полу жилищ обнаружены фрагменты станковой посуды, железных котлов, ручного каменного жернова, а также железный нож, свинцовая гирька. В жилище №1 найдены глыба известняка и скопление мергеля.

Глубина землянок (1,5–1,7 м) свидетельствует о том, что высота стен, возведенных над дневней поверхностью, была незначительна. При исследовании жилища № 3 были определены некоторые детали конструкции стен.

Элементы реконструкции архитектуры установлены по плану и профилям жилища №3 (рис. 2; 6). Развал стены вокруг котлована имеет ширину 6–8 м. Мощность его с западной стороны выше, чем с восточной. Внутри развала стен фиксируются столбы. Основания их расчищены на материке. Столбы, вероятно, служат каркасом стен жилища.

Профили жилища №1, 3 показывают трехслойность стен, возвышающихся над древней поверхностью. В основании ее видна чистая глина. Возможно, глина выкладывалась в виде сформованных кирпичей. Нижние линии этих кирпичей прослеживаются в профилях раскопа. Толщина слоя 10–20 см, ширина 2,0–2,4 м. Укладка этой полосы нижних

кирпичей начиналась в 1,5 м от края котлована землянки и укреплялась снаружи линией деревянного каркаса.

Выше этого пласта фиксируется смешанный серо-коричневый грунт толщиной 10–25 см. Данный слой выложен наклонными отрезками (рис. 6). И завершают стратиграфию блоки чистой глины, похожей на пахсу. В настоящее время толщина ее не больше 10–15 см, и она почти не задернована. Именно эта глина сползла в нижнее заполнение землянки и прикрыла стенки. Она практически не отличается от материкового грунта, что затруд-

Рисунок 6. Городище Бозок. Жилище 3, профили северных бровок

няло фиксацию контуров жилища. Часть ее упала на внешнюю сторону, и, вероятно, ее развал и дает современный рельеф обваловки котлована шириной 6–8 м.

Трехслойность обваловки, которая фиксируется в разрезах жилищ № 1, 3, возможно, отражает неодноактность строительства жилищ или очередность пристраивания комнат. Однако в заполнении землянок нет следов перестройки. Все они в нижней половине заполнены слоями глины разных оттенков. В них фиксируются сырцовые кирпичи коричневого и черного цветов. Верхняя половина землянок перекрыта гумусом. Либо разрезы валов вокруг котлована землянок отражают «смешанную» технику кладки стен, когда стены специально наращивались горизонтально чередующимися лентами черного (илистого) и серого кирпичей. Этому есть аналогии в технике строительства оборонительных стен степных городищ гуннской эпохи (Кызласов, 2008, с. 120-123).

Последовательное пристраивание помещений часто встречается в жилищном строительстве золотоордынского времени. Об этом свидетельствуют разная глубина, кривые контуры жилищ, различия в оформлении интерьера (Зиливинская, 2008,с.39).

Высота стены над древней поверхностью должна быть не менее 1 м. В этом случае общая высота жилого пространства от пола до потолка равнялась 2,5 м. Кровля, вероятно,

была плоской или односкатной в сторону озера. Жерди перекрытия могли опираться на внутренние перегородки и укладывались продольно. Сверху, судя по этнографическим материалам, настилались камыш, сено, возможно, глина и дерн (Востров, Захарова, 1989, с. 55-57).

Как уже указывалось, расстояние между домами 4–5 м. Если учесть, что толщина стены на поверхности была 2–2,5 м, то получается, что дома были пристроены впритык друг к другу и представляли единый массив. Однако есть косвенные факты, свидетельствующие об очередности строительства. По заплыву грунта в заполнение жилища №1, скрывшего почти полностью южное помещение, можно предположить, что жилище №1 было построено раньше, чем жилище №3. И при разрушении значительная часть грунта северной стенки жилища №3 упала в южное помещение жилища №1 и закрыла эту часть соседнего дома.

В архитектуре землянок городища Бозок сочетаются традиции жилищного строительства Средней Азии и Поволжья. По планировочной схеме они относятся к типу однорядных гребенчатых домов, получивших распространение в сельском жилище Хорезма и Семиречья в раннем Средневековье и дошедших до Нового времени 1 (Неразик, 1976, с.160; Байпаков, 1986, с.87).

По земляночной конструкции жилища городища Бозок имеют аналогии в средневековых городах Поволжья. Землянки раскопаны в булгарских городах домонгольского и золотоордынского времени (Егоров, 1970, с. 179; Хлебникова, 1957, с. 242; Шарифуллин, 1993, с.65-67). В отличие от наших они однокамерные. В землянках X–XII вв. встречаются нары, лежанки, которые можно соотнести с суфами, получившими широкое распространение в домах Золотой Орды. Стены домонгольских землянок обшиты деревом или обложены сырцовыми кирпичами (Шарифуллин, 1993, с. 67; Ерзакович,1973, с. 170-180). Землянки обогревались печами или напольными очагами.

Многие детали архитектуры и интерьера: осевая однорядная планировка помещений, стеновые камины, неширокие по размерам суфы тянут при определении даты землянок в раннесредневековый период. К этому можно добавить отсутствие в интерьере тандыров, ташнау, канов, закромов, ставших обязательным атрибутом городского жилья Южного Казахстана с X–XII вв. (Байпаков, 1986).

Однако использование жженого квадратного кирпича в конструкции обогревательных устройств свидетельствует о строительстве землянок не ранее X–XI вв. Дату землянок уточняют: 1) вещевой инвентарь; 2) относительная стратиграфия; 3) радиоуглеродная датировка по костям, обнаруженным на дне жилища №3. Корреляция этих данных позволяет датировать землянки городища Бозок XI – началом XIII в.

Вещевой инвентарь крайне скуден: один железный нож, обломки железных котлов, бусы из позвонков рыб. Керамика представлена хумчой, найденной в жилище №1. Хумча высотой 41,5 см. Шейка не сохранилась. С внутренней стороны видны места стыка, вдавления пальцев (рис. 7, 6). Остальная керамика – мелкие фрагменты поливной посуды бледно-зеленого цвета, фрагменты кувшинов, украшенные вертикальными потеками красной краски, доставлены, видимо, с юга Казахстана. Формы керамики стандартны для средневековой эпохи. Выделить какие-то признаки узкого хронологического периода не удается.

Есть только одна находка, которая может служить основой достаточно узкой даты. На дне жилища №2 у очага была обнаружена свинцово-оловянная гирька грибовидной формы с цилиндрическим отверстием. Гирька не целая, основание подтреугольной формы, орнаментировано с двух сторон нарезками, лучеобразно отходящими от отверстия. На внешней поверхности между нарезками нанесены кружочки и тонкие линии растительного узора (?). Основание гирьки имеет валикообразное утолщение по краю. Вес гирьки 7,8 г.

Само появление гирек в средневековых городах Волжской Булгарии и Средней Азии относится к домонгольскому периоду и связано с «серебряным» кризисом конца X в. (Валеев, 2005, с.15). Вследствие истощения серебряных рудников мусульманского Востока прекращается поступление дирхемов в Восточную Европу, и для городов Волжской Булгарии и Древней Руси начинается «безмонетный» период длительностью, как пишет Г.А. Федоров-Давыдов, 200 лет (Федоров-Давыдов, 1987, с. 160). В это время распространяются заменители денег – гирьки. Торговля ведется не по счету монет, а по весовому номиналу. Наша гирька весом 7,8 г относится к даннику – весовой единице, равной 1/6 мискаля в 4,26 г. По весу она равняется 10 данникам. Гирьки с таким весом отнесены к 3-й группе денежно-весовых норм, распространенных в Восточной Европе в конце X – XIII в.(Мухамадиев, 1983, с. 26).

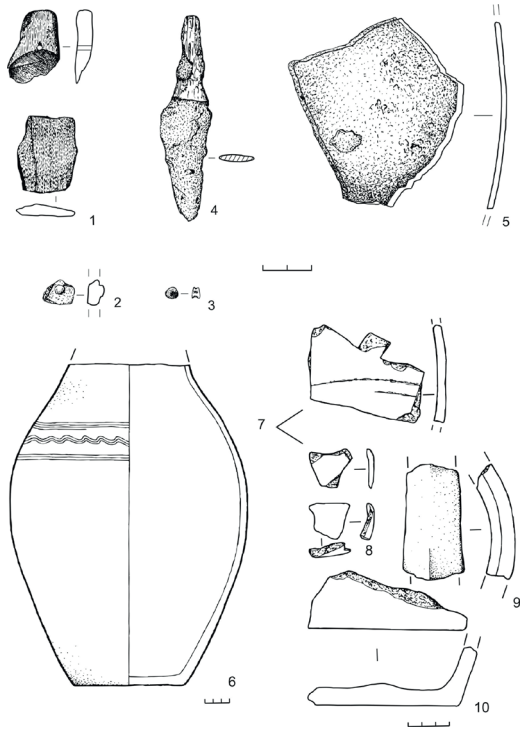


Рисунок 7. Городище Бозок. Жилище №1. Вещи

Свинцово-оловянные гирьки названы исследователями товарно-денежных отношений «грузики-пломбы» (Валеев, 1995, с. 107–109). Гирьки, аналогичные по форме и нашейорнаментации,широкопредставлены в материалах Измерского, 1 Семеновского селищ, Золотаревского поселений, датированных X–XII вв. (Белорыбкин, 2001, с. 63-65). В булгарских городищах лесостепной зоны они известны в культурных слоях XIV в. (Винничек, 2001, с. 148-149). Весовой стандарт гирьки с городища Бозок позволяет определить время его применения в пределах X–XIII вв.

Уточняющим дату фактом является относительная стратиграфия. Руины стен землянок № 1, 2 перекрыты развалом сырцовой погребальной оградки (рис. 1). Расстояние между котлованом землянок и подошвой надмогильного сооружения 6–7 м. Видно, что при изготовлении сырцовых кирпичей для строительства погребального сооружения применялась глина из развала стен жилищ. В структуре кирпичей фиксируются комки и мелкие обломки черных сырцовых кирпичей, аналогичных тем, которые использованы в конструкции жилищ. Погребальное сооружение содержит четыре могилы. В двух из них найдены следующие артефакты: бронзовое зеркало, железный плоский наконечник стрелы типа срезня и серебряная монета. Монета чекана Сарай аль-Махруса 1321 г. Монета пробита и использована как амулет. Следовательно, погребения могли быть совершены в середине XIV в., и к этому времени жилища-землянки были уже заброшены и превратились в руины.

Еще один стратиграфический факт – это грунтовое погребение, которое было введено в развал южной стены жилища №3 (рис. 2). Это погребение сопровождалось колчаном со стрелами, типы которых датируются XIII–XIV вв. Значит, к этому времени стены жилища №3 приобрели вид вала.

По костям, обнаруженным на дне жилища №3, была получена одна радиокарбонная дата (СОАН-7328) в интервалах 1184–1280 гг. (95,4% вероятности), то есть конец XII – конец

XIII в. Дата всего одна, но она вписывается в хронологический круг, полученный по другим показателям. Все эти факты позволяют датировать жилища городища Бозок XI – началом XIII в.

Список литературы

Акишев К.А., Варфоломеев В.В. Жилища городища Бозок // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: Материалы Международного полевого семинара. – Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2008. С. 41-55.

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI- XIII в.). Алма-Ата: Наука, 1986. 256 с.

Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. Санкт-Петербург-Пенза: Издательство ПГПУ, 2001. 200 с.

Валеев Р.М. Основные этапы и формы развития торговли булгарского раннего средневековья (IX – начало XIII вв.)// Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань: РИЦ «Школа». 2005. С. 7-21.

Винничек В.А. Грузики Никольского селища// Восток-запад: диалог культур Евразии. Проблемы истории и археологии. Вып.2. Казань. 2001. С. 147-151.

Вострова В.В., Захарова И.В. Казахское народное жилище. Алма-Ата: Наука, 1989. 181 с.

Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая (по материалам исследований 1959-1965 гг.) // Поволжье в средние века. М.: Наука, 1970. С. 172-193.

Ерзакович Л.Б. Некоторые типы Жилищ Золотой Орды // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1973. С. 166-182.

Зиливинская Э.Д. Усадьбы золотоордынских городов. Астрахань: Изд-ий дом «Астраханский университет», 2008. 172 с.

Кызласов И.Л. Укрепления кольцевых городищ Хакассии// Бозок в панораме средневековых культур Евразии: Мат-лы междунар. полевого семинара. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. С. 108-135

Малютина Т.С. Поселения и жилища Федоровской культуры Урало-Казахстанских степей // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск: ЧелГу, 1990. С.100-127.

Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. М.: Наука, 1983. 164 с.

Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.). Из истории жилища и семьи. М.: Наука, 1976. 256 с.

Писарчик А.К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX-XX вв. / Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982. – С. 69-111.

Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело и денежное обращение Болгара// Город Болгар. Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1987. С.158-204.

Хлебникова Т.А. К истории г. Жукотина (Джуке-Тау) домонгольской поры (по работам 1970-1972 гг.) // СА. 1975. №1. С. 234-251.

Шарифуллин Р.Ф. О ранних жилищах волжских булгар (X – начало XШ вв.)// Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ. 1993. С. 63-77.

ӘӨЖ 902.24

Г.Д. Біләлова

Сарыарқаның ортағасырлық қалашықтары*

Аннотация. XIII ғ. соңы – XIV ғасырдың бірінші жартысы Алтын Орда тарихын зерттеушілер үшін ең тұрақты және қала мәдениетінің гүлдену жылдары ретінде сипатталады. Жаулап алу кезінде зардап шеккен қалалардың белсенді түрде жандануы байқалады, ондаған жаңа қалалар мен ірі қоныстар пайда болды. Бұл қарқынды даму кезеңі негізінен Өзбек ханның (1312-1342) тұсына келеді. Соңғы онжылдықтағы экспедициялық жұмыстар, басылымдар мен мұрағат есептері негізінде жиналған археологиялық материалдарды талдау нәтижесінде XIII-XIV (XV) ғасырлардағы Сарыарқаның 50-ден астам қалалары мен қоныстары табылды. Қала мәдениеті ескерткіштерінің орналасуына қарай Сарыарқа аумағындағы ортағасырлық қоныстарды жерсіндендірудің бірнеше негізгі географиялық аймақтарын бөліп көрсетуге болады – бұл Нұра-Есіл сағасы, Ұлытау-Жезқазған өңірі, Ертіс даласы, Қазақ Тобыл өңірі және Каспий даласы.

Түйін сөздер: Сарыарқа, Жошы Ұлысы, Алтын Орда, қалашық, отырықшы мәдениет

Аннотация. Конец XIII в. – первая половина XIV в. исследователями истории Золотой Орды характеризуются как годы наибольшей стабильности и расцвета городской культуры. Активно идет возрождение городов, пострадавших в период завоевания, появляются десятки новых городов и крупных поселений. Данный период интенсивного роста приходится в основном на время правления Узбек хана (1312-1342 гг.). По анализу археологического материала, собранного в результате экспедиционных работ, публикаций и архивных отчетов последних десятилетии найдены более 50 городов и поселений Сарыарки XIII-XIV (XV) вв. По расположению памятников градостроительной культуры можно выделить несколько основных географических районов локализации средневековых городищ на территории Сарыарки – это Нура-Ишимское междуречье, Улытау-Жезказганский регион, Степное Прииртышье, Казахское Притоболье и Прикаспийские степи.

Ключевые слова: Сарыарка, Улус Джучи, Золотая Орда, городище, оседлая культура

Қазақ даласының ортағасырлық тарихында Алтын Орда немесе Ұлық Ұлыс мемлекетінің тарихы орасан зор кезеңді алып жатыр. Мемлекет 200 жылдан астам уақыт бойы өмір сүрді, мемлекеттің ресми мерзімделуі (1269 - XV ғасырдың аяғына дейін). Ұлық Ұлыс немесе Жошы ұлысы ең ірі мемлекеттік құрылым болды, оның аумағы шығыста Ертістен, батыста Карпат пен Дунайдың төменгі ағысына дейін созылды. Оңтүстік шекаралары Таврика, Солтүстік Кавказ, Амудария атырауымен өтті. Солтүстікте шекара Батыс Сібір ормандарынан даланы бөліп тұратын ландшафт сызығы болды.

Кейінгі тарихи дереккөздерде бұл империя Алтын Орда деп атала бастады. «Алтын Орда» атауы кеңестік тарих ғылымында қабылданған және XVI ғасырдағы орыс жылнамаларының деректеріне сүйене отырып, яғни мемлекеттің өзі болмаған кезеңде қабылданған жасанды атау.

Бірінші кезеңде Жошы Ұлысы мемлекеті Ұлы Моңғол империясының құрамына кірді және саяси тәуелсіздігі болған жоқ. 1269 жылы Меңгу-Темір хан тұсында Талас өзенінің жағасында құрылтай өтіп, сол күннен бастап Алтын Орданың тәуелсіздігін заңды түрде рәсімдеу басталды. Алтын Орда тиындарына билеуші Жошы хан ұрпақтарының есімдері жазыла бастады.

*****_Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі тарапынан қаржыландырылған, жеке тіркеу номері (AP14972808) болып табылатын «Сарыарқа Жошы Ұлысының тарихи-мәдени аймағы ретінде» тақырыбындағы ғылыми жоба негізінде дайындалды._

Осы оқиғаға сәйкес Қазақстанда 2019 жыл Жошы Ұлысының 750 жылдығы деп жарияланды. Бұл саяси қадам ортағасырлық мемлекеттің екі жүз жылдық тарихының Қазақстан үшін маңыздылығын растайды. Жошы Ұлысының ыдырауы Қазақстан аумағындағы мемлекеттілік дәстүрінің үздіксіздігінің айғағы ретінде Қазақ, Ноғай, Сібір хандығының бөлінуіне алып келді.

Жошы Ұлысының саяси тарихын Еділ бойындағы археологтар, ең алдымен Татарстан Республикасының ғалымдары белсенді түрде зерттеп жатыр. Олардың еңбегінің арқасында қазіргі уақытта Алтын Орданың астаналары мен қалалары ашылып, зерттелді, жүздеген қалалық қорымдар зерттелді, жазбаша дереккөздер бойынша исламдық жерлеу рәсімінің археологиялық фактілері анықталды. Алтын Орданың Болгар, Укек, Селитренное, Царевское қалаларындағы діни ғимараттардың сәулеті мен құрылысы зерттелді. Өнер мен мәдениет, сауда керуен жолдары, Алтын Орда қалаларының үйлері туралы монографиялар жарық көрді. Ауқымды жұмыстардың нәтижесінде тарих ғылымы ортағасырлық мемлекеттің кезеңге бөлінуі, оның дүниежүзілік-тарихи ауқымдағы рөлі, қала құрылысы тәжірибесі, әскери өнердің жоғары дамуы, жарқын өзіндік империялық мәдениет және исламды мемлекеттік дін ретінде қабылдануымен байланысты бай рухани мәдениет туралы мәліметтер алды.

Жошы Ұлысы аумағының едәуір бөлігін қазақ даласы – Дешті-Қыпшақ алып жатыр. Дешті-Қыпшақ (Қыпшақ даласы) – Сарыарқа аумағында ортағасырлық қыпшақтардың аумақтық қоныстануын білдіретін этногеографиялық термин. Бұл терминді мұсылман (араб, парсы, түркі) тарихи шығармаларының авторлары бүкіл Жошы (Алтын Орда) Ұлысын немесе оның далалық аймақтарын белгілеу ретінде кеңінен қолданған.

Тарихшы Өтеміс қажы өзінің "Шыңғыс-наме" трактатында былай деп жазады: «Ол (Алтын Орда ханы, Шыңғыс ханның үлкен ұлы - Жошы) Қыпшақ жері - Сарыарқаны көргенде, бүкіл әлемде бұдан жағымды жер, одан жақсы ауа, одан тәтті су, одан кеңірек шалғындар мен жайылымдар болуы мүмкін емес екенін анықтаған...» (Утемиш-хаджи. Чингиз-наме, 1992).

Жошы Ұлысы тарихы қазақ орта ғасырлық ғылымында жіті зерттелмеді. Қазақстан археологиясында бұл тақырыпқа үндеу елорданы Қазақстанның орталығына Ақмола-Астанаға көшіргеннен кейін басталды. XX ғасырдың аяғында Жошы ұлысының астаналық орталықтарына іргелес Батыс Қазақстанның Алтын Орда дәуірінің жерлеу ескерткіштері белсенді зерттелді. Ауқымды зерттеудің тағы бір өңірі - XIII-XV ғасырлардағы Қазақстанның оңтүстігіндегі Ұлы Жібек жолы мен Жетісу қалаларының мәдени қабаттары.

Кең байтақ Сарыарқа даласында Бозоқ, Бытығай, Сарайшық, Жайық, Жалпақтау, Әулиекөл, Қызылоба сияқты ортағасырлық қалаларына соңғы онжылдықтарда ғана археологиялық қазба жұмыстары жүргізіле бастады. Мәдени-мемориалдық ескерткіштер зерттеу нысанына айналды, олардың ішіндегі ең атақтылары- Жошы хан, Алаш хан, Бытығай, Жәнібек-Шалқар, Болған ана кесенелері.

Әр жылдары Сарыарқа аумағында XIII-XIV ғасырлардағы ортағасырлық қорғандар мезгіл-мезгіл қазылып отырды. Бұлар Тасмола, Вишневка, Жартас, Ждановский қорымдарының қорғандары. Олардың материалдары шағын басылымдар мен есеп беру мұрағаттарында шашылып жатыр. Бұл жерлеу ескерткіштерінің бір бөлігі «КСРО археологиясы. Орта ғасырлардағы Еуразия далалары» (1981) топтамасының томына енді. Соңғы жылдары бұл белгілі нысандар қатарына Бозоқ мұсылман қорымының қорымдары, Нұраталды, Қарасуыр қорғандары, Әулиекөл кешені кесенелері мен қорымдары, Қызылоба, Жәнібек Шалқар қорымдарының қазбалары қосылды.

Зерттеу тақырыбының өзектілігі Сарыарқаның Алтын Орда дәуіріндегі саяси және әлеуметтік-мәдени тарихын қайта жаңғыртумен байланысты. Тарихи үдерістердің нақты бөлшектерін нақтылау үшін қалалар мен қоныстармен ұсынылған археологиялық мате-

риалдарды ғылыми айналымға енгізу қажет. Олар тарихтың кезеңдері мен мерзімдері, ортағасырлық мәдениеттің нақты аспектілері туралы негізгі ақпаратты береді.

1312 жылы Өзбек хан тұсында ислам дінінің мемлекеттік дін ретінде қабылдануымен Жошы Ұлысы халқының киелі практикасының негізгі нормалары өзгерді. Өзбек ханның билігі (1312-1342) Алтын Орданың экономикалық және әскери күшінің жоғары өрлеуімен, мәдениет пен қолөнердегі елеулі жетістіктерімен сипатталады. Қала құрылысы артып, астаналардың ауданы ұлғаяды, қоғамдық сипаттағы ғимараттар мен ақсүйектердің керемет сарайлары пайда болады.

Қалалық мәдениетте исламды, мұсылман дінінің дәстүрлері мен заңдарын таныстырудың қасиетті тәжірибесі жүзеге асырылды. Қалаларда орныққан ислам Қазақстанның көшпелі ортасына тарады, жаңа аумақтарды жаулап алды. XIII-XIV ғасырларда ислам Сарыарқа аумағында, Алтын Ордада, Ақ Орда мен Шағатай мемлекетінде де өз орнын алды.

Жаңа империялық мәдениет далалық қала құрылысының келбетін толығымен өзгертті. Алтын Орда қалаларының жетекші элементтері қоғамдық ғимараттар: мешіттер, медреселер, моншалар, кесенелер болды. Қалалардың кварталдық орналасуы сақталып, дамыды, полихромды декорға боялған интерьер, беделді заттар мен бұйымдардың сән-салтанаты, әдемі ыдыс-аяқ, киімді безендіретін көркем металл өзгерді. Алтын Орданың тарихи географиясын зерттеушілердің деректері бойынша Жошы мемлекетінің гүлденген кезінде 300-ден астам қала болған.

Сарыарқаны зерттеудегі сапалы жаңа кезең 1946 жылы Ә.Х. Марғұланның басшылығымен Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясынан басталады. Ортағасырлық көне жәдігерлерді зерттеу Сарыарқаның ортағасырлық тарихын сипаттайтын археологиялық ескерткіштердің барлық түрлерін анықтауға мүмкіндік берді. Барлау маршруттарының нәтижесінде қоныстар, қалалар, қорған қорымдары ашылып, зерттелді, сәулетшілермен бірге Ә.Х. Марғұлан Ұлытау мен Нұра өзені ауданындағы кесенелерді зерттеуге кірісті.

Ә.Х. Марғұлан ортағасырлық дала археологиясы аясында Ұлытау, Нұра, Есіл өзендері өңірлеріне ерекше мән беріп, ортағасырлық отырықшы орындардың алғашқы картасын жасады. Зерттелген ескерткіштердің негізінде Ә.Х. Марғұлан Сарыарқа қалашықтары мен қоныстарының типологиясын ұсынды, ол бүгінгі күнге дейін өз маңызын сақтап келеді.

Сарыарқа қалашықтары мен қоныстарының әрі қарай типологиясы С.Жолдасбаевтың Қазақ хандығының отырықшы мәдениетін зерттеу жөніндегі еңбегімен байланысты. Бұл типология Жошы Ұлысының заманынан бергі қазақ даласы халқының этникалық өзегінің автохтондық сипатын растайды. С.Ж. Жолдасбаев Аяққамыр, Найзағара қалашығында шағын қазба жұмыстарын жүргізіп, оларды қыстау түріне, ал Шотқара, Орда (Алаша хан), Нөгербек Дарасы, Айбас Дарасы қалашықтарын қамал түріне жатқызды. Бұл жіктеу Жошы Ұлысы халқынан қазақтардың мәдени сабақтастығын көрсетеді.

XX ғасырдың соңына қарай мәліметтер жинақталып, Қазақстанның далалық аймағының отырықшы мәдениетінің белгілі материалдарының алғашқы типологиясы мен жүйеленуі жасалды. Ә.Х. Марғұлан ортағасырлық қалалар мен Сарыарқа қоныстарының керамикалық кешендерін зерттеу негізінде ерте темір дәуірінен Қазақ хандығына дейінгі мәдени сабақтастықты байқаған. Ғалымның бұл зерттеуі Қазақстанның ежелгі және ортағасырлық тарихы бойынша маңызды теориялық тұжырымдарға жатады.

Сарыарқаның ортағасырлық көне жәдігерлерін зерттеудің жаңа кезеңі XXI ғасырдан басталады. Қазақтың генетикалық жадын сақтайтын киелі нысандардың белдеуін жаңғырту міндеттері бар «Мәдени мұра» және «Рухани жаңғыру» мемлекеттік бағдарламалары маңызды рөл атқарды. Осы бағдарламалар аясында Бозоқ, Әулиекөл, Сарайшық, Жайық қалашықтарында ауқымды қазба жұмыстары жүргізілді. Қасиетті тәжірибеге сәйкес, қалалар бізге олардың айналасындағы мәдени-мемориалдық кешендердің шоғырлануы

туралы маңызды ақпарат береді, бұл өз кезегінде мұсылмандық жерлеу рәсімінің өзгеруін көрсетеді. XIII – XV ғасырдың бірінші жартысы діни құрылыстар жүйесінде кесенелер елеулі орын алады.

Қазақстан Республикасы Ғылым Академиясының академигі К.М. Байпақов дайындаған «Қазақстанның ежелгі және ортағасырлық урбанизациясы (Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясының зерттеу материалдары бойынша)» іргелі тарихи еңбегінде қала құрылысын зерттеу жұмыстарының нәтижелері қорытындыланады. Бұл еңбек бізге дамыған орта ғасырлардағы қала сәулет өнерінің дамуының толық көрінісін береді, Алтын Орда дәуіріндегі Қазақстан халқының әлеуметтік-экономикалық қатынастары мен киелі әдет-ғұрыптарының ерекшеліктерін ашады.

Осылайша, ортағасырлық қоныстардың, қалашықтардың шоғырлануы және Алтын Орданың тарихы мен мәдениетіндегі жергілікті аймақтардың бөлінуі туралы ақпарат алынды. Бозоқ, Әулиекөл, Жайық, Сарайшық қалашықтары туралы жалпылама монографиялар жарық көрді. Сарыарқаның киелі ескерткіштерінің материалдары мақала, монография түрінде ғылыми кеңістікке енгізілді.

Дала аймағының ортағасырлық тұрғындарының мемлекеттік орталықтарында Қазақстанның оңтүстік аймақтарынан айырмашылығы көп жағдайда күшті бекіністері және классикалық Орта Азиялық қаланың көптеген басқа атрибуттары болмаған. Өйткені олар солтүстік, жазық далада негізінен жазғы кезеңмен шектелетін шаруашылық қызметінің ерекшеліктеріне бейімделген. Билеушілердің қысқы ордалары дала аймағының оңтүстігіндегі аласа тауларда және Оңтүстік Қазақстан қалаларында орналасқан. Ортағасырлық дала ордасының мысалы ретінде Ұлытауды келтіруге болады, онда соңғы зерттеулер нәтижесінде Жошы хан кесенесі мен жақын жерде орналасқан ортағасырлық қоңысының жазбаша дереккөздерінен белгілі Орда Базар қаласымен байланысы анықталды.

Ибн Батутаның «Подарок наблюдателя по части диковин стран и чудес путешествий» атты еңбегінен: «...Олар Урду (Орда) деп атайтын ордаларына жақындағанда, біз тұрғындарымен бірге қозғалған үлкен қаланы көрдік; оның ішінде мешіттер мен базарлар бар, асханалардан түтін шығып, ауада әуелейді: олар өздері мініп жүріп (тамақ) дайындайды және жылқылар арбаларын олармен бірге алып жүреді. Олар тоқтайтын жерге жеткенде, шатырлар арбалардан алынып, жерге қойылады, өйткені олар оңай тасымалданады. Сол сияқты олар мешіттер мен ордаларды да ұйымдастырады" (Ибрагимова, Мухтарова,1996).

Иосафат Барборо «Танаға саяхат»: «...Олардың әскерінде қолөнершілер – тоқымашылар, темір ұсталар, қару ұстаушылар және т.б., жалпы, барлық қажетті қолөнер түрлері бар. Егер сіз менен «Олар сығандар сияқты көшіп жүреді ме?» - деп сұрасаңыз, мен жоқ деп жауап беремін, өйткені олардың тұрақтары қабырғамен қоршалмағанын қоспағанда, олар (біз үшін) ең алып және ең әдемі қалалар болып көрінеді. ... Саудагерлер туралы айта отырып, бірақ біздің тақырыпқа, атап айтқанда татар әскеріне орала отырып, мен оның жанында әрдайым саудагерлер бар деп айтамын; кейбір түрлі жолдар тауарларды осында әкеледі, ал басқалары басқа елдерге бару ниетімен орда арқылы өтеді» (Скрижинская, 1971). Осылайша, ортағасырлық Ұлыс билеушісінің Орда базары дінбасылардан, емшілерден, қолөнершілерден, қызметшілерден, күзетшілерден бастап сауда-айырбастау операцияларын жүргізген саудагерлерге дейінгі барлық қажетті инфрақұрылымды қамтуы мүмкін.

XIII ғасырдың аяғы-XIV ғасырдың бірінші жартысы Алтын Орда тарихының зерттеушілері қалалық мәдениеттің ең үлкен тұрақтылығы мен гүлденген жылдары ретінде сипатталады. Жаулап алу кезеңінде зардап шеккен қалалар белсенді түрде жандануда, ондаған жаңа қалалар мен ірі қоныстар пайда болуда. Жоғарыда айтылғандай, қарқынды өсудің бұл кезеңі негізінен Өзбек ханның билігі кезінде болады. Соңғы онжылдықтардағы мұрағат материалдары, экспедициялық есептер мен жарияланымдар бойынша XIII-XIV (XV) ғасырлардағы Сарыарқаның 50-ге жуық қалалары мен қоныстарын тіркелген.

Осыған байланысты XIII-XIV (XV) ғасырлардағы ортағасырлық қоныстарды оқша-

улаудың бірнеше негізгі географиялық аймақтарын бөліп көрсетуге болады. Сарыарқа территориясында – Нұра-Есіл сағасы, Ұлытау-Жезқазған өңірі, Ертіс даласы, Қазақ Тобыл өңірі және Каспий маңы далалары. Алтын Орда дәуіріндегі Сарыарқаның негізгі қалалары мен қоныстарының сипаттамасына тоқталайық.

Нұра-Есіл сағасы:

Ботағай, Бытығай қалашығы – Қазақстан Республикасы Ақмола облысы Қорғалжын ауылынан 1 км шығысқа қарай Нұра өзенінің сол жағалауында орналасқан XIII-XVI ғасырлар ескерткіші. Нұра өзенінің бойындағы ортағасырлық Бытығай (Тотағай, Ботағай) қаласы туралы мәліметтер 1816 жылы Бас штабтың нұсқауымен Дала өлкесінде болған тау-кен инженері И.П. Шангиннің мақаласында сақталған. Оның саяхат жазбалары 1820 жылы жарық көрді. Ә.Х. Марғұлан ортағасырлық итальяндық карталарда, атап айтқанда Пицигани картасында, сондай – ақ Каталон картасында белгіленген Aqcxint-Ақша-Кент жұмбақ қаласын Бытығай қалашығының орнында орналастырады. Соңғысында бұл қала Сарайшықтан Алмалыққа Торғай және Сарысу далалары арқылы өтетін керуен жолдарындағы сауда орталығы ретінде көрсетілген (Севастьянов, 1912, 20 б.).

2021 жылы ортағасырлық Бытыгай қалашығының аумағында алғаш рет өндіріс орталығы толық зерттелді (Сакенов және т.б., 2021). Археологиялық деректер бұл жерде орта ғасырларда белгілі бір реттілікпен өткен толық технологиялық цикл жүргізілгенін көрсетті: шикізат (ганч) кен орнын игеру; тас диірмендерді пайдалана отырып, шикізатты алдын ала өңдеу; шикізатты арнайы ыдыста сөндіру; глазурь алу үшін шикізатты арнайы пеште балқыту; пеште кірпіш күйдіру. Ақаулы заттар мен қождың болуы тек толық өндірістік циклді ғана емес, сонымен қатар қалашықтың ұзақ өмір сүруін де көрсетеді. Ойылған терракотаның, жылтыратылған кірпіштердің табылғандары ортағасырлық дәуірде өмір сүрген және ортағасырлық сәулет өнерінің танымал шеберлері болған қолөнершілердің тұтас бір буыны болғанын көрсетеді.

Аймақтың топографиялық талдауы ортағасырлық Бытыгай қалашығының аумағында басқа археологиялық нысандардың болуын көрсетті. Жер бетінде құдықтардың іздері, күйдірілген кірпіштен салынған ұзын бекініс қабырғаларының қалдықтары айқын көрінеді.

Ортағасырлық қолөнершілер қаласы өндірістік аудандардан тұрды, ал қатаң ретпен орналасқан құдықтардың болуы халықты таза сумен қамтамасыз ететін дамыған гидрожүйені көрсетеді. Кейіннен елді мекеннің жанында үлкен қорым пайда болды. Археологиялық барлау жұмыстарының арқасында елді мекеннің айналасында жалпы қалалық округ құрамына кіретін бірнеше ондаған керуен сарайлар табылды (Сакенов және т.б., 2021).

Өнеркәсіп орталықтарының қалдықтары мен ортағасырлық сәулет нысандары Теңіз-Қорғалжын аймағында бір кездері гүлденген қаланың болғанын айтады. Бытығайдың ежелгі тұрғындарының барлық құрылыс рәсімдері белгіленген стандарт бойынша жүргізілді, бұл сәулеттік жоспардың болуын және қаланың Сарыарқаның ортағасырлық өмірінде атқарған рөлін көрсетеді. Археология деректері бойынша XIV-XV ғғ. Бытығай саяси, экономикалық және өнеркәсіптік орталық болды.

Ормамбет қонысы. Атбасар қаласынан (Ақмола облысы) оңтүстік-батысқа қарай 22 км жерде, Есіл өзенінің оң жағалауында, Қима ауылына қарай тас жолдың бойында орналасқан. И.П. Фальк мұрағатында XVIII ғасырдың 60-жылдарында Х. Барданес жасаған Есіл өзеніндегі атаусыз қалашықтардың сызбалары мен суреттері табылды. Қалашықтардың бірі өте кең 342х159 м, негізгі нүктелерге бағытталған бұрыштық мұнаралардың қалдықтары бар. Үйме дуалдың биіктігі 2,8 м. Қалашық Терісаққан өзенінің Есіл өзеніне құяр жерінде байқалды (Артықбаев, 2021, 279 б.). Қазақ аңыздары бойынша бұл жерде Орысхан (Ормамбет – Орысхан есімдерінің бірі) салған Ормамбет деп аталатын қаланың қирандылары орналасқан. Ескі қалайы кеніші де бар (Маргулан, 1978, 19 б.). Тың жерлерді игеру

кезінде қалашық қирап, Сергеевка ауылының құрылысында кірпіш пен тастар пайдаланылды. Қазіргі жағдай бұл қалашықты сақтау үшін шұғыл қауіпсіздік шараларын қажет етеді.

Оркөшегі қонысы Ормамбеттен алыс емес жерде оңтүстіктен солтүстікке қарай ұзын өсьпен, яғни Есіл өзенінің бойында бағдарланған тағы бір көне Оркөшегі қонысы бар. Оның ұзындығы 300, ені 107 м. Оңтүстік қабырғасы жабық емес, кең ашық қақпа түрінде қалдырылған (Артықбаев, 2021, 279 б.; Маргулан,1978, 19 б.).

Бозоқ қалашығы Есіл өзенінің сол жағалауындағы жайылымдылық жазықтықтағы Бұзықты көлінің шығыс жағалауында, Қараөткелден 5 шақырым оңтүстік-батысқа қарай орналасқан. Бозоқ қалашығы (VIII-XVI) – Солтүстік Сарыарқаның қоныстану үлгісіндегі алғашқы ауқымды зерттелген нысан. Ескерткішті 1998 жылы көрнекті қазақстандық ғалым Қ.А. Ақышев ашты (Khabdulina, Bilyalova, 2017, 43 б.). Қоныстағы қазба жұмыстарын 1999 жылы Қ.А. Ақышев пен М.К. Хабдулина басқарған Есіл археологиялық экспедициясы бастады. Қазба жұмыстары кезінде 8 мың шаршы метрден астам жер ашылды. 10 тұрғын үй, бес кесененің қалдықтары, екі кірпіш күйдірілген пеш табылды, XIII-XIV ғасырлардағы 70-тен астам қорымдар қазылып, қорғаныс құрылыстарының сәулеті мен суландыру жүйесі зерттелді (Акишев, Хабдулина, 2008, 26 б.).

Құрылымдық жағынан ескерткіш төрт бөліктен тұрады. Бірінші ең көне бөлігі – орлар мен үйме дуалдармен қоршалған үш квартал (түркі дәуірімен мерзімделген), алаңдардан солтүстікке қарай 70 м-де көлден созылған құдық пен арығы бар тұрғын үй кешені (IX-XII ғғ., XIII-XIV ғғ.) орналасқан (қалашықтың екінші құрылымдық компоненті) (Акишев, 2008, 14 б.). Орталық кварталдардың оңтүстігінде кесенелер қирандыларынан, кірпіш күйдіретін пештерден және XIII-XIV ғасырлардағы мұсылман жерлеу орындарынан (үшінші құрылымдық компонент) тұратын Бозоқ қалашығының қорымы орналасқан. Шығыс пен солтүстіктен Бозок қалашығының қирандыларына агроирригациялық орналасу іргелес, бұл тұрғын аумақтың шекараларын кеңейтеді. Оның солтүстік-оңтүстік сызықтарындағы өлшемдері Бұзықты көлінің шекарасынан шықпайды. Суару жүйесі Бозоқ қалашығының төртінші құрылымдық бөлігі болып табылады. Зерттеулер объектінің құрылымдық құрамдас бөліктері бір мезгілде пайда болмағанын, олар бірнеше рет қайта салынғанын, жаңартылғанын, қараусыз қалғанын анықтады.

Үкі қалашығы негізгі бағыттарға бағытталған бұрыштық мұнаралардың қалдықтары бар төрткүл. Үйме дуалдың биіктігі- 2,5-2,8 м. Есіл өзенінің жағасында орналасқан. Кіреберіс (қақпа) шығыс жағында болды. Көрнекі зерттеу барысында ортағасырлық кірпіштің қалдықтары, қож (шлак) табылды, бұл кірпіш күйдіретін пештердің орны болуы мүмкін (Артықбаев, 2021).

Әулиебұлақ қонысы. Қарағанды облысының Ботақара және Қарқаралы аудандарының іргелес аумағында, Жосалы курортының жанында 1960 жылы геолог А.Ж. Машанов ашқан Әулиебұлақтың тағы бір қонысы орналасқан. Қоныс алаңында XIII-XIV ғасырлардағы қыпшақ қыш ыдыстары табылды.

Ұлытау-Жезқазған өңірі.

Жошы Ордасы қалашығы Кеңгір өзенінің бойындағы Жошы хан кесенесінің жанында орналасқан. Жошы Ордасы XIII ғасырда Ұлытауда Жошы хан ұлысының орталығына айналады. Зерттеушілердің пайымдауынша, ол тірі кезінде мұнда Жошы ордасы деп аталатын қала салып, оның айналасын безендірген. Жошы ордасы өз заманының ірі экономикалық орталығы болды. Оңтүстіктен солтүстікке қарай өтетін сауда керуендері Жошы ханның ордасына тоқтады. Жошы Ордасы – Кеңгір өзенінің сол жағалауында, Ұлытау тауының оңтүстік беткейінде, Жезқазған қаласынан 45 шақырым жерде орналасқан бекіністі елді мекен. Негізінен қазіргі уақытта дөң түрінде кездесетін тұрғын үй қалдықтары басым. Жошы Ордасы елді мекенінің тұрғын үйлерінің айрықша ерекшелігі - арықтардың болмауы, аралас тандырлар мен пеш-каминдердің болуы. Қалашықтың жанында қызыл

кірпіштен салынған Жошы хан кесенесі орналасқан. Жошы-Ордасы қалашығының керамикасы XIII-XIV ғасырларға жатады (Сатбаев, 2017, 76 б.).

Болған Ана қалашығы. Болған ана археологиялық кешені - Ұлы даланың қақ ортасында, Жезқазғаннан оңтүстікке қарай 30 км жерде, Сарысудағы Кеңгір өзенінің саласынан 8 км жоғары орналасқан дамыған ортағасырлық ескерткіш. Кешенге Болған ана және Құлан ана кесенелері, диаметрі 10-30 м және биіктігі 1,5 м болатын дөңес түріндегі төрт сарай, сондай-ақ Кеңгір жағалауы бойымен 4 км созылып жатқан Болған ана археологиялық атауы бар қалашық кіреді.

Бұл ескерткіш туралы алғашқы мәліметтер бізге Әмір Темірдің жорықтары кезінде жазылған шежірелерден белгілі болды. «Гүлденген Сарайлы қаласы» туралы құнды мәліметтерді 1582 жылы Баба сұлтан мен оны қолдаған маңғыттарға қарсы жорық кезінде қаланы сипаттаған батыл Абдолла қалдырды. Сондай-ақ патшалық Ресей зерттеушілері Болған ана кешенін де назардан тыс қалдырған емес.

Шежірелік аңыздарға сәйкес, Болған ана Алаша ханның келіні. Осыған сүйене отырып, кейбір тарихи деректер оны Жошы ханның немесе оның баласы Орда Еженнің әйелі деп есептейді. Сондай-ақ, оның қаңлы руының билеушілерінің біріне ұзатылған Жошы ханның қызы екендігі туралы мәліметтер де бар.

Біздің далалық зерттеулерге қарағанда, Болған ана кезінде Жезқазған-Ұлытау өңіріндегі ірі қалалардың бірі болған. Жалпы бұл бекіністі қоныс Кеңгір өзенінің Сарысу өзеніне құяр жеріндегі мүйіс үстінде орналасқан. XVII ғасырдың аяғында Түркістанға Тәуке ханға елші ретінде жіберілген Федор Скибин бұл жерлерде қаланың бар екенін атап көрсетеді: «Ал мүйістің сағасында Сұрғана (Болған ана) кірпіш қаласы құлады, және әлі де 3 тұтас палата қалды ...» (Сатбаев, 2017, 73 б.). Қала оңтүстік жағынан Қаражар биік төбелерімен қорғалған, ал тұрғын үй құрылыстарының қалдықтары екі дала өзені қосылып, бірнеше шақырымға созылатын ішкі бұрышты алып жатыр. Болған ана кесенесі және ерте орта ғасырлардағы басқа да бірқатар сәулет құрылыстары солтүстік бөлігінде орналасқан. Олар стандартты өлшемдегі (25х25х5 см) ашық қызыл күйдірілген кірпіштен салынған.

Белен Ана қалашығы. П.И. Рычков атап көрсеткендей, «бұл қаланың ұзындығы алты верст, көлденеңі бір верст болатын» және Сарысу өзенінің төменгі ағысына жақын орналасқан. Шарафаддин Язди (Йезди) сияқты ортағасырлық саяхатшылар мен шежірешілер Белен-ананы Ұлы даланың оңтүстік беткейінде орналасқан деп есептеген. Хафиз Таныш кері қайтар жолды сипаттағанда, Абдаллах хан Белен анаға тоқтаған соң Темір әскерімен «...чөлге (яғни Бетпақ дала шөліне) аттанды» деп жазады. Сонымен қатар, Бетпақ даланың солтүстік шекарасына дейінгі қалалар Ұлытау-Жезқазған тарихи аймағының шегіне кіретінін білу керек. Белең ана Сарысу өзенінің орта ағысында орналасқан және Ұлы меридиандық сауда жолындағы тамаша бекет болып табылады. Осы қаладан алыс емес жерде XX ғасырдың 30-жылдарында дала тайпаларының көрнекті өкілдері жаңа мемлекет – Қазақ хандығының құрылғанын жариялады. Осы оқиғаның құрметіне олар өздерінің ата-баба таңбаларын биік жартасқа ойып салды. Содан бері бұл аймақ қазақ арасында Таңбалы тас деген атпен белгілі. Сондай-ақ Таңбалы тастан алыс емес, Сарысу өзенінің оң жағалауында даланың алғашқы жылқы өсірушілерінің көне киелі ордасы – Ала тағы әулие болған. Ұлытау-Жезқазған өңірін Сырдария қалаларымен байланыстыратын көптеген басқа қалалар сияқты Белен ананың да тарихы тереңде жатқанын болжауға болады. Алтын Орда дәуірінде ол Орда Ежен руынан шыққан шыңғыстардың ордасы қызметін атқарса керек (Сатбаев, 2017, 74 б.).

Шотқора қалашығы осы кезеңдегі ескерткіштердің арасында ерекше, XIII-XIV ғасырларға жатады. Бұл қоныстың қазбалары мерзімін растайтын материал бермеді. Бұхара билеушісі Абдаллах II-нің шежірешісі Хафиз Таныш аты аталған билеушінің Ұлытауға жасаған жорығын сипаттауында мынадай мәліметтер бар: «осы айдың 6-шы сенбісінде (хан) Жошы хан мазарының алдындағы (навахи) сарайының жанында тоқтады»

(Маргулан, 1978, 31 б.). Осы хабарламаны пайдалана отырып, Ә.Х. Марғұлан Шотқора қалашығын Хафиз Таныш сарайымен сәйкестендіреді және қалашықты Алтын Орда кезеңімен белгілейді.

Алаша хан қалашығы (Орда-Конған). Бұл қалашық Ұлытау қалашықтарынан ең көне, Ұлытау кентінен солтүстікке қарай 30 км жерде, Қаратал өзенінің сол жағалауында орналасқан. Бұл үлкен қыш кірпіш пен қиыршық тас пен өзен тастары аралас саздан тұрғызылған үлкен қорған мен қорғаныс қабырғасының қалдықтары. Үйме дуал қатаң тікбұрышты, ұзындығы 200, ені 115-120, қалыңдығы 8-12, биіктігі 2-ден 4 м-ге дейін. Бұрыштарда биіктігі 8 м-ге дейін, диаметрі шамамен 20 м болатын мұнаралардың қалдықтары сақталған. Қабырға ені 4-5 м, тереңдігі 4 метрге дейін жететін ормен қоршалған. Цитадельсіз бекініс, екі қамалдан тұрды - алдыңғы және артқы. Біріншісінің көлемі шамамен 6000 м2, екіншісі 3528 м2. Үлкен бекіністің орталық алаңы дуалдар шеңберінен жоғары көтерілген. Бұл, шамасы, бекініс қабырғасының ішінде орналасқан сазды ғимараттардың бұзылуы нәтижесінде пайда болған қабаттасу болуы керек. Әр түрлі жерлерде салынған шурфтар саз қабатының қалыңдығын 60-80 см дейін екенін анықтады. Төменде қалыңдығы 30 см-ге дейін қиыршық тас және өзен тастары қабаттары бар тығыздалған саздан жасалған еден болды. Бекініс қабырғасының ішінен күшті құрылыстардың ізі табылмады. Қабырғалардың бойында саздан және қызыл талдан жасалған киіз үй тәрізді тұрғын үйлердің қатарлары болған шығар, олардан өте әлсіз іздер қалған. Үлкен бекініс қабырғасының артында бір-бірімен байланысты әскерилендірілген халықтың едәуір бөлігі паналануы мүмкін, ал цитадельді алмастыратын шағын бекіністе аймақтық басшысы немесе ханның өзі болуы мүмкін. Екі бекініс бір-бірінен ені 3 м, тереңдігі 3-4 м ормен бөлінген. Олардың арасындағы қарым-қатынас тек жаулар басып кірген жағдайда шағын бекініске кіруді жауып тастайтын көпірдің көмегімен ғана жүзеге асты. Ішкі ғимараттар мен шатырлар туралы мәлімет жоқ. «Бұл артында ғимарат жоқ, жай ғана қабырға болып, ол жерде киіз үйлер мен шатырлар тұрған болуы әбден мүмкін». Алаш ханның бекінісі, сол атаумен Қара-Кеңгір өзенінің оң жағалауында, Жезқазғаннан солтүстікке қарай 60 км жерде орналасқан кесенемен бір мезгілде салынғаны сөзсіз (Маргулан, 1950, 95 б.).

Топырақ Қорған қалашығы. Қалашық Ұлытаудың солтүстік бөктерінде, Алашахан қаласынан оңтүстік-батысқа қарай 4 км жерде орналасқан. Құрылымы жағынан ол оған ұқсас, моңғол уақытына дейінгі пайда болған қорғаныс қабырғаларының түріне жатады. Қабырғалар қиыршық тас, тас және малтатас қоспасы бар саздан жасалған. Жоспарда бұл бұрыштық мұнаралардың қалдықтары бар негізгі нүктелерге бағытталған шаршы. Бекініс ені 4-5, тереңдігі 3-4 м болатын шұңқырмен қоршалған. Бекіністің көлемі сыртқы өлшем бойынша 80х80 м. Бекініс қабырғасының ішінде жазық биіктіктер түріндегі құрылымдардың іздері сақталған.

Нөгербек Дарасы көне қалашығы Қазақстан Республикасы Қарағанды облысының Ұлытау ауданында орналасқан. Айбас-Дарасы жанында, одан солтүстік-шығысқа қарай 4 км, бұрыштары мен қабырғаларының ортасында мұнаралары бар трапеция түріндегі тас пен кірпіштен қаланған бекініс қамал.

Қалашық одан шығысқа қарай орналасқан. Қамал үлкен шатқалдың тереңдігінде, тұйық шеңберді құрайтын тау ағындарымен қоршалған жерде тұрғызылған. Қала жоспарын 1941 жылы геолог Б.М. Чудинов түсірген. Жоспардан Нөгербек дарасы Айбас дарасына қарағанда күрделі құрылым екенін байқауға болады. Трапеция түріндегі мұндай айқын жоспар сирек кездеседі. Бекініс қабырғаларының көлемі: ұзындығы 82, ені 78 және 55 м, қабырғасының қалыңдығы 4-5 м. Бұрыштық мұнаралардан басқа, қабырғалардың ортасында орналасқан қуатты қаптал мұнараларының қалдықтары сақталған. Бекініс қабырғасының ішінде бес тұрғын үйдің қалдықтары байқалады. Олардың барлығы тікбұрышты, олардың үшеуі ұзартылған, ең үлкені 375 м^2, орташа – 250 м^2, кіші – 150 м^2. Барлық тұрғын үйлер батыс қабырғаға жақын орналасқан. Ашық орталық алаң мен бекіністің

шығыс жартысы мал шаруашылығына арналған. Бекініс қабырғасының айналасында таспен қапталған үш құдықтың қалдықтары табылды. Ең үлкені бекіністің ішінде, екіншісі – оның батыс жағында, үшіншісі – солтүстік-шығыс бұрышында орналасқан. Ағыстардың бойында ескі арықтардың, егістік пен бақтың іздері көрінеді. Ескерткіштің ең бекіністі бөлігі - бекіністің солтүстік-шығыс бөлігінде орналасқан цитадель. Цитадель екі бөлікке бөлінген. Шығыс бөлігінде ішкі кеңістікті үш бөлмеге бөлетін қабырғалар бекітілген. Ескерткіштің жанында заманауи зират орналасқан. Қалашықтың биік учаскелерінде үлкен және орташа мөлшердегі тастардың қабір үстіндегі үйінділер түріндегі этнографиялық уақыттағы жерлеу орындары орналасқан. Кейінгі жерлеулердің бір бөлігі қоныстың бекініс қабырғасының бетінде орналасқан (Естемесов, Утубаев, Бирмуханова, 2018.).

Орда Базар (Домбауыл) қалашығы. Бұл Ақ Орда (XIV-XV) кезеңінде пайда болған және оның иелері үшін резиденция болған бекіністің қалдықтары. Қалашық Ұлытау ауданының Арғанаты тауларында орналасқан. Ұлытау даласындағы Алаш хан бекінісінен кейін бұл қуатты және ірі бекіністердің бірі. Бекініс күйдірілген кірпіштен тұрғызылған, қалың қабырға мен терең ормен қоршалған. Оның кіре берісінде және бұрыштарында биік мұнаралары болды, ал қабырғаларының ішінде күйдірілген кірпіштен қаланған цитадель болды. Қалашық батыстан шығысқа қарай ұзын осьпен бағытталған, жоспары бойынша төртбұрышты. Қабырғаларының ұзындығы 85 және 53 м, биіктігі 2 м-ден 8 м-ге дейін. Цитадельдің көлемі 28х30 м. Ордың шеңбері 102х74 м, ені 8-12 м, тереңдігі 4 м құрайды. Бекіністің шығыс қабырғасына кірпіштен жасалған қосалқы ғимарат іргелес болды, онда жауынгерлер мен қызметшілер өмір сүрген болуы мүмкін. Қамалдың айналасында бақ қалдықтары, егістік жерлер, бақша дақылдары, сондай-ақ суару желісі сақталған. Ә.Х. Марғұлан қоныста ортағасырлық Орда-базар қаласымен сәйкестендіреді.

Кеңгір өзенінде орналасқан *Ақсай (Ескі орда)* қалашығы Хафиз Таныш хабарлаған Сарайлы сарайымен сәйкестендіріледі (Маргулан, 1978, 31 б.). Бұл қоныс Ж.Е. Смайылов Шотқара деп атайды. Қалашықтағы қазба жұмыстары XIII–XIV ғасырлардағы ғимараттар кешенін анықтады (Естемесов, Утубаев, Бирмуханова, 2018, 60 б.).

Басқамыр қалашығы Жезді өзенінің сол жағалауында, Жезді кентінен солтүстікке қарай 23 км, Ұлытау кентінен оңтүстікке қарай 60 км жерде орналасқан. Қалашықтың орнында бір кездері қуатты қабырғалармен және ормен қоршалған ортағасырлық бекіністің қалдықтары. Дуал төбелеріндегі жақтар әрқайсысының өлшемі шамамен 80 м. Ертеде қоныстың ортасында бүйірлерінде көлемі шамамен 25 м болатын цитадель (орда) болған. Басқамыр сияқты жан-жақты бекінген және стратегиялық тұрғыдан жақсы орналасқан қала Ұлы Дала тарихындағы сол немесе басқа кезеңде мемлекеттің саяси және экономикалық орталығы бола алады деп болжауға болады. Орта ғасырларда қала осы өлке тұрғындарының шаруашылық өмірінде маңызды орын алды, ол арқылы керуен жолдары өткен (Сатбаев, 2017, 75 б.). Бұл цитадель мен қапталдағы мұнаралары бар үш қуатты қабырғамен қоршалған ортағасырлық қамал қалдықтары.

Аяққамыр қалашығы (Темір Құтлұқ, Бала хан) Жезді өзенінің оң жағалауында, аттас аудан орталығынан солтүстікке қарай 8 км, Басқамыр қалашығынан оңтүстікке қарай 15 км, Жезқазған қаласынан солтүстікке қарай 48 км жерде орналасқан. Қоныстың орталығында аттас кесене бар, бәлкім, ерте орта ғасырлармен мерзімделеді. Қоныс сынық кірпіштермен өрнектелген топырақ үйінділерден тұрады (Сатбаев, 2017, 75 б.). Мамандардың айтуынша, үйінділердің диаметрі орта есеппен 36 метрге дейін, биіктігі 0,5 метрден 1,5 метрге дейін жетеді. Бұл кірпіштен және күйдірілген кірпіштен салынған көп камералы үйлер туралы болуы мүмкін. Біздің ойымызша, қазіргі Аяққамыр қирандыларының ортағасырлық Сарайлы, Тұрайлы қоныстарымен сәйкестендірілуі бекер емес. 1972 жылы оны Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясының қатысушысы С. Жолдасбаев зерттеді (Жолдасбаев, 2017, 22 б.). Аяққамыр қазбаларында XIII-XV ғасырлардағы кера-

микалық материалдар табылды. Егіншілікпен айналысқанының дәлелі ретінде орақтың сынықтары табылды.

Найзағара қонысы Қаракеңгір өзенінің сол жағалауында, Жошы хан кесенесінен оңтүстік-батысқа қарай 6-7 км жерде орналасқан. Қыстақтың ұзындығы 35х30 м, төртбұрыш түрінде. Барлау қазбасы (4х5 м) жасалып, оны қазу кезінде көптеген керамика сынықтары табылды. Табылған керамиканың көлеміне сәйкес, қалашық аумағында қыш ыдыстар жасайтын шеберхана болғанын болжауға болады. Ыдыс-аяқ сынықтарында сақталған ою-өрнекті талдау Сырдария жағалауындағы елді мекендермен жақын ұқсастықтарды көрсетіп, XIII-XV ғасырларға жатқызады.

Далалық Ертіс Өңірі

Қараоба қалашығы - Шідерті өзенінің Жалаулы көліне құятын жерінен 50 км жоғары орналасқан үлкен төбе. Бұл күйдірілген кірпіштен салынған маңызды қаланың қалдықтары. Екі жүз жыл бұрын, оны академик И.П. Фальктың қызметкерлері тексергенде, оның ішкі қабырғалары көк түсті шыны массасымен қапталған (Фальк, 1825, 19 б.). яғни олардың сынықтары Ұлытау даласында кездесетін жылтыратылған плиталармен қапталған.

Әулиекөл қалашығы Павлодар облысының Екібастұз ауданында, Екібастұз қаласынан солтүстік-батысқа қарай 50 км жерде, Өлеңті өзенінің Әулиекөл көліне құятын жерінде орналасқан. Көне қоныс қалдықтардың төбесінде орналасқан, оны жергілікті халық Қараоба деп атайды. 2005-2006 жылдары археологиялық зерттеу және барлау қазбалары жүргізілді, нәтижесінде ескерткіш ортағасырлық орданың қалдықтары болуы мүмкін деген болжам жасалды және орта ғасырларға жататын тұрғын үй құрылыстарынан, суару жүйесінен және қорымнан тұратын кешенді білдіреді (Смагулов, Жанисов, Казизов, 2009, 228 б.). Табылған заттардың ішінде керамика сандық жағынан ерекшеленеді. Ол көзеші шарығында жасалған қолөнер бұйымдарының қызыл саздан жасалған сынықтарымен ұсынылған. Негізінен көлденең толқынды сызықтар түріндегі ою-өрнек ыдыстың жоғарғы және ортаңғы бөлігін қамтыды. Қазақстанның далалық аймағындағы осындай керамикалық бұйымдар Сарайшық пен Жайық қалашығының керамикалық кешендерінде де кездеседі.

Каспий даласы:

Сарайшық Қалашығы. Сарайджук қаласы (Сарайджук) – Сарайшық қалашығы – Қазақстанның батысындағы Жайық өзенінің аңғарындағы ең ірі қала болды. Сарайшық қалашығы аттас ауылдың аумағында, Атырау қаласынан 50 км биіктікте орналасқан және сөзсіз ортағасырлық қаланың қалдықтары болып табылады. Қалашықты зерттеу мен қазуды 1950 жылы Ә.Х. Марғұлан басқарған археологиялық экспедиция жүргізді (Тасмагамбетов, Самашев, 2001). Қаланың тарихы мен ескерткіштің сипаттамаларының жеткілікті егжей-тегжейлі сипаттамасын да жасаған.

Жайық Қалашығы. Жайық ортағасырлық қалашығы Батыс Қазақстан облысы Орал қаласынан оңтүстікке қарай 12 км жерде, Шаған өзенінің жайылмалы арнасынан пайда болған байырғы жағалау бетінде орналасқан. Біраз жылдар бойы ескерткіш «Мәдени мұра» мемлекеттік бағдарламасы аясында зерттелді (Сдыков, 2009, 7 б.). Қалашықтың ауданы шамамен 8 гектарды құрайды. Қалашыққа тұрғын үй кешендері, өндірістік және қоғамдық мақсаттағы ғимараттар – жерасты жылыту жүйесі бар шығыс моншасы, кірпіш пеші және керамикалық пештердің қалдықтары кіреді.

Осылайша, орта ғасырлардағы көптеген дереккөздер мен археологиялық қазбалардың айғақтарына сәйкес, Сарыарқа (XIII-XIV (XVғғ.) аумағы қол жетпейтін таулы жерлерде (Ұлытау, Кент таулары) және өзендер мен батпақтармен қоршалған жерлерде (Бозоқ қалашығы) жақсы нығайтылған немесе орналасқан көптеген қоныстардың болуымен сипатталды. Олар жақсы ұйымдастырылған экономикалық құрылымның, осы аумақтарды мекендеген тайпаларға тән жоғары мал шаруашылығы мәдениетінің бірігуінің және көшпелі тайпалардың отырықшы және жартылай отырықшы өмір салтына өтуіне мүмкіндік беретін егіншіліктің дамуы арқасында пайда болды.

Пайдаланылған әдебиеттер

Артықбаев Ж.О. Есіл-Нұра – екі су. Ақмола облысы жер-су атауларының құпиясы. – Нұр-Сұлтан: Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, 2021. 368 б.

Акишев К.А., Хабдулина М.К. Результаты пятилетних раскопок городища Бозок // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: сб. матер. науч. семин. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. С. 25-40.

Акишев К.А. Городище Бозок: семантика планиграфии и функции // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: сб. матер. науч. семин. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. С. 13-19

Естемесов Е.А., Утубаев Ж., Бирмуханова А. и др. Городище Ногербек-Дарасы: отчет о НИР (заключительный). Улытау, 2018. 95 с.

Жолдасбаев С.Ж. Қазақ елінің XV–XVIII ғасырлардағы тұрақты мекенжайлары. Астана: Қазақ ғылымизерттеу мәдениет институтының баспа тобы, 2017. 304 б.

Khabdulina M.K., Bilyalova G.D. Exchange and transfer of Golden Horde era cultural achievements in the burial complex of the Eastern Dasht-i-Kypchak // Stratum plus., Iss. 6. 2017. P. 43-53.

Маргулан А.Х. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана: сб. ст. Алма-Ата, 1978. С. 3-37.

Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1950. 122 с.

Путешествия Ибн Батуты. Арабский мир и Центральная Азия / пер. с араб. Н. Ибрагимова, Т. Мухтарова. Ташкент, 1996. 332 с.

Сакенов С.К., Кукушкин А.И., Бурбаева С.Б. и др. Исследование средневекового производственного цеха на городище Бытыгай // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, №4. С. 267-283.

Смаилов Ж.Е. Памятники археологии Западной Сары-Арки (средневековые городища и поселения). Балхаш: ЖезУ, 1997. 63 с.

Сатбаев К.И. Доисторические памятники в Джезказганском районе. Караганды, 2017. 166 с.

Севастьянов Д.П. Некоторые данные о древностях Атбасарского уезда по наблюдениям 1910 г. от Атбасара до Улытау // Отчет ЗСОРГО за 1911 г. Омск, 1912. С. 19-20.

Смагулов Т.Н., Жанисов А.Т., Казизов Е.С. и др. Работы на археологическом комплексе Аулиеколь в 2009 г. // Об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2009 г.: отчет. Алматы, 2010. С. 228-231.

Сдыков М.Н. Городище Жайык. Уральск, 2009. 65 с.

Скрижинская Е.Ч. Записки Иосафат Барбаро // Барбаро и Контарини о России. Параграф 30 «Путешествие в Тану». Л.: Наука, 1971. 275 с.

Тасмагамбетов И., Самашев З. Сарайшык. Алматы: Берел, 2001. 320 с.

Утемиш-хаджи. Чингиз-наме: факсимиле, перевод, транскрипция, примечания, исследования В.П. Юдина / сост. Ю.Г. Баранова. Алма-Ата: Ғалым, 1992. 296 с.

Фальк И.П. Полное собрание путешествий по России. СПб., 1825. Т. 7. 233 с.

УДК 908/902.2

Ж.О.Артықбаев

Қазақ шошаласы: түрлері, қызметі, генезисі және қазіргі жағдайы

Аннотация Зерттеу жұмысы қазақ халқының көне баспаналар түрлерінің бірі ретінде шошалаға арналған. Зерттеу барысында дәстүрлі қазақ қоғамындағы шошала функционалдық маңыздылығын сипаттап, "шошала" түрлеріне типологиялық талдау жүргізілді. Шошала сөзінің жалпы және егжей-тегжейлі этимологиялық сипаттамасы Еуразиялық дала дәстүрлерінің мәдени контекстінде берілген. Еуразиялық кеңістіктегі материалдық мәдениеттің осы үлгісін зерттеу тарихи шыққан жері, эволюция және таралу проблемаларын сипаттайды. Зерттеу жұмысы Ұлы дала жылқы өсірушілерінің шаруашылық мәдениеті аясында "шошалы" тарихи-мәдени маңызын анықтауға бағытталған.

Түйін сөздер: шошала, қазақ халқы, киіз үй, тошала, шош, шошақ

Аннотация. Статья посвящена одному из древнейших видов жилищ казахского народа – шошале. В ходе исследования проведен типологический анализ шошалы с описанием функционального назначения в традиционном казахском обществе. Дана общая и детальная этимологическая характеристика слова шошала в культурном контексте евразийских степных традиций. Исследование этого объекта материальной культуры раскрывают проблемы происхождения, эволюции и распространения в пределах евразийского пространства. Исследовательская работа направлена на выявление историко-культурного значения шошала в контексте хозяйственной культуры коневодов Великой степи.

Ключевые слова: шошала, казахский народ, юрта, тошала, шош, шошак

Тарихнамалық шолу

Күні кеше, біздің ата-аналарымыздың заманында күнделікті қолданыста болған қазақи этнографиялық дүниелер қазір із-түссіз көзден ұшып барады. Өкініштісебебі олар бірнеше мың жыл Еуразияның орталық алқабын мекендеген, көп заман адамзат баласының дамуына тікелей әсер етіп отырған қазақ өркенитенің құндылықтары. Асығып-аптығып заманның соңынан ілескен жақсы, бірақ осы орасан жылдамдыққа ілесеміз деп біз өзіміздің мыңдаған жылдар бойы тіршілігімізге жаратып келген материалдық және рухани құндылықтарымызды керексіз қылып тастап кеткеніміз, жадыдан шығарып ұмытқанымыз жанға батады. Бүгінгі әңгіме бірнеше мың жылдардың арасын жалғаған ғажайып тарихы бар, әуел баста біздің арғы замандағы ата-бабаларымзға баспана болған, бергі замандағы әке-шешелеріміз үшін шаруашалық тұрмысында береке көзі болған шошалаға қатысты. Қазақ этнографиясы мен мәдениеттану ғылымдарының нашарлығын, өзге жұрттың соңында қалғанын біз күн сайын аңғарамыз.

Шошала туралы зерттеулер жоққа тән. Біз қазақ этнографиясы саласындағы еңбектерді ақтарып бір ғана кітаптан тұщымды мәліметерді кездестірдік. Бұл ұлт мәдениетінің жанашыры болған атақты мемлекет қайраткері Ө.Жәнібековтың «Жолайрықта» кітабы. Зерттеуші шошалаға сипаттама бере келе оның қазақ жерінің әр өңірінде «шымнан, қамыстан, қамкесектен, қыштан,тақтатастан тұрғылатынын», тек «Ақмола, Атбасар, Құсмұрын, Жетікөл сияқты бұрын орманды-далалы болып келген аудандарда бес қабырғалы етіліп қиыстырылып жасалатынын, ағаш шаңырағы түндікпен, кіріп-шығатын ойығы –киіз есікпен жабылатынын» жазады. Ө.Жәнібеков пікірінше шошала «қазаққа тән тұрақты мекенжайдың ең көне нұсқасы» (Жәнібеков, 1995, 40 б.). Біз де шошала қазақ жеріндегі адамзат баласы мекен еткен ең көне баспана екенін толық қуаттаймыз.

Шошалаға қатысты біздің көзімізге іліккен екінші бір зерттеу жұмысы Шығыс Қазақстан облысы Сәулет- этнографиялық және табиғи –ландшафттық музей-қорығының қазақ этнографиясы бөлімінің меңгерушісі М.С.Қабдоллаевтың «Шығыста сақталған қазақ баспанасының бір түрі- тошала» деген мақаласы (Қабдоллаев, 2019).

М.С.Қабдоллаев мақалада Шығыс Қазақстан аумағында шошаланы «тошала» деп атайтұғынын ескерте келе 2018 жылы ШҚО Күршім ауданында этнографиялық экспедиция кезінде көрген екі түрлі шошаланы сипаттайды. Оның біріншісі «шарбақ шошала» (шарбақ үй) аталады және қабырғасы шыбықпен тоқылған сегіз тірек ағаштан жасалған. Бұл бөренелер қабырғаны да, төбесін де ұстап тұрады. Есігі ағаш. Пеш кіре берісте орналасқан. Төбенің оң жағында түтін шығатын дөңгелек тесік бар. Шошала іші-сырты сары балшықпен сыланған, ішкі қабырғалары ақталған. Екінші шошаланың қабырғасы саманнан қаланған. Төбесі ағаштардан кесіп қиюластыру арқылы конус пішінімен жасалған. Оның бетін қамыспен жауып, үстінен сарыбалшықпен сыланған. Қабырғалары іші-сыртынан сыланған, ішкі қабырғалары ақталған. Төбесінде төртбұрыш пішінді түндік жасалған. Кіреберісте сол жақта тіктартпа (тіккөмей) пеш бар. Сол жақ қабырғада терезе болғаны байқалады. Информаторлардың атуына қарағанда екі шошала да 1950 жылдары салынған және негізгі үй салынып біткенше тұрғын үй қызметін атқарған (Қабдоллаев, 2019).

Шошала түрлері және қызметі

Шошала қазақ жерінде түгел тараған баспанының түрі, оның кейбір түрлері Қазақстанға көршілес аймақтарда да кездеседі, бірақ әр жерде құрылыс материалдарына байланысты шошаланың аймақтық ерекшеліктері көп. Мысалы, шошаланың қабырғалары, төбе жағы солтүстік өңірде ағаштан бұрап (сруб түрінде, жергілікті қазақтар «ағаштан қиып» деп те айтады) алты, не сегіз қырлы болып жасалады. Қазақ жерінің оңтүстік және оңтүстік өңірлерінде талдан тоқылған шошала жиі қолданылған. Ол үшін биік сырықтар вертикалды қойылады да, олардың арасы талмен тоқылып бекітіледі. Қазақстанның орталық бөлігінде шошаланың қабырғалары тастан қаланады да жоғарғы жағы шошақ түрінде ағашпен жабылады. Қазақ жерінің оңтүстігінде шошала қам кесектен салынады. Кей жағдайда шошала аралас құрылыс материалдарынан жасалады, мысалы негізгі ірге тастан, саман кірпіштен қаланса, жоғарғы жағы ағаштан т.б. Шошаланың барлық түріне ортақ бір ерекшелігі қабырғаларының іші-сырты балшықпен сыланып, жоғарғы жағының шыммен жабылуы. Бұл шошала ішінде қоңыр салқынды тұрақты ұстап тұруға мүмкіндік береді. Қазақ шошаласына ортақ тағы бір ереже – құрылыс қабырғаларында терезе болмайды, оның орнына жоғарғы жағында түндік, яғни төбеде арнайы тесік жасалады. Сонымен бірге тағы бір ерекшелік- солтүстік ағашты аймақта шошала үй ауласында жеке орнатылса, орталық және оңтүстік өңірде негізгі тұрғын үйге жалғас болып келеді. Бүгінгі күні шошала барлық аймақтарда жазғы ас үй, немесе ет басқа тамақ, шаруашылыққа керек заттарды сақтайтын орын, жалпы шаруашалық құрылыс есебінде қызмет атқарады.

1-сурет. Ағаштан қиып салған алтықырлы шошала

Қазақстан жеріндегі шошала түрлерін салыстыра келе біз оның ең тарихи және классикалық түрі Көкше аймағында кездесетін орташа бөренелерден алты қырлы қылып жасалатын түрі деп есептейміз (1-сур.).

Шошала құрылыс материалдарының әр түрлі болуына қарамастан архитектурасы жағынан бір -біріне ұқсас. Оның негізгі ерекшелігі іргетасының шеңбер түрінде болуы, аса биік емес (шамамен 150-160 см) негізгі ірге және шошақ формадағы жоғарғы жағы (170-200 см). Қазіргі күні, әрине, алты қырлыдан төрт бұрышқа ауысқандары көп (2-сур.).

Шошаланың күмбез жағы негізгі іргеден биік болатыны өте қарапайым түсіндіріледі, оның ортасына жер ошақ қазылады да, одан шыққан түтін жоғарыдағы шағын шаңырақ арқылы шығады. Егер күмбез жағы қысқа болса шошаланың іші түтіндеп кетеді. Сол себепті мәселен сіз шошаланың ішінде ет ыстайтын болсаңыз шаңырақты жауып қоясыз.

Шошаланы негізгі іргесін ішінен-сыртынан балшықпен қалың қылып сылап, ал іш жағын ақ балшықпен ақтап қояды, жоғарғы жағы, әдетте 10 – 15 жіңішкелеу ағаштан жасалып, оның үстінен жұқа талмен шабақтап, оның үстінен шыммен жабылады (3-сур.). Шошаланың жоғарғы жағын кей жерлерде, әсіресе оңтүстік жақта ескі киізбен немесе қамыспен жауып, лаймен сылайды. Шошаланың жоғарғы жағы киіз үйге ұқсайды, бірақ конус тәрізді шатыр десек болады.

Орталық Қазақстан жерінде шошаланың төбесін мықты көтеріп ұстап тұру үшін жіңішке дөңбектен төрт бұрышына тіреу қоятын тәжірибе бар, оның төменгі жағы жерге көміліп орнатылады. Бұл шошаланың төбе жағы ауыр шыммен жабылатыны себепті болса керек. Мұндай құрылғы болмаған жағдайда бірнеше жерден бұтақтары бар дөңбек ағаштар орнатылуы да мүмкін. Бұл бұтақты ағаштардың екінші қызметі оларға әр түрлі заттарды, мысалы етті іліп қоюға болады, оны адалбақан деп атайды. Көптеген шошалалардың жоғарғы жағына етті, қарынды, басқа заттарды іліп қоятын бірнеше жіңішке сырғауылдар көлденеңінен бекітіледі.

2 сурет. Қазіргі қолданыстағы төртбұрышты шошала

3-сурет. Қазіргі модерн-шошала

Шошала сөзінің этимологиясы

Шошала атауы қазақ қоныстанған бүкіл далалық өңірде түгел және Оңтүстік Сібір сияқты көршілес аймақтарда да қолданыста болғаны жоғарыда айтылды. Қазақстанның шығыс аймақтарында, Қытай және Моңғол қазақтары арасында шошаланы «тошала» деп атайды, бұл ш мен т дыбыстарының өзара ауысу заңдылығына байланысты пайда болған құбылыс.

Қазақстанның негізгі орталық, солтүстік, шығыс, оңтүстік-шығыс аймақтарында шошала сөзі ас-су сақтайтын, ас пісіретін, құрт қайнататын арнайы құрылыс, немесе ортасында жер-ошағы бар ас үй, шаруашылық үй ретінде қолданылады (кілет, летняя кухня т.б.). Қазақстанның батыс өңірлерінде (Жайық бойы, Сырдың төменгі жағы, Ақтөбе, Ырғыз т.б.) және оған жапсарлас Түркімен, Орынбор жағында шошала деп малға, әсіресе сиырға жәйсіз жәндікті айтады (овод, gadfli). Қазақстанның өзге өңірлерінде бұл ұшатын

сона сияқты жәндікті *сәйгел* деп атайды. Батыс аймақтарда бұл сөз неге жәндікке қатысты айтылады, оны анықтау өте қиын. Бұл мәселе тым ерте кезеңдердегі тарихты, мысалы алғашқы сиыршы тайпалар мен жылқышылар арасындағы қарым-қатынасты да нұсқауы мүмкін. Ұлы дала тұрғындары алғашқы бетте сиырды қолға үйреткені, кейін соның тәжірибесін пайдаланып жылқыны бағындырғаны анық (Артықбаев, 2017).

Біздің ойымызша объективті анализ жасау үшін шошала сөзін екіге бөліп қарау керек. Оның бірінші бөлігі – *шош* - үшкір, сүйір, конус сипатындағы дүниеге, затқа, оқыс мінезге қатысты қолданылады. Мысалы- *шошақ*, немесе *шошаю*, бұдан әрі *шошалаң, шошақай, шоштию* т.б. Бұл мысалдарды әрі қарай өрбітсек – *шошаң-шошаң, шошу, шошымалы* т.б. Сонымен біздің тіршілігімізде кездесетін көп нәрсенің бәрі «*шош*» түбірінен шығады десек қателеспейміз, тіпті шошқа да өзінің атын шошайып тұрған тұмсығынан алғаны анық.

Енді *шошала* сөзінің екінші бөлігіне келейік, бұл жерде мәселе оңай шешіледі. «*Ала*» сөзінің түпкі мағынасы алаша сөзімен, яғни жылқымен байланысты. Бұл тақырыпқа қатысты біздің «алаша» сөзінің этимологиясына қатысты еңбектерімізді қараңыз (Артықбаев, 2017).

Сонымен осы талдауды тиянақтасақ «шошала» сөзінің алғашқы мағынасы түсінікті, ол жылқышы елдің шошақ үйі, яғни конус бейнелі үйі дегенді білдіреді.

Шошала тарихы

Жоғарыдағы этимологиялық талдау шошаланың өте көне ұғым екенін дәлелдейді деген пікірдеміз, яғни шошала алғашқы жылқышылық заманнан- энеолит дәуірінен, біздің жыл санауымызға дейінгі IV-III мыңжылдықтардан қалған асыл мұра. Қола дәуірінің Шағалалы қонысын қазған А.М.Оразбаев осы қоныстан табылған үй-жайларды қайта қалпына келтіру барысында олардың тура шошала типтес болғанын анықтады (4 сурет). Бұл сәйкестік қола дәуірі үйлері мен қазақ шошаларында бірдей кездесетін құрылыс материалдарынан, ішкі архитектурасынан, тіреулерден де аңғарылады (Оразбаев, 1970). «Мир кочевников центра Азии» атты тамаша монографияның авторы С.И Вайнштейн шошала типтес үйлердің сақ (скиф, скуз, ишгуз) заманында да көп қолданылғанын жазады: «Срубные сооружения были, несомненно, известны древним жителям Саяно-Алтая в скифское время, о чем позволяют судить погребальные камеры в курганах Тувы (Саглы, Кокэль, Аржан) и Алтая (Пазырык, Башадар). Этнографтардың пікірінше Сібірдегі Бояр жазбаларындағы (Боярская писаница) ғұн қонысы ағаштан қиып салынған үйлерден тұрады. Ғұндар пайдаланған киіз үйге ұқсас, ағаштан қиып (бұрап) жасалған, мүмкін талдан өрілген жартысфералық шалаш шошаланы көзге елестетеді. С.И Вайнштейн «Дарбазная конструкция кровли срубных жилищ, известная хакасам, бурятам, якутам, тувинцам, также достаточно древняя. Срубные многогранные юртообразные сооружения были известны, вероятно, и средневековым кочевникам Средней Азии, Казахстана, Южной Сибири» дейді.

Ғалымдардың пікірінше ағаштан қиып салған үйлерді Шығыс Еуропаға алып барған дала көшпелілері: «Вполне вероятно, что и выявляемые археологически следы круглоплановых жилищ с углубленными в землю жердями и стенами, обмазанными глиной, встречающиеся в лесостепях Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н.э., принадлежали перешедшим к полуоседлости или оседлости кочевникам этих регионов, знакомых ранее с юртой» (Вайнштейн 1991, с. 47-57).

Біз жоғарыда шошаланың кейбір түрлері Батыс Сібір алқабындағы түркі тілдес халықтарда қолданыста болғанын жаздық. Сонымен бірге шошала типтес тұрғын үйлер саха-якут елінің дәстүрлі материалдық мәдениетінде ерекше орын алған. Саха тұрғын үйі бойынша маман- этнограф Н.К.Данилованың жазуынша «многоугольные постройки весьма часто упоминаются в якутском фольклоре».

Н.К.Данилова саханың ағаштан қиып салған көп қырлы үйлері «*алта(ағыс) кырылаах дьие*» аталатынын жазады және ол көп қырлы пирамида пішінді деп сипаттайды: «Старинные многоугольные срубы имели вид многогранной пирмаиды, у которой срубные стены переходили в уплощенную крышу... В XIX веке и ранеее встречались срубы, стены которых начиная примерно с седьмого венца соединялись, приобретали наклон, и незаметно переходили в крышу, форма которой была близка к полусферической. В центре жилища находися открытый очаг» (Данилова, 2020, 315-б.).

Саха ғалымының суреттеп отырғаны қазақ шошаласына өте ұқсас құрылыс екенін бірден байқауға болады (4-сур.). Екіншіден, «*дьие*» саха тілінен аударғанда тұрғын үй деген мағына береді, яғни саханың «*алта(ағыс) кырылаах дьиесі*» ең әуелі көне тұрғын үй. Үшіншіден, бұл тұрғын үйдің ортасында ошақ болған. Бұл біз үшін маңызды деректер, себебі қазақ шошаласы да әуел баста ортасында ашық ошағы бар тұрғын үй болғаны сөзсіз.

4 сурет. Саха шошаласы

XIX ғасыр ортасынан бастап саха көпқырлы үйлері өзгере бастады. Ең алдымен пирамида сияқты шошақ төбенің орнын топырақпен жабылған жайпақ төбе ауыстырды. Ошақтың орнына пеш салынды. Біртіндеп *алта(ағыс) кырылаах дьиенің* орнын тік төрт бұрышты қарапайым құрылыс басты: «По мере выхода из употребления урасы *(ураса- бұ қайың қабығымен жабылатын саханың жазғы шошақ үйі, киіз үйдің сібірлік варианты-Ж.А.)* и многоугольного жилища четреугольный сруб *(ампаар дьие)* получил повсеместное распространение в качестве летнего жилища». Бұл пікірлерді саха тұрғын үйі туралы жазған белглі ғалымдар Ф.М.Зыков, О.В.Ионова зерттеулері де қуаттайды. «*Ампаар*», қойма, шаруашылық құрылысы мағынасында саха тіліне орыстан келді, бірақ негізі түркі – татар сөзі. Е.Н.Шипова «Словарь тюркизмов в русском языке» кітабында «амбар, анбар- строение для хранения зерна, припасов, вещей или товаров» (Шипова, 1976, 33 б.)

Сонымен шошала жалпы Еуразия алқабындағы тұрғын үйдің, соның ішінде киіз үйдің генезисінде айрықша қызмет атқарды деп есептейміз. Оның тарихы энеолит дәуірінде Солтүстік Қазақстан, Ақмола облыстарының орманды-далалы алқабын, яғни арабты мекендеген қауымдардан басталып XX ғасырдың 80-ші жылдарына дейін жалғасып жатыр. Өзінің тарихи эволюциясында шошала бірнеше кезеңді бастан кешкені, Еуразия далалық алқабында әр түрлі вариацияда сақталғаны жоғарыдағы мысалдардан анық көрінеді. Біз дәл осы орманды-далалы алқап қазақ шошаласының негізгі отаны деп есептейміз. Екіншіден, ағаштан қиып салған алты (сегіз) қырлы шошала Еуразия халықтарының киіз үй пішіндес тұрғын үйлерінің негізі болып табылады. Үшіншіден, егер біз шошаланың әр түрлі нұсқаларын салыстыра отырып оның орманды-далалық алқапта кездесетін ағаштан қиып салған түрі классикалық нұсқасы болып табылатынын байқаймыз.

Қазіргі жағдайы. Ұсыныстар.

Бүгінгі күні орманды-далалық алқаптардағы шағын қазақи ауылдардың азып-тозып кетуіне, Қазақстандағы жаппай қалалану (урбанизация) процесіне байланысты шошаланың тағдыры қыл үстінде тұр. ҚР Мәдениет және спорт министрлігі шошаланы міндетті түрде жоғалып бара жатқан құндылық ретінде айрықша назарға алуы керек;

Тарихы бірнеше мыңжылдықтарға баратын солтүстік өңірдегі классикалық қазақ шошаласын сақтап қалудың ең төте жолы оны музейлендіру. Шошала міндетті түрде Ботай музей-кешенінде, Бозоқ музей кешенінде тұруы керек;

Солтүстік Қазақстан, Ақмола облыстарының жергілікті облыстық мәдениет басқармалары, өлкетану музейлері бүгінгі күні өте сирек кездесетін, бізді сонау энеолит дәуірімен байланыстыратын шошаланы сақтауды шұғыл түрде қолға алуы керек.

***

Сөз соңында шошалаға қатысты деректерді, суреттерді табуға жәрдем жасаған шәкірттерім, мықты этнографтар Саят Ыбыраев пен Зубайда Сурагановаға алғыс білдіремін.

Әдебиеттер тізімі

Артыкбаев Ж.О. Кочевники Евразии в калейдоскопе веков и тысячелетий. Астана-Москва, 2017. 300 с.

Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991. 289 с.

Данилова Н.К. Традиции и новации домостроительства //История Якутии : в 3 томах / Под общей редакцией А.Н. Алексеева. Т. 1. Новосибирск: Наука, 2020. 535 с.: ил., карт.

Жәнібеков Ө. Жолайрықта. Көкейкесті тақырыпқа сұхбат. Алматы, 1995. 115 б.

Қабдоллаев М.С. Шығыста сақталған қазақ баспанасының бір түрі – тошала // Мәдени мұра. № 5, қыркүйек-қазан, 2019. 42-45 бб.

Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка (Шагалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 67-83.

Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке.Алма-Ата: Наука, 1976. 444 с.

УДК 902/908

А.С. Ганиева

Традиции казахского домостроения в Северной Сарыарке (по материалам казахской зимовки Бозок II)*

Аннотация. Статья посвящена результатам археологических исследований казахской зимовки Бозок II. Изучены вопросы строительных технологий, влияние палеогеографического фактора на особенности возведения жилищ, образ жизни и ведение скотоводческого хозяйства. Ключевую роль в хозяйстве региона по анализу остеологического материала животных играло скотоводство. Рассмотрены возможности адаптации казахского народа к природно- климатическим изменениям *с помощью архитектурных хозяйственно-жилых комплексов*. С использованием археологических и этнографических источников создана 3D реконструкция поселения БозокII.

Ключевые слова: Бозок II, кыстау, Нура-Ишимское междуречье, домостроение, хозяйство, новое время

Аннотация. Мақала Бозоқ II қазақ қыстауының археологиялық зерттеулерінің нәтижелерін қарастырады. Құрылыс технологиялары, палеогеографиялық фактордың тұрғын үй құрылысының ерекшеліктеріне, өмір салты және мал шаруашылығын жүргізу мәселелері тигізетін әсері зерттелді. Жануарлардың остеологиялық материалын талдау бойынша өңірдің экономикасында мал шаруашылығы шешуші рөл атқаратыны айқын. Архитектуралық шаруашылық-тұрғын үй кешендерінің көмегімен қазақ халқының табиғи - климаттық өзгерістерге бейімделу мүмкіндіктері қарастырылды. Археологиялық және этнографиялық дереккөздерді пайдалана отырып, Бозоқ II қонысының 3D реконструкциясы құрылды.

Түйін сөздер: Бозоқ II, қыстау, Нұра-Есіл қосөзені, үй құрылысы, шаруашылық, жаңа кезең

Актуальность исследований по истории казахского домостроения в свете полученных археологических данных не вызывает сомнения. Результаты полевых исследований по поселенческой проблематике степной зоны Сарыарки нового времени расскрывают вопросы строительных технологий, их особенностей, взаимосвязь системы жизнеобеспечения с географическими условиями проживания. Вместе с тем решаются вопросы историко-политических перемен, вызванных колонизацией территории Казахстана в XIX в.

Археология нового времени успешно дополняется данными письменных источников. В связи с этим расширяются возможности более полного изучения материалов казахских зимовок. Дневниковые записи, отчеты, легенды, осталенные путешественниками и исследователями степи представляют собой уникальные источники по истории казахского народа

О существовании оседлых поселений и городов на территории Центрального Казахстана мы можем узнать по запискам видных путешественников и ученых, которые не только описывали памятники, также делали их зарисовки. К ним нужно отнести А.И. Левшина, Н. Рычкова, Х. Барданеса, И.П. Фалька, И.П. Шангина, А.Я. Говердовского и др. Муса Чорманов отмечал: «В народных легендах сохранились воспоминания об ужасных драках и побоищах, происходивших за зимовки…» (Чорманов, с. 3), это может говорить о большой значимости кыстау. Хочется отметить, что до XIX в. строительство стационарных

***** *Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования МКИ РК BR10164134 «Палеогеографический фактор в формировании культурогенеза Нура-Ишимского междуречья: особенности домостроения и его эволюция»*

построек на зимовках крайне редко, что делает изучение зимовок этого периода крайне сложными. Исследователь В. Шнэ дает описание зимних сооружений казахов, называя их «шошала» (Шнэ, 1897, с. 24), В. Востров описывал технику постройки деревянных домов казахов (Востров, Захарова с. 5), Н. Харузин в своих работах сравнивал казахские постоянные жилища с жилищами народностей России.

В XIX – начале XX вв. большая часть населения проживающего на территории Казахстана занималось кочевым скотоводством. В системе жизнеобеспечения казахов, важную роль играл каждый объект природы. Знание ландшафта и топографии местности в среде кочевников передавалось из поколения в поколение. Накопленный веками опыт ведения кочевого скотоводства казахи успешно использовали в обеспечении жизненных потребностей. Выработанные знания о климате, травостое, водных ресурсах, маршрутах кочевания позволяли максимально удобно располагать места своих кочевий, используя особенности рельефа и климата. Основным правилом в выборе места обитания являлось наличие водоема.

Исследование казахских стационарных поселений для северной части Сарыарки является актуальной научной проблемой. Здесь, на указанной территории, казахские зимовки изучены неравномерно, целенаправленное же ознакомление с ними проводится только в районе города Астана, в Нура-Ишимском междуречье. Раскопки поселения Саркырама открыли памятник позднего средневековья – *күзеу,* сохранившийся до наших дней (Дукомбайев, 2020, с. 158). Поселение Козыкош состоит из более 80-ти жилищно-хозяйственных комплексов с двумя этапами обживания, начиная с середины XIX века до середины XX века (Тлеугабулов, 2022, с. 28).

В целом, исследование казахских кыстау привлекает внимание многих ученых. Целая череда публикаций последних лет показывает потенциал исследования казахских поселений (Бейсенов, 2020; Бейсенов, Шашенов, Дуйсенбай, 2020; Бейсенов, Ахияров, Джуманазаров, 2020; Ажигали, Турганбаева, 2021). В настоящее время имеется одна монография, посвященная поселениям казахов XV-XVIII вв. (Жолдасбаев, 2017). На необходимость изучения этого типа памятников обращали внимание С. Ажигали, К.А. Акишев, А.З. Бейсенов (Ажигали, 2018, с. 82; Хабдулина, 2014, с. 140; Бейсенов, 2021, с. 8). В работах А.З. Бейсенова изучены вопросы ландшафтной топографии кыстау на территории Сарыарки, выявлена близость с жилищами позднего средневековья юга Казахстана в их планировке, наличии суф, отопительных систем-каны, особенности стен, ниш и т.д. (Бейсенов, 2019, с. 24).

Сведения о традициях казахского домостроения Акмолинского Приишимья пополнили раскопки кыстау Бозок II, который находится на южном берегу озера Бузукты, расположенного в аллювиальной пойменной долине левого берега реки Ишим, в 5 км юго-западнее места традиционной переправы через Ишим – Караоткель.

Кыстау Бозок II в стратегическом и хозяйственно-культурном плане занимает самое удобное положение в Нура-Ишимской ландшафтной зоне. Объект находится между двумя крупными водоразделами в северном регионе Сарыарки. С одной стороны в 5 км к северу, течет река Нура, которая протекает по всей территории Центрального Казахстана и впадает в озеро Кургальжино, в 7 км к юго-востоку с другой стороны протекает река Ишим.

Место богато пастбищными угодьями и водными ресурсами и могло обеспечивать содержание большого количество скота. Вдоль рек Нуры и Ишима залегают типичные пойменные почвы, занимающие полосу от 1-2 до 10-15 км в различных районах. В районе расположения кыстау Бозок II находится граница двух пересекающихся ландшафтных зон. В юго-западной части открывается равнинная степь, а в северо-восточной части начинается лесостепная полоса. Растительность представлена, преимущественно злаковыми травами – Stipa (ковыль), Festúca valesiáca (типчак), Artemisia (полынь, жусан). Заливные луга в долинах обеих рек богаты разнотравьем. Лес представлен отдельными колками и

рощами – Bétula (берёза), Pópulus trémula (осина), Salicaceae (тальник).

Памятник местного значения кыстау Бозок II входит в черту города Астана, расположен в 7,5 км к юго-востоку и в 1,5 км от микрорайона «Уркер» (рис. 1). До раскопок памятник представлял собой 4 прямоугольных сооружения, с неглубокими рвами и расплывшими

Рисунок 1. План расположения зимовки Бозок II.

валами.

Топографическая ситуация и описание объектов до раскопок. В восточной части озера Бузыкты, на высоком берегу зафиксированы руинизированные остатки четырех сооружений. Первое сооружение прямоугольной формы, длинными стенами ориентированное по линии запад–восток. Длинные стены фиксировались в виде оплывших структур высотой 0,15 м, длиной 12 м. Длина коротких стен 7 м. Во внутреннем пространстве прямоугольного строения выявлены стены шириной 1 м. Они формируют несколько отдельных комнат. В юго-восточной части сооружения в стене фиксируется проход в виде разрыва шириной 1 м.

Второе сооружение представлено аналогичной конструкцией, длинными стенами ориентироваными по линии запад–восток. Размеры сооружения 8×12 м. Остатки стен фиксируются в виде расплывшегося вала выстой 0,2 м, шириной 0,8 м. Вокруг всего строения идет небольшой ров шириной 1 м, глубиной 0,1 м.

Сооружение № 3 представляет собой площадку прямоугольной формы размерами 10 × 15 м. Прямоугольная площадка выше на 0,15 м поверхности земли из-за небольшой возвышенности, благодаря чему она выделяется и четко фиксируется. Фундамент строения отмечается как оплывший вал, по нему прослеживаются размеры и ориентировка сооружения. Длинные стены постройки ориентированы с запада на восток, короткие – с севера на юг. На внутренней части заметен фундамент двух межкомнатных стен, которые разделяют сооружение на три равновеликих помещения (или на три комнаты). Подъемный материал не зафиксирован, но следует отметить, что на поверхности до начала раскопок

были собраны мелкие фрагменты обожженного красного кирпича.

Сооружение № 4 расположено ближе к краю берега озера Бузыкты, фиксируется в виде рва глубиной 0,3 м и вала высотой, не превышающей 0,4 м. Сооружение овальной формы, вытянуто длинной стороной по линии запад – восток. Объект длиной 16 м, шириной 8 м. Вал восточной части высокий по сравнению с противоположной частью, где вал практически незаметен. На задернованной поверхности земли хорошо читается полуовальная западная стена сооружения, такие архитектурные особенности часто встречаются на всех зимовках региона. Закругленные углы и стены овальной формы являются признаками адаптации к природно-климатическим условиям. Стены полуовальной формы позволяли минимизировать напор шквальных ветров и сильной метели в осенне-зимнее время. Необходимо отметить, что даже в бытовой речи казахов сохранились словосочетания «жел терісінен соғып тұр», «қар терісінен жауып тұр». То есть умение казахского общества адаптироваться к природно-географической среде с помощью архитектурных хозяйственно-жилых комплексов нашло свое отражение в виде устойчивых выражений, выполняющих коммуникативную функцию (входят в речь).

В целом сооружения №3-4 - это единый архитектурный комплекс, сочетающий в себе жилое строение и примыкающее к нему хозяйственное сооружение, приспособленное для содержания домашнего скота. К сооружению №3 с восточной стороны примыкает вторая постройка.

В традиционном казахском обществе топографически близко стоящие дома имеют свои названия. Дома отличаются назначением: «үлкен үй» – это дом, где непосредственно живет семья хозяина, «кіші үй» – это хозяйственные постройки, здесь также могли проживать семья пастуха или работники.

В качестве объекта археологического исследования за два года полевых работы были полностью раскопаны и изучены сооружения 1, 2, 3.

В 2021 году исследованы развалы двух сооружений, в результате которого изучены два

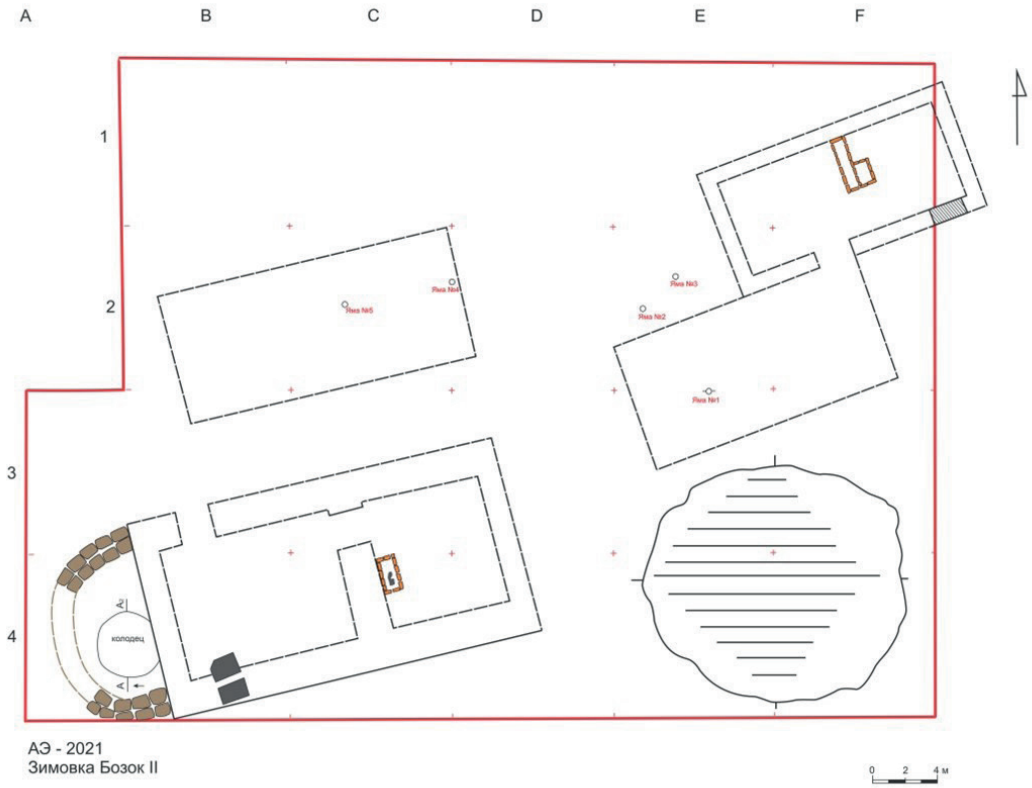


Рисунок 2. Раскоп I. План жилищ 1-2.

стационарных дома с рядом стоящими хозяйственными постройками (рис. 2).

Описание жилого дома № 1. Длинные стены ориентированы с запада на восток, на уровне 0,1 м зафиксированы основания двух длинных стен и одной торцовой стены. Стены представлены кладкой из сырцовых кирпичей. Тщательная расчистка позволила выявить ширину стен и структуру кладки. Ширина стен 1,1 м, она выложена из необожженного кирпича в четыре ряда. Дом прямоугольной формы, длинные стены ориентированы по оси запад–восток. Размер дома 12×6 м (рисунок 2). Межкомнатные стены довольно широкие до 1 м. Они выложены в четыре ряда простыми саманными кирпичами. Торцовая стена, ориентирована по линии север–юг. Общая длина около 6 м, толщина 0,8 м. Состоит из необожженных кирпичей, выложенных в три ряда (рисунок 2).

Расчистка выявила двухкомнатный дом. Размер большой комнаты 6×6,2 м. Стены выложены из сырцового кирпича в четыре ряда. Общая ширина стены 1 м. В северо-восточном углу зафиксирован проход в помещение шириной 0,9 м. В северо-западном углу – проход в малую комнату шириной 0,9 м.

Малая комната квадратной формы 3,5×3,5 м. С восточной стороны к внутренней перегородке пристроена печь из обожженных кирпичей. Длина печи 1,25 м, ширина 0,6 м. Стены выложены в один ряд из стандартных обожженных кирпичей размерами 25×10×5 см. Пространство вокруг печи расчищено от мощного слоя золы, копоти и обугленных дров. У некоторых стен хорошо фиксируются следы прокала.

Внутренняя часть полностью расчищена от сажи и золы. В некоторых местах хорошо сохранился спрессованный слой камыша. Скорее всего, он образовался вследствие обрушения кровли. Совокупность фактов позволяет судить, что дом был двухкомнатным, с толстыми стенами, кровля перекрывалась балками, жердями, спрессованным камышом, а сверху дополнительно утеплялась золой.

Исследование пространства около жилого дома № 1. Вокруг наружных стен жилого дома, зафиксировано крупное скопление золы. Данная традиция характерна для всех казахских зимовок Северного и Центрального Казахстана. Скотоводы нового времени использовали золу в качестве материала для утепления дома, а также для предотвращения прохода воды в весеннее паводковое время.

С западной стороны за пределами торцовой стены дома, обнаружен колодец диаметром 1,5 м. Колодец расчищен до глубины 2 м. При расчистке найдены несколько предметов быта и скелет собаки (рис. 3). Небольшой размер костей, отсутствие отдельных зубов указывают на то, что скелет принадлежит молодой собаке. Учитывая то, что собака на протяжении десятка тысячелетий жила рядом с человеком она занимает особое место в быту и мировоззрении людей. Традиции захоронения собак в археологии встречается довольно часто. Исходя из материалов казахской этнографии, некоторые ученые считают, что ритуальное захоронение собак на стационарных поселениях проводилось в связи с уходом из этих мест человека, и собака должна была продолжать свою функцию сторожа после смерти.

Загон для животных построен параллельно с домом. Кирпичных или каменных кладок не обнаружено. Скорее всего, он был каркасно-столбового типа и строился в виде изгороди из бревен, связанных ветками и жердями. Спрессованный навоз «қи», хорошо фиксируется и занимает площадь 10×5,5 м. Основы деревянных столбов не сохранились. Под навозом они полностью перегнили. Кровля была двухскатной. Балки кровли с одной стороны опирались на центральный поперечный столб, проходящий вдоль всего строения, так называемый «конек». В некоторых местах внизу он поддерживался несколькими вертикально вкопанными столбами, другой конец упирался в длинные стены. При перекрытии кровли использовались жерди, ветки, спрессованный камыш, а затем сверху насыпали золу. В процессе разрушения строения, вся масса кровли упала, что хорошо читается на плане и в стратиграфии.

Рисунок 3. Раскоп 1. Жилище 1. Захоронение собаки в колодце

Описание жилого дома № 2. Второе жилое строение на кыстау Бозок II зафиксировано севернее от дома №1. После снятия первого слоя земли проявились остатки строения прямоугольной формы. Дом ориентирован длинными стенами по линии северо-восток – юго-восток. Общая длина продольных стен 8 м, коротких торцовых стен 4 м (рисунок 2).

Дом состоит из двух комнат, разделенных стенками печи *бесқұдық*, которая обогревала обе комнаты с двух сторон. Длина печной стены 1,75 м, ширина 0,4 м. Стена выложена из обожженного кирпича. Размеры топочной части печи 0,5×0,8 м. С южной стороны развала печи обнаружен железный кинжал. Маленькая комната размерами 3,6×4 м. В юго-восточном углу имеется выход. Большая комната 4,25×4 м, в южной стенке имеется проход в скотный двор шириной 0,9 м.

Стены данного дома толщиной не более 0,5 м. Дом был сооружен из простого саманного кирпича. Сохранилось два ряда кладки у основания. Вокруг внешних стен фиксируется мощный слой золы, что свидетельствует о длительном использовании печи в зимнее время.

Сравнительный анализ архитектурных особенностей двух домов, говорит, что первый жилой дом был построен намного раньше и имел отопительную печь старого типа. В жилом доме № 2 засвидетельствованы новые архитектурные каноны, это, прежде всего, уменьшение толщины стен. При кладке стен обходились двумя рядами кирпичей. Во внутреннем интерьере главной особенностью является печь с пятью колодцами дымохода. Хорошая сохранность нижних кладок печи свидетельствует о применении при строительстве огнеупорного и высококачественного стандартного кирпича 25×10×5 см. Такое теплотехническое сооружение в домах, построенных из самана, давало хороший коэффициент отапливаемости помещения и экономию топлива. В начале XX в. подобные печи широко распространились в жилых домах казахских зимовок, именно в северных регионах страны, что, прежде всего, связано с суровым и затяжным зимним периодом.

Вокруг дома, по всему периметру наружных стен, имеются следы складирования золы. На данном участке с юго-восточной части зафиксированы остатки помещения, скорее всего, это привходовая часть дома, так называемая «веранда».

Так же как и в первом доме, возле второго дома, находилось строение, предназначенное для содержания домашнего скота. Сооружение имеет прямоугольную форму, длинные стены 8 м, короткие стены 4 м. Около скотного двора зафиксировано множество столбовых ям, которые связаны с дополнительными пристройками. В южной части скотного двора, согласно анализу стратиграфии продольных и поперечных бровок, зафиксирован складированный слой навоза мощностью 1,2 м. Чередование слоев спрессованного навоза и речного песка, свидетельствует о том, что загон для скота подчищался один раз в год в весеннее время. Накопленный за всю зиму навоз, в весеннее время вывозился на улицу и складировался. За летне-осенний период он превращался в сухое твердое топливо «қи», использовавшееся для топки в печи в зимнее время.

Судя по полученным данным, хозяйство обитателей кыстау Бозок II базировалось

на скотоводстве. В стаде доминировал крупный рогатый скот, далее шли лошади и в небольшом количестве присутствовал мелкий рогатый скот. В культурном слое обнаружено большое количество изделий из железа, используемые в хозяйстве, среди них вилы, кочерга, детали сепаратора, крючки, сельскохозяйственные орудия труда и т.д.

В северных регионах Казахстана стационарные жилища отличаются по нескольким архитектурным признакам, главным образом они подчинены окружающей среде и ландшафту. При строительстве стационарных жилищ использовались природные материалы: глина, песок, жерди, камыш.

К примеру, стены жилищ 1 и 2, возведены из необожженного кирпича. В строительстве первого дома использовались кирпичи трех стандартов: 60×20×12 см, 25×12×12 см, 40×20×10 см, а при строительстве второго дома обошлись лишь одним стандартом кирпичей 30×12×10 см. Строители предусмотрели холодный и суровый климат и все строения были подготовлены к этому. К примеру, стена первого дома доходила шириной до 1 м и выложена из четырех рядов саманного кирпича. Высота домов не превышала 2,6 м. Длина коротких стен составляла 6 м. Кровля была односкатной, сооружалась из наката бревен и жердей, утеплялась спрессованным камышом, глиняной стяжкой и ежегодно дополнительно подсыпалась золой.

Сырцовый кирпич, учитывая характеристику почв Нура-Ишимского водораздела, от чрезмерной сырости мог разрушаться. Эту проблему жители зимовки решали складированием золы вокруг стен дома. Зола является хорошим водоизоляционным материалом, также ее химический состав не позволял насекомым проникать внутрь. Дома отапливались печами, возведенными по центру, или же печь бес құдық разделяла помещения на две разные комнаты.

Одним из архитектурных решений, связанных с хозяйственной деятельностью, стало возведение хозяйственных сооружений для скота вблизи жилого дома и соединение их общим проходом. Согласно размерам и строительным материалам, которые использованы при возведении, скотный двор был приспособлен для содержания мелкого рогатого скота. При анализе профилей зафиксировано несколько слоев спрессованного навоза, который после сушки под открытым небом использовали как топливо. По этнографическим данным, это топливо «қи», которое формируется только от экскрементов мелкого рогатого скота.

Для тщательного изучения объекта №3 заложен раскоп размерами 16 × 12 м. Раскоп разделен на секторы с оставлением продольных и поперечных бровок с целью фиксирования наложения стратиграфии в процессе раскопок.

Описание процесса археологического исследования сооружения № 3. Раскоп общей площадью 192 кв. м. разбит на секторы и квадраты, каждый квадрат размерами 4 × 3 м. После снятия первых слоев грунта во всех квадратах на уровне 0,2 м по периметру прослеживается фундамент строения. Фундамент возведен из необожженного кирпича – самана (рисунок 4). План жилой постройки прямоугольной формы размерами 12 × 7 м. Ширина стен достигает 1 м, кладка кирпичей произведена в несколько рядов с соблюдением связки. На некоторых участках удалось зафиксировать размер саманного кирпича, который составляет 30 × 20 × 20 см.

Жилой дом состоит из трех комнат, об этом свидетельствуют оставшиеся фрагменты фундамента и кладки межкомнатных разделительных стен. В целом помещение одинаково разделено на три комнаты.

Вход в жилой дом, вероятнее всего, был со стороны восточной комнаты, так как здесь, в юго-восточной части помещения, зафиксирована печь, пристроенная к межкомнатной стене. Остатки печи отмечены темным пятном, размеры пятна составляет 0,8 × 0,6 м. После расчистки пятна ямки заполнены суглинком темного цвета, в некоторых частях

удалось зафиксировать ряды кирпичной кадки, а также обнаружены небольшие фрагменты обожженного красного кирпича. Именно такие типы кирпичей предназначены для постройки домашних печей. Вокруг очага расчищен слой золы и копоти.

Следы другой печи обнаружены в центральной части, которая была пристроена к межкомнатной стенке помещения крайней западной и центральной комнаты. Печи стандартные, размерами 0,8 × 0,6 м. Жилой дом имел две печи; отопительная система устроена таким образом, что первая печь отапливала привходовую комнату, а вторая – центральную и самую крайнюю западную.

Необходимо отметить, что внутренний интерьер был простым, полы помещения, скорее всего, – это стяжки из глины. К примеру, в центральной комнате зафиксирован слой суглинка размерами 1,1 × 1,2 м, высотой 0,3 м. Возведены из пахсовых глиняных бло-

Рисунок 4. Раскоп II. План жилища 3.

ков, которые на 0,3 м возвышаются над уровнем пола помещения и предназначены для лежанки, обычно они пристроены к печам. Подобные лежанки в археологической науке обозначаются таким термином, как «суфа».

За пределами наружных стен по всему периметру видны следы разрушения стен. Процесс развала стен детально зафиксировать не удалось, так как со временем саманные кирпичи под воздействием атмосферных осадков превратились в гомогенную смесь. На данном раскопе по всему внешнему периметру стен разрушения фиксируются как однородная глиняная масса, которая расплылась до нескольких метров.

Элементы реконструкции жилого дома, по данным археологических раскопок. Стены жилого дома возведены из саманного кирпича стандартных размеров 30 × 20 × 20 см. Кладка стен производилась несколькими рядами, с соблюдением связки кирпичей: один ряд кирпичей уложен поперечно, другой ряд – продольно. Внешние стены толщиной достигали до 1 м, следы штукатурки не зафиксированы. Внутренняя обработка стен штукатуркой и известью не отмечена. Вход в дом осуществлялся через юго-восточную часть. Дом оборудован двумя печами, состоял из трех комнат одинаковых размеров 4 × 7 м. Предпо-

ложительно, в каждой комнате было оконное отверстие для обеспечения проникновение солнечного света. Кровля состояла из наката бревен, дополнительно утеплялась слоем камыша и золы, об этом свидетельствует пласт прессованного камыша, расчищенный по всей внутренней площадке строения. Общая жилая площадь дома составляла 84 кв. м. В изучаемый период времени жилой дом принадлежал зажиточному человеку.

Используя комплексные археологические исследования зимовки Бозок II и сведения письменных источников создана виртуальная реконструкция казахской зимовки в программе для 3D моделирования SketchUp.

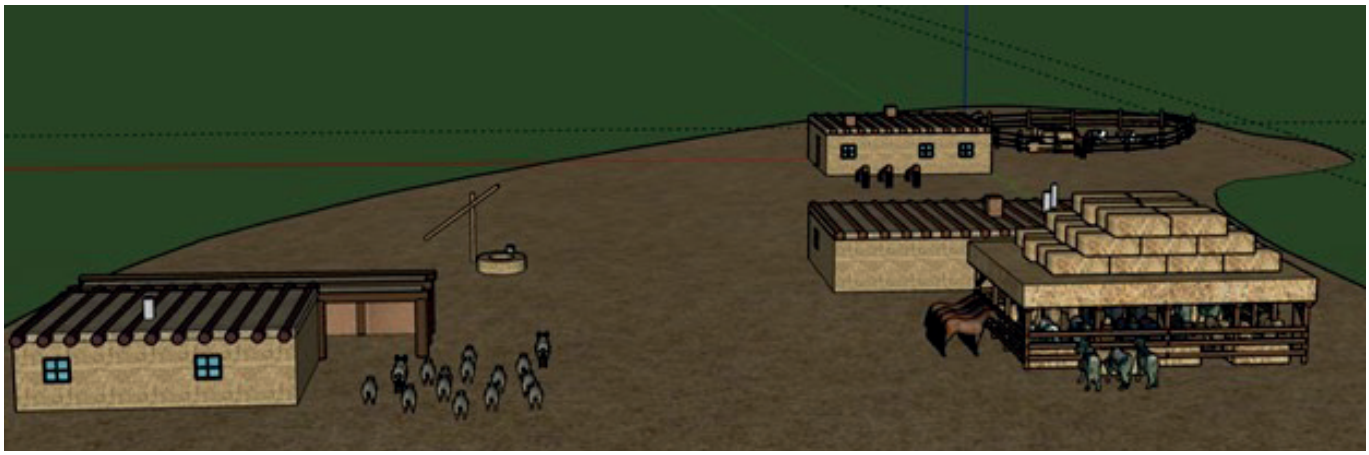


Рисунок 5. Реконструкция зимовки Бозок II

Изучая мировой опыт, хочется отметить, что археологи для успешной реконструкции используют всевозможные методы, выходящие за рамки археологии, это и трасологические и экспериментальные методы исследования. Использование этнографических источников в построении реконструкции позволяет наиболее ярче интерпретировать археологический источник.

Основной подъемный материал на казахских поселениях – кости животных. Остеологический материал, полученный на зимовке Бозок II, изучен в археозоологической лаборатории Института археологии им. А.Х. Маргулана. В результате исследования 293 фрагментов костей выявлено процентное соотношение домашних животных содержащихся на зимовке. Кости животных разбиты по тафономическим признакам, большая часть которых 83% — «пищевые отходы». Помимо костей домашних животных (64,7 %), были идентифицированы кости волка или собаки и кости птиц 98,5% костей происходит от домашних копытных (крупный рогатый скот, лошади, овцы). Остатки крупного рогатого скота составляют 48,1%, лошади – 39,6%, мелкого рогатого скота – 9,5% (Шагирбаев и др., 2022). Остеологические исследования дают возможность проследить за развитием и направленностью хозяйства.

Таким образом, скотоводство имело важное значение в палеоэкономике региона. Об этом свидетельствует большое количество «мясистых» частей скелета (голени и грудины) домашних животных часто встречающихся среди остеологических материалов. Исследования возрастных особенностей животных показали, что в хозяйстве в основном преобладают взрослые животные. Особенно это касается костей крупного рогатого скота. Среди костей крупного рогатого скота встречаются телячьи кости. Обычно при археологических исследованиях наличие скелетных элементов, принадлежащих молодому теленку, может косвенно свидетельствовать о том, что животное использовалось в хозяйстве длительное время и даже определенный период времени. Однако большая часть забитого скота приходится на взрослых животных. В некоторых костях наблюдаются признаки остеофагии (у некоторых копытных, таких как крупный рогатый скот и овцы, в

рационе наблюдается недостаток минеральных веществ, попытки жевать кости, богатой фосфором и кальцием). Наличие таких признаков свидетельствует о том, что животные содержались в специальном сарае на территории зимовки. Это мнение подтверждается обнаруженными при раскопках хозяйственными постройками.

Необходимо отметить, что развитие животноводства, ориентированного на разведении крупного рогатого скота с целью получения молочной продукции и сбыта конечной продукции было непосредственно зависимо от потребностей рынка города Акмола. Становление, развитие и история казахского поселения Бозок II тесно связаны с историей и экономикой укрепленного города Акмолинск. С ярмарок Акмолы на кыстау доставлялись утварь и предметы быта, зимовка, в свою очередь, снабжала город скотоводческой продукцией. Свидетельством тому являются находки изделий из стекла, «кузнецовский» фарфор, монета. Об обработке молочной продукции в промышленных масштабах свидетельствуют находки – части и детали механизированного оборудования для обработки молока, зафиксированные в культурном слое зимовки Бозок II.

Коллекция предметов, найденная при раскопках кыстау, относит время его функционирования к первой половине XIX – началу XX в. Его хозяйство было связано с экономикой г. Акмолинск. С городских ярмарок в кыстау доставлялись утварь и предметы быта, в свою очередь он снабжал город скотоводческой продукцией, об этом свидетельствуют находки металлических гирь. Проведенные стационарные исследования на территории кыстау Бозок II позволили пополнить конкретными фактами и расширить сведения по истории современной столицы Казахстана.

Список литературы

Ажигали С.Е. Судьбы современного памятниковедения на постсоветском пространстве // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 3 (19). С. 74-89.

Бейсенов А.З. Вопросы изучения и сохранения казахских зимовок // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сборник научных статей. Барнаул: изд-во Алтайского университета, 2021. С. 7-16.

Бейсенов А.З. К.А. Акишев и вопросы изучения памятников казахского времени // Маргулановские чтения: Материалы Международной археологической научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. Нур-Султан, 2019. С. 10-38.

Востров В.В., Захарова И.В. Казахское народное жилище. Алма-Ата, 1989. 181с.

Дукомбайев А. Т. Раскопки казахского поселения Саркырама. – В кн. Сакральный ландшафт Сарыарки. Нур-Султан, 2020. С. 136-158.

Жолдасбаев С. Оседлые поселения казахов в XV-XVIII вв. – Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2017. 304 с.

Тлеугабулов Д. Раскопки этнографического поселения Козыкош в Акмолинской области // Қазақстандағы археологиялық зерттеулер – 2021. Астана, 2022. С. 25-29.

Хабдулина М.К. К.А. Акишев и Ишимская археологическая экспедиция // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Том 1. Алматы, 2017. С. 119-125.

Чорманов М. Зимовки или зимние кочевки // Семипалатинские областные ведомости. 1871. № 37. С. 2-3.

Заметки о киргизах Павлодарского уезда // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. 32.- Омск, 1906. Стр. 85-115.

Шагирбаев М.С., Ганиева А.С., Сакенов С.К. Хозяйство казахов Нура-Ишимского междуречья XIX – начала XX в. (по остеологическим материалам зимовки Бозок II) // Қазахстан археологиясы. 2022. № 1. С. 146-163.

Шнэ Е. Зимовки и другие постоянные сооруженииа кочевников Акмолинской области // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. - Кн. 17, вып. 1.Омск, 1894. 80 с.

ӘОЖ 902.21

О.Ж. Ошанов

Жетісу қорғандары – отырықшылық мәдениеттің түп негізі

Аннотация. Мақала Жетісу өлкесіндегі қазақ қорғандарына арналған. Қорғандар тарих ғылымында күні бүгінге дейін назардан тыс қалып келе жатқан ескерткіштердің бірі. Бұл мақалада осы қорған құрылыстарының маңызы алғаш рет қарастырылады. Оның сақталған ерте уақыттағы түрлері сипатталады. Қорғандардың түп тамыры, әрі қорған құрылыстарының Жетісу жерінде қала мәдениетінің пайда болуына себеп болғаны жазылады. Қорған құрылыстары отырышылыққа ыңғайлы тау бөктерлерінде орналасқандықтан, дәл осы жерлерде ортағасырларда қалалар пайда болады. Әрі осы тізбекте сауда жолы дамиды. Осы сауда негізінде сырттан көптеген халық өкілдері келіп орналасады. Түйінді жерлерде үлкен қалалармен қатар рулық немесе жеке тұлғаның шағын қорғандары қатар жасап келгені, әрі бұл құрылыстың қазақ арасында соңғы кезге дейін сақталып жеткені сөз болады.

Түйін сөздер: Қорған, қорғанша, Жетісу, Шу-Талас, қыстау, бекініс, қала, сауда, мәдениет, тарих, этнография.

Аннотация. Статья посвящена казахским курганам (қорған - укрепления) Жетысуского края. Курганы-один из памятников исторической науки, который до сих пор остается незамеченным. В этой статье впервые рассматривается значение этих курганных сооружений. Описаны его сохранившиеся ранние виды. Отмечается, что курганные сооружения стали причиной появления городской культуры в Семиречье. Так как курганы расположены на удобных для оседлости предгорьях, именно в этих местах в средневековье появляются города. И в этой полосе развивается торговый путь. На основе этой торговли со стороны приезжают представители многих народов, появляется новые города. В узловых местах наряду с крупными городами выстроены небольшие курганы отдельного рода или отдельных личности (би, батыров, богачей), и это сооружение сохранилось у казахов до недавнего времени.

Ключевые слова: Корган, корганша, Семиречье, Шу-Талас, зимовки, укрепление, городище, торговля, культура, история, этнография.

Жетісу жерін мекендеген руларды таза көшпелі мәдениетке жатқызу қате түсінік. Сондықтан бұл тұста қазақ қыстауларын зерттей келе С. Жолдасбайұлының «Жетісу қазақтары жартылай көшпелі шаруашылық құрды» деген пікірі дұрыс келеді (Жолдасбайұлы, 1996, 47-б.). Бұл өлкені мекен еткен рулардың мезгілдік қоныстарының арасында күздік және қыстау жерлерінде тұрақты (стационар) құрылыс орындары ерте уақыттан дамыды. К. Байпаков көшпелілердің қыстау жерлерінің маңызы туралы: «Таким образом, путь формирования городов в Северо-Восточном Жетысу начинается с кочевнических ставок убежищ и с поселений, разивавшихся на местах постоянных зимовок» деп көрсетеді (Байпаков, Савельева, 1992 121-б.).

Негізі Жетісу жерінде қыстау орындарынан бөлек тау бөктерлеріндегі күздік және көктеу орындарында қалыптасқан тағы бір тұрақ құрылыс бар. Ол – қорған құрылыстары. Жаугершілік уақытта бұл қорғандар аты айтып тұрғандай қорған, бекініс маңызын атқарған болуы керек. Бұл қорғандарды патша офицерлері әскери бекініс ретінде сипаттайды. Кейін келе қорған құрылыстары негізгі маңызын жойып уақытша мерзімдік баспана, қоймаға айналады.

XIX ғ. Жетісу қазақтарының қоныс құрылыстарының арасында осы қорғандар ерекшеленеді. Бұл құрылыстар негізінен Шу-Талас бойына да тән келеді. Тек Жетісу жерінде бұл

қорғандар өзінің архаикалық формаларын сақтаған. Халық арасында «қорған» аталғандықтан жазба деректерде де (орыс офицерлерінің жазбаларында) «курган» деп жазылған. Сондықтан бұл атауды бізде орысша сипаттамаларда қалыптасқан «курган», яғни оба ескерткіштерімен еш шатастырмауымыз керек. Бұл қорғандар тек қазақ дәуірінде ғана пайда болған құрылыс түрі емес. Яғни, түп тамыры ерте дәуірлерге кетеді. Орналасқан жерлерінде (негізінен тау бөктерлерінде) қарағанда ерте дәуірлерде бұл қорғандардың бірқатары рулық немесе жеке тұлғалық меншіктен шығып, ұлғайа келе қала маңызына дейін жеткен болуы тиіс. Өйткені бұл қорғандардың орналасуы сауда жолының бойына дөп келгендіктен, осы қорғандардан Жетісу жерінде Алмалық, Қойлық, Талғар және т.б. қалалар өсіп шыққан. Шу-Талас бойының қалаларының да ірге тасы осы кішігірім қорғандардан басталуы әбден мүмкін.

Көне қытай жылнамалары (б.д.д. Хань жазбалары) Жетісуда мекендеген үйсін тайпасында қалалардың болғандығы туралы жазады. Үйсін билеушісінің ордасы ретінде Чекүк (Чигу) қаласы айтылады (Ежелгі Үйсін елі, 2005, 245 б.). Жоғарыда аталған қалалар көшпелі рулардың қорғандарынан өсіп шығып, қала мәднеиетіне дейін жеткен түрге жатады. Тіпті XIX ғасырдың өзінде қазақтар Талғар қала-жұртының орнын «Рүстем қорғаны» деп атаған (Валиханов, 1984, б.349; Байпаков, Савельева, 1992, б. 61). Бұл қорған соғу дәстүрі XIX ғасырға дейін жергілікті көшпелі рулар арасында үзілмей келді.

XVIII ғасыр, яғни қазақ-жоңғар кезеңіне жататын қорғанның бірі «Сұлтан қорған» болып табылады. Бұл қорған бүгінде Алматы қаласының ішінде (Шолохов пен Жансүгіров көшесі қиылысы маңында) құрылыс астында кеткен. Аты айтып тұрғандай бұл қорған бас кезде төре тұқымының салдырған немесе пайдаланған құрылысы болса керек. Кейін Жәпек батыр (шапырашты) бұл қорғанның іргесін қайта көтеріп, осы себепті Жәпек батыр қорғаны атпен сақталып келген (Артыкпаев).

XIX ғасырдағы орыс деректері бойынша Қастек пен Ұзынағаш елді-мекендерінің арасында, Қара Қастек өзені бойында Саурық қорғаны болған. Деректерде бұл Саурық қорғанының үлкен жолдың бойында орналасқандығы сипатталады. Есік пен Шелек арасындағы өзендердің бірінің бойында орналасқан Атамқұл қорғаны жайлы А.К. Гейнс толықтай сипаттап жазады. Ол: «Около полудня мы приехали в курган киргиза Атам-кула. Курганом называют здесь роды укрепления, сложенного из сырцового кирпича. Форма обыкновенно прямоугольная. Рва нет. Высота стены более сажени» (Гейнс, 1897, б.512). Жоңғар Алатауының бойында осы тектес қорғандарды көреміз. Жетісуға қоныс аударушыларға бөлінген жердің тізімінде қазақ байларының қорғандары аталады. Мысалы: «Р. Тентек, близ озера Уч-арал, между станицами Урджаром и Лепсою, не в дальнем разстояний от кургана киргиза Бек-султана» деген мәліметтер ұшырасады (Местности Семиречинского края..., 1872, б.38). Түрген бойында да осындай құрылыстар туралы: «Р. Турген, дер. Михайловская, близ кургана Ток-муллы, на дороге в г. Каракол, в 15-20 верстах от выселка Надеждинского» деген мәліметтер осы жайттардың куәсі болмақ (Местности Семиречинского края..., 1872, б.40).

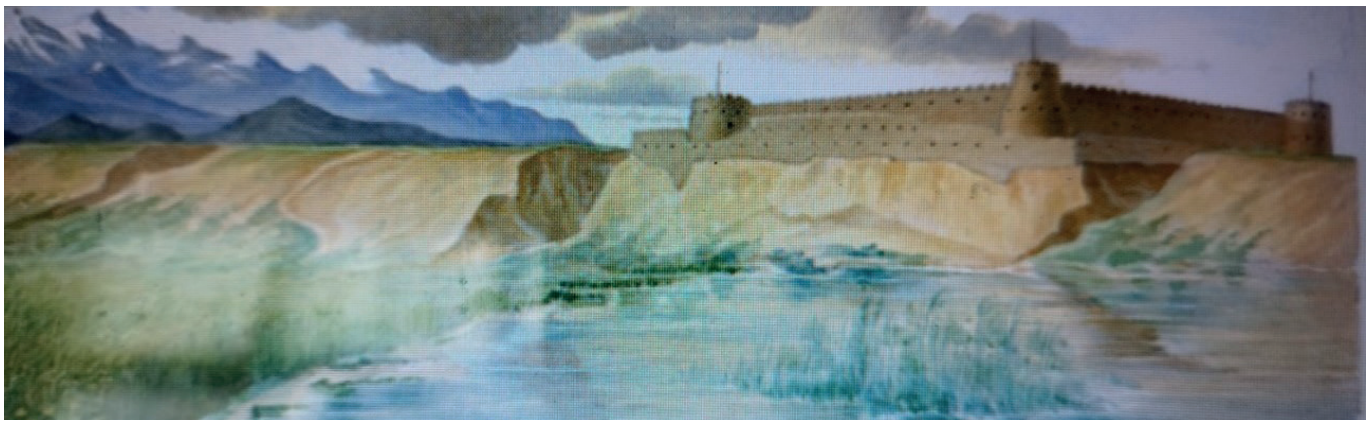
Саурық қорғанының сыртқы сипатын орыс офицерлері мекен-жай емес, керісінше әскери маңыздағы құрылыс ретінде сипаттайды. П. Пичугин бұл турасында: «Курганами вообще зовутся крепости и окопы в киргизской степи; сказанный курган представлял развалины сырцового четырехугольнаго редута, сложеннаго киргизом Сауруком» деп келеді (Пичугин, 1872, б.18). Бұл деректен Саурық қорғанының үлкен жолдың бойында, іргесінен өткен керуендерден жерін басып өткені үшін алым алу және сырт жаулардан қорғаныс маңызын атқарғандығы аңғарылады. А.К. Гейнс бұл қорғандардың маңызы жөнінде «Это рыцарские замки киргиз, желавших иметь влияние или власть над бедными. При храбрости и средствах атаки у киргиз курган так же неприступны, как были неприступны рейнские замки средневековых немецких рыцарей - разбойников. Курганы получили тепер другое назначение – это места складки хлебных запасов богатых киргиз. Такие

курганы охраняют хлеб и от воров и от кабанов, без труда выкапывающих хлеб из ям, в которых киргиз прячут его» (Гейнс, 1897, б.512-513). Бұл тұста орыс офицерлерінің сипттамасына мән берген жөн. Өйткені олар әскери мамандар ретінде барлығы бірауыздан бұл қорғандарды бекініс ретінде қабылдайды.

Міне, бұл деректер Жетісудің қазақтары үшін тұрақты қоныс орындары, қала құрылыстары жат болмағанын дәлелдейді. Әрбір рудың көш жолы бойында, яғни өзен маңында қорғандары болды. Бұл қорғандар жаугершілік уақытта қорғаныс маңызын атқарған. Сонымен бірге бұл қорғандар осы рудың жерінен өтіп бара жатқан керуендерден алым-салық алатын «бекеттік» қызмет атқарған болуы тиіс. Бұл соңғы іс-қимылдар тек орталық биліктің әлсіреп, әр ру өз бетіне қалдырылған кезде немесе ханға да ырық бермейтін беделді ру батырының кезінде жүзеге асырылады. Жоғарыда жазғанымыздай бұл қорғандардың арасында қала деңгейіне дейін өсіп шығатын түрлері болады.

Қорғанның қала деңгейіне жетуі үшін бірнеше факторлар әсер етеді. *Бірінші* кезекте қорғанның түйінді жерде орналасуы. Бұл жағдайда билеушінің таңдауына байланысты қорғанның мемлекеттің астанасы дәрежесіне дейін жету мүмкіндігі бар (Мысалы Алмалық, Тараз және т.б.). *Екіншіден* сырт мемлекеттің жаулап алған жерлерінде елдің бағыныштылғын қамтамасыз ететін бекініс ұстауы. Бұған XIX ғасырда қоқандықтардың Қаскелең бойындағы Тойшыбек бекінісі дәлел. Бұл бекініс негізі жергілікті шапырашты руының өкілі Тойшыбектің салдырған қорғаны болып табылады (сур. 1). Кейін қоқандықтар бұл құрылысты өз мақсаттарына пайдаланған. Сонымен қатар, Әулиеатаны қоқандықтар бекініске айналдырғанда, іргесінде сарттардың соқпа үйлері қаптап өсіп, артынан үлкен елді-мекенге айналады. *Үшіншіден* қорғандардың егіншілікке қолайлы құнарлы жерлерде орналасуы. Көп жағдайда қорғандар бұл талапқа сай келеді. Өйткені қорғандардың басым бөлігі тау бөктерлерінде орналасады. Сондықтан бұл жерлерге отырықшы халық өкілдерінің қоныс аударуына байланысты қорғандар жан-жақты көркейіп, бау-бақшалы қала-мекенге айналады. Отырықшы халық өкілдерінің қоныс аударуы ерікті және мәжбүрлі түрде болды. Соңғысы билеушінің егінші халықтарды еріксіз түрде, күшпен әкеліп қоныстандыруы арқылы іске асырылады. *Төртіншіден* сауда жолы бойында өсіп шығатын қалалар.

Бұл қалалардың барлығы бір уақытта жергілікті рулардан немесе жеке тұлғадан келісім арқылы сатып алынған қорғандар немесе жертелімдері болып табылады. Бұл келісімдер немесе сатып алу түрлі жолдар арқылы іске асты. XIX ғасырда Наманган, Ферған жағында қырғыз руларының қорғандары жайлы және оларды сарттардың қалай сатып алғаны жөнінде В.П. Наливкин өте керемет суреттейді. Көшпелілердің аңқаулығын пайдаланған сарттар оларды «сутегін» бағамен алады. Наманғанда бұндай жерлер 1 жылқы, тіпті 1 кесе бозаға айырбастап жібреген оқиғалар кездескен (Наливкин, 1886, б.34). В.П. Наливкин қорғанды – «қорғанша» (хутор) деп сипаттайды.



1-сурет. Тойшыбек бекінісі

Көңілге қонымсыз жайт бүгінде кейбір зерттеушілер Алатау бойынан түсетін әрбір тау өзендерінің бойында жатқан бұл қорғандарды орынды-орынсыз «Жібек жолының қалалары» деп барлығын бір маңызда қарастырып жүр.

Шу-Талас бойының қалаларының ең бір гүлденген кезі Қарахан мемлекеті кезеңінде болады. Тараз қаласы мемлекеттің астанасына айналады. XIII ғасырдың бас кезінде моңғол шапқыншылығына байланысты Шу-Талас қалалары күйреуге ұшырайды. Шағатай ұлысы кезінде өлкеде тыныштық орнағанымен өлкедегі қала мәдениеті өзінің бұрынғы қарқынына жете алмайды. Моңғол шапқыншылығынан кейін құлдырауға ұшыраған бұл өңірлер өзінің қайта жандануы Ресей империясының 1860 жылдары жаулап алуымен байланысты. Қоқан хандығы кезінде Шу-Талас бойында азда болса тіршілік байқалады. Бірақ бұл сауда орындары қоқандықтар орналасқан бекіністердің (Әулиеата, Меркі, Құлан, Созақ және т.б.) іргесінде ғана болды. Ресей империясының протектаратын өзіне жақсы пайдаланған сарттардың қалашықтары далада тез бой көтере бастайды.

Шу-Талас өңірінде де Жетісудағы сияқты көшпелі қазақ руларының жерлерін сарттардың қонысқа алу әртүрлі жолдармен іске асты. И.Гейер сарттардың қазақтың жерін алуы тәсілдері жайлы, далада жаңа қоныстардың пайда болуы жайлы кеңінен сипатап жазған (Гейер, 1983, б. 93-95). Саудагерлердің жергілікті халықтан қоныс алуда «жерді өзіне ханның сыйлағаны немесе бұрындары сатып алынғаны туралы жалған құжаттар жасау» және т.б. түрлі айла-шараларға барғаны туралы В.Ф. Шахматовтың еңбегінде жақсы көрініс тапқан (Шахматов, 1964, б.190-201).

Осы қорған орындарын археологиялық тұрғыдан зерттеу қазақ тұрақ қоныстарының жаңа бір түрінің ашуда үлкен маңызға ие. Әрі бізге Жетісу, сонымен бірге Шу-Талас бойында қалалардың пайда болуының алғышарттарын түсінуде кең жол ашады.

Әдебиеттер тізімі

Артыкпаев А. Славные сыны Семиречья. К 300 летию батыра Жапека, соратника хана Аблая // Электронный ресурс = http://dalaruh.kz/slavnye-syny-semirechya-k-300-letiyu-batyr-2/feed/

Байпаков К.М., Савельева Т.В. Археологические памятники Семиречья в трудах Ч.Ч. Валиханова // Валихановские чтения (Тезисы республиканской конференции 25-28. III.1992).- Кокшетау, 1992. С. 61-62.

Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Издание второе, дополненное. Алматы, 2005. 188 с.

Валиханов, Т.1 – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Алма-Ата, 1984. 432 с.

Гейер И.И. По русским селениям Сыр-Дарьинской области (Письма с дороги). Т.1. Чымкентский уезд.Ташкент, 1893.

Гейнс, Т.1 – Гейнс А.К. Дневник 1865 года. Путешествие по Киргизским степям // Собрание литературных трудов. Т.I. С.-Петербург, 1897. 594 с.

Ежелгі Үйсін елі (Қытай деректері мен зерттеулер) / құраст.: Ш. Ахметұлы. Үрімжі, 2005. 456 б.

Жолдасбайұлы С. Жетісу тарихы (XVI-XVIII ғғ.). Алматы, 1996.

Местности Семиречинского края, предназначенная для водворения на них поселенцев // Русский Туркестан. Сборник изданный по поводу политехнической выставки. В. I. География и статистика. Москва, 1872.

Наливкин В.П. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. 215 с.

Пичугин П. Вторжение Коканцев в Алатавский округ в 1860 году// Военный сборник. № 5. 1872.

Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964. 206 с.

УДК 902/904

А.Т. Дукомбайев, К.С. Сапарова

Картографирование оседлых памятников скотоводов северной Сарыарки

Аннотация. В разведочных работах обследованы и зафиксированы оседлые памятники в следующих районах Акмолинского Приишимья: Коргалжынский, Ерейментауский, Целиноградский, Жаксынский, Жаркаинский и Енбекшильдерский районы. Общая протяженность поисковых маршрутов составила более 3000 км. В результате разведочных поисков осмотрены и визуально зафиксированы рельефные планы поселений и жилищ в трех природно–ландшафтных провинциях северной Сарыарки. Они наглядно отражают особенности степных домостроительных стандартов конца XIX века, обусловленных природно–экологическими условиями.

Ключевые слова: картографирование, Сарыарка, зимовка, поселение, микрорайон

Аннотация Барлау жұмыстарында Ақмола Приишимьенің мынадай аудандарында: Қорғалжын, Ерейментау, Целиноград, Жақсы, Жарқайың және Еңбекшілдер аудандарында отырықшы ескерткіштер зерттеліп, тіркелді. Барлау іздестіру нәтижесінде Солтүстік Сарыарқаның үш табиғи–ландшафтық провинциясындағы қоныстар мен тұрғын үйлердің рельефтік жоспарлары тексеріліп, көзбен тіркелді. Олар табиғи–экологиялық жағдайларға байланысты XIX ғасырдың аяғындағы дала үй құрылысы стандарттарының ерекшеліктерін айқын көрсетеді.

Түйін сөздер: картаға түсіру, Сарыарқа, қыстау, қыстақ, шағын аудан

Есильской археологической экспедицией было проведено разведочное обследование на территории Целиноградского, Коргалжынского, Есильского, Жаксынского, Жаркаинского, Енбекшильдерского, Аккольского, Буландинского районов Акмолинской области и Нуринского района Карагандинской области с целью фиксации оседлых памятников.

Район исследования входит в состав Атбасарской провинции лесостепной зоны и Тенгизской сухостепной зоны. Атбасарская провинция занимает северное крыло Тенгиз–Коргажынской впадины и расположена к югу от Кокшетауской возвышенности. Высоты равнины постепенно снижаются к долине р. Ишим от 400–450 до 300–260 м. Поверхность междуречий покрыта рыхлыми неоген–четвертичными отложениями, характеризуется преобладанием пологоувалистого рельефа, во врезах речных долин фиксируется палеозойский складчатый цоколь.

Водные ресурсы представлены системой мелких правых притоков р. Ишим: Жыланды (Керегетас), Жабай, Жаман–Кайракты, Аршалы, Баксук, Колутон. Реки преимущественно со снеговым питанием, характеризуются бурным непродолжительным весенним половодьем и крайней маловодностью в остальное время года. Ландшафт довольно однообразен. На пологоувалистых равнинах, прикрытых делювиально–пролювиальными лёссовидными суглинками, наибольшее распространение имеет черноземно–степной тип (малогумусный суглинистый чернозём). Растительный покров представлен разнотравно–ковылково–красноковыльными растительными группировками. На восточной окраине провинции их сменяют более ксерофитные типчаково–ковылковые степи.

Тенгизская провинция занимает пологовогнутую депрессию, ограниченную с севера Атбасарской наклонной равниной, с юга мелкосопочником Сарысу–Тенгизского водораздела, с востока низкогорьями Нияз и Ерейментау. Абсолютные высоты в среднем достигают 300–350 м. На пологих бортах тектонической мульды неглубоко от дневной поверхности находятся слабо дислоцированные слои верхнего палеозоя. На водоразделах

они перекрыты делювиально–пролювиальными четвертичными суглинками, в массивах приречного мелкосопочника они выведены новейшим размывом к поверхности. Палеозойский цоколь в центральном участке погружен глубоко, поверх залегает мощная толща недислоцированных мезо–кайнозойских континентальных осадков, состоящая из древней коры выветривания, озёрных и речных образований. В связи с неглубоким залеганием пород палеозойского цоколя и хорошим дренажем окраинные районы обеспечены пресными подземными водами лучше, чем центр. В западной части провинция дренируется реками Нура, Куланотпес и другими, впадающими в озёра Коргалжын и Тенгиз. В северных и западных районах – бассейны верхнего Ишима и его притока – Терисаккана.

Для зоны междуречья Ишим–Нура–Терисаккан характерен сухостепной ландшафт древнеозёрной суглинистой равнины. До освоения целины здесь располагались типчаково–ковыльные степи на тёмно–каштановых карбонатных почвах. Своеобразием отличаются мелкосопочные каменисто–степные ландшафты на западном побережье оз. Тенгиз, в бассейне р. Терисаккан и излучине р. Ишим в районе г. Державинск в связи с обнажением скальных пород палеозойского цоколя и каолинитовых глин коры выветривания.

На каменистых вершинах и защебнённых склонах сопок и увалов доминируют петрофитные варианты сухой степи. Растительность здесь представлена типчаково–тырсовыми группировками с кустами таволги зверобоелистной. В степях приишимского мелкосопочника встречается овсец пустынный. На пестроцветных каолинитовых глинах формируются, как правило, степные солонцы под полынной и полынно-типчаковой растительностью. На пойменных террасах рек Ишим, Нуры, Куланотпеса, в лиманных разливах и по берегам озёр в районе с. Коргалжын размещаются ценные луговые сенокосы. На низких озёрно–речных террасах в условиях повышенного грунтового повышения господствуют полынно–солянковые группировки на луговых солончаковатых солонцах и солончаках (Вилесов, 2009, 362 с.).

В ходе проведения разведочных обследований было зафиксировано большое количество памятников разных периодов. На сегодняшний день казахское памятниковедение, то есть изучение памятников этнографического времени, относящихся непосредственно ко времени существования Казахского ханства, имеет огромное значение для исторической науки (Ажигали, 2013, с. 38-43). К памятникам этнографического времени относятся: кыстау – зимовки, кыстаки – поселения, зираты – казахские кладбища. Территория Северной Сарыарки представлена многочисленными водоёмами, на берегах которых с древних времён расселялись люди. Изучение данного региона интересно, так как здесь представлены поселения, ранние даты которых достигают бронзового века, например, поселение Талкара VI (с. Амангельды, Аккольский район Акмолинской области), поселение Саргары (с. Покровка, Атбасарский район Акмолинской области). Это позволяет проводить сравнительные анализы поселений бронзового, раннего железного веков и зимовок этнографического времени.

Применение приложений Google Earth pro и Google maps – трехмерных компьютерных программ позволяют не только просматривать космоснимки земли, но и создавать собственные карты по GPS-координатам. В течение последних лет проведена запись географических координат поселенческих памятников, зафиксированных в результате проведения разведочных обследований на территории Северной Сарыарки. Это первый опыт выделения локальных групп и картографирования оседлых памятников.

Терисаккан–Ишимский микрорайон (13 памятников): поселения Кима, Балталы, Жубай, Жубай II, Бузулук III, Гастелло I, Гастелло III; зимовки Балталы II, Балталы III, Интернациональное I, Кировское I, Кировское II, жилое строение Баубек батыр (рис. 1).

Нуринско–Ерейментауский микрорайон (26 памятников): зимовки Козыкош I, Козыкош III, Козыкош IV, Козыкош V, Коянды I, Коянды II, Коянды III, Коянды IV, Коянды V, Коянды VI, Коянды VII, Орнек, Жиенкул, Кызылту I, Кызылту II, Кызылту III, Кызылту

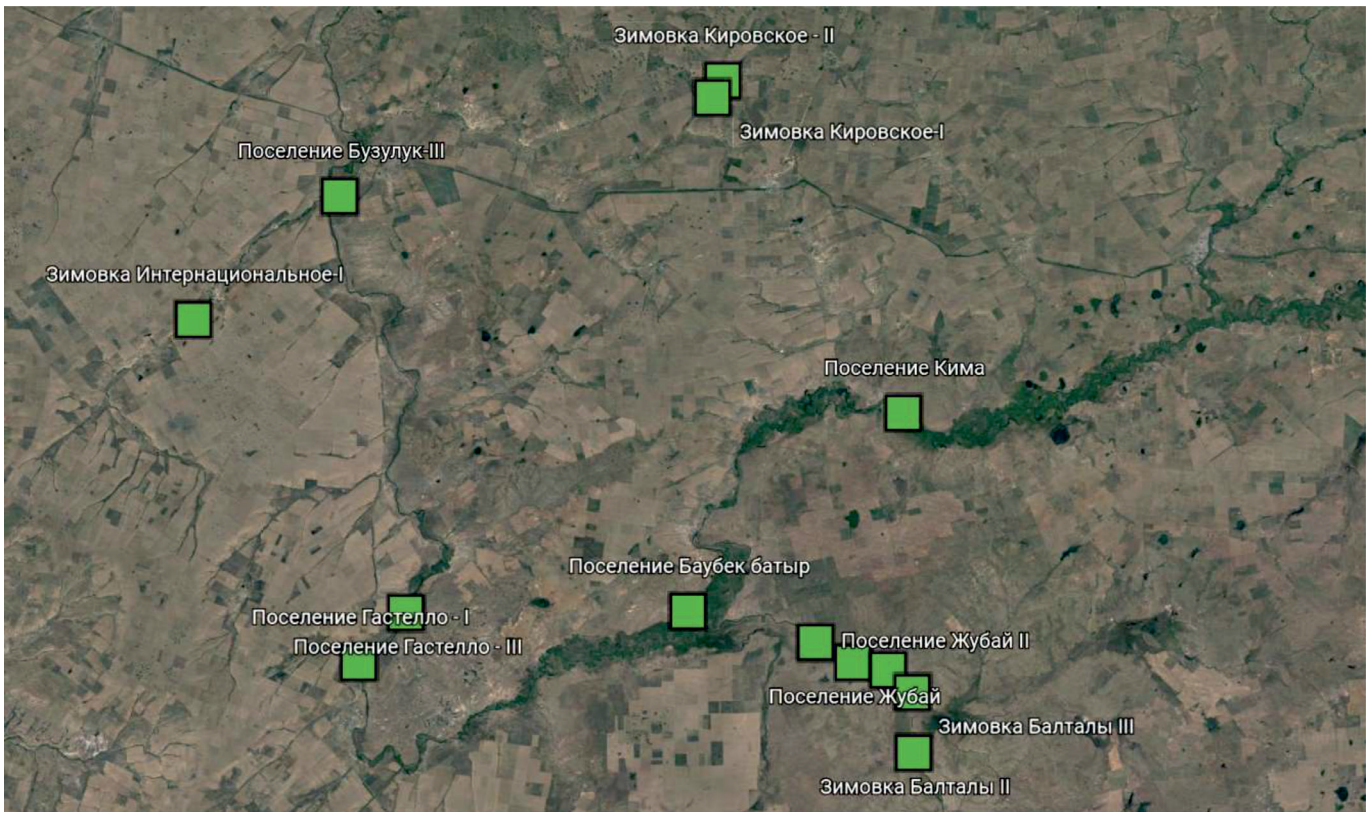


Рисунок 1. Терисаккан–Ишимский микрорайон

IV, Малтабар, Тундыкжаппай; поселения Кабанбай батыр II, Карагайлы I, Карагайлы II, Карагайлы III, Карагайлы IV, Кызылту, Байсары (рис. 2).

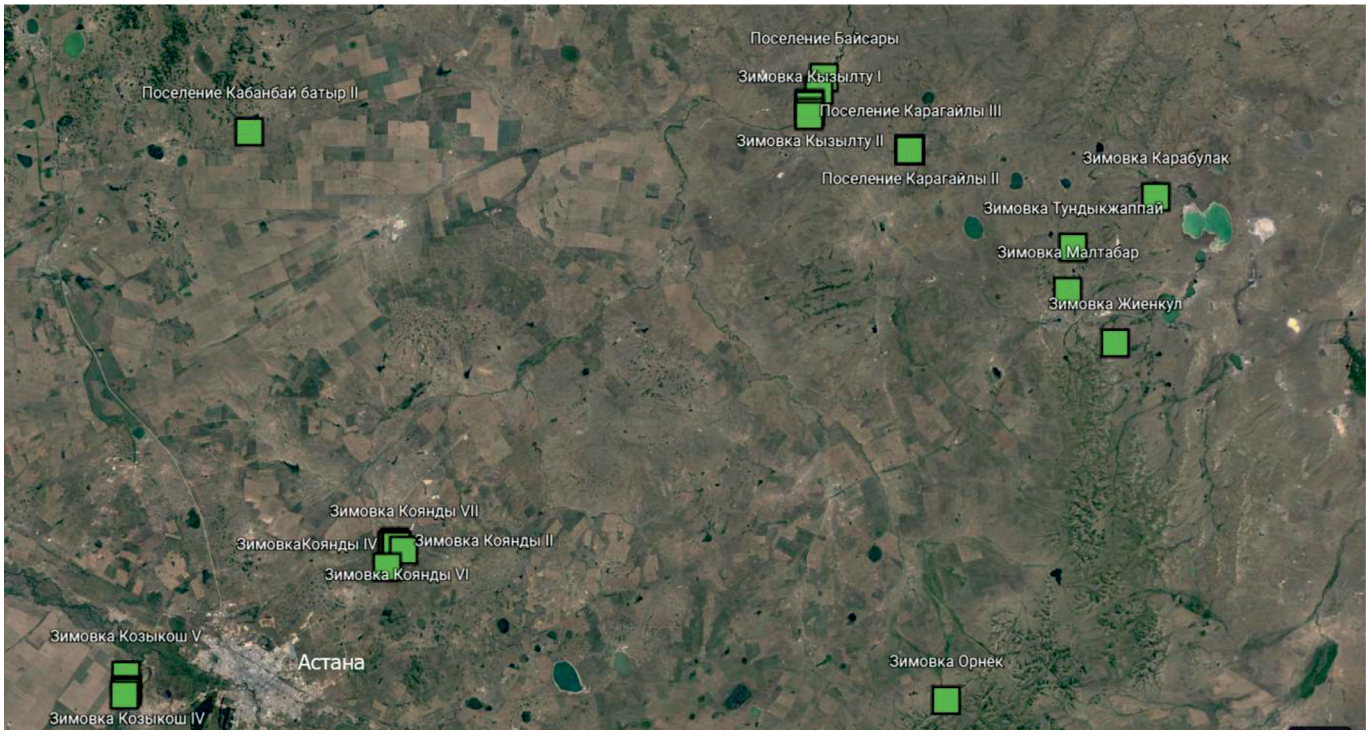


Рисунок 2. Нуринско–Ерейментауский микрорайон

Тенгиз–Коргалжынский микрорайон (9 памятников): зимовки Кызыл Мешит II, Кызыл Мешит V, Кызыл Мешит VI, Кызыл Мешит VII, Есей I, Ак Кулын I; поселения Кургак I, Кургак II, Шалкар (рис. 3).

Рисунок 3. Тенгиз–Коргалжынский микрорайон

Терисаккан-Ишимский микрорайон

Жилое строение Баубек–батыр

Географические координаты С.Ш. 51° 16′28.16′′, В.Д. 67° 06′55.99′′. Высота 250 м над уровнем моря.

Жилое строение расположено на территории с. Кызыл-Ту Жаксынского района Акмолинской области, на правом берегу р. Ишим, напротив впадения реки Терисаккан в Ишим. С запада село Кызылту окаймляют невысокие сопки. Местом летовок являлась сопка Сойгара (известны также следующие её названия - Домалакадыр, Тасказгын, Балкожа), расположенная в 3 км от с. Кызыл-Ту.

Упомянутое строение представляет собой наземное сооружение хозяйственно–бытового назначения. Год постройки жилища – 1920, известно, что оно было построено зажиточным аксакалом Сейтынмуханом из рода сыргылдак (аргын) Среднего жуза, предки которого являются переселенцами из Кокшетауских степей. В настоящее время хозяином жилого строения является Уалиев Канат.

Жилище прямоугольной формы, размером 23×8 м, ширина стен составляеит 60–70 см, высота – 3 м. Размеры комнат – 4×4 м. Вход в помещение с подветренной стороны с севера. Жилище по длинной стене ориентировано по направлению ветра (рис. 4).

Жилое строение состоит из 3–х основных частей: центральной, хозяйственной (ауыз уй) и жилой (тор уй). Центральная часть поделена на коридор и кладовую. У входа в жилую часть с левой стороны установлена печь, в которую вставляли котел–казан (казандык с прямым дымоходом). Дым выходил из отверстия, проделанного в крыше. Слева от центральной части находится хозяйственная часть, вход в хозяйственную часть был расположен со стороны главного входа, имеется также черный выход на хозяйственное подворье, расположенное во внутренней части двора – позади жилого строения и предна-

значенное для того, чтобы выгонять скот. Для северных регионов Казахстана характерной особенностью является соединение хозяйственной и жилой части под одной крышей. Такой вариант домостроительной архитектуры объясняется резкоконтинентальным климатом регионов. Зимой, во время зимней вьюги, буранов, когда видимость становится практически нулевой, люди по возможности не покидали крова. В такое время человек спокойно мог позаботиться о домашних животных, находящихся в стойле, примыкавшем к жилищу.

Жилая часть состоит из 4 комнат: гостиной, кухни и двух спален. Между комнатами – гостиной и кухней имеется вторая печь, расположенная в стене. Сами стены сооружены из саманного кирпича, замешанного на глиняном растворе с добавлением рубленой соломы и конского навоза, снаружи и изнутри оштукатурены и побелены. Толщина саманного кирпича колеблется от 10 до 20 см. Жилище имеет фундамент (из камня, щебня), окна (со стеклами в рамах). Кровля жилого строения перекрыта деревянными балками, которые сверху накрыты камышом, уплотненным глиной и дерном.

В ходе беседы с хозяином жилища нам удалось выяснить, что его предки в нескольких поколениях пасли скот на заливных лугах (тобек), недалеко от дома. По всей видимости, необходимость постоянного присмотра за животными требовала от хозяев строительства дома вблизи пастбища. Наличие рядом необходимых ресурсов: пресной воды, защиты от сильных заносов, холмистого ландшафта, позволяло населению кочевать со своим скотом на незначительные расстояния от зимовок. На незначительном расстоянии от жилого строения находятся загоны для скота, что является свидетельством о преобладающем значении скотоводства в исследуемом регионе (Дукомбайев, 2013, с. 92-93).

Рисунок 4. Жилое строение (там үй) начала XX в.

Нуринско-Ерейментауский микрорайон

Поселение Байсары

Географические координаты С.Ш. 51° 56´42.75´´, В.Д. 72° 37´29.87´´. Высота 232 м над уровнем моря (рис. 5). Поселение состоит из четырёх строений усадебного типа.

Сооружение №1 – усадьба имеет размеры 35×20 м, слабо выражен каменный фундамент, сохранились земляные валы. Фиксируется 8 западин, коридорообразный тамбур и внутренний двор. Усадьба расположена у самого края второй террасы правого берега р. Селеты. С юго–запада окаймляется невысокими сопочными возвышениями. Вход в усадьбу расположен с юго–западной стороны. С восточной стороны к усадьбе примыкает искусственно созданная западина. К юго–западу от жилища тянется система западин, вытянутая по линии СВ–ЮЗ. Всего здесь расположено 6 западин в два ряда, средний их размер – 6 м.

Сооружение №2 – усадьба расположена в 60 м от сооружения №1. Усадьба состоит из трех частей: жилой, хозяйственной и коридорообразного тамбура. Жилая часть размерами 50×17 м, а хозяйственная – 40×17 м, фиксируются 5 западин. Вход в усадьбу расположен с восточной стороны. Коридорообразный тамбур выводит в хозяйственное помещение.

Сооружение №3 – усадьба расположена в 13 м от сооружения №2. Усадьба состоит из жилой и хозяйственной части. Жилая часть размерами 35×17 м, а хозяйственная – 13×17 м, фиксируются 2 западины, большой коридор, ширина стен – 1 м. Вход в усадьбу с западной стороны. Сооружения №2 и 3 расположены напротив друг друга. Проход в хозяйственную часть ведёт из коридора. В юго–западном направлении прослеживаются 4 западины, разделенные между собой небольшим оврагом от талых вод, западины имеют размеры 6×6 м.

Сооружение № 4 – усадьба расположена в 61 м от сооружения №3, расположена на первой надпойменной террасе. Усадьба представляет собой Г–образную форму, жилая часть размерами 26×18 м, фиксируются 7 западин и коридор, ширина стен – 1 м. Вход в жилое помещение с юго–восточной стороны, а в хозяйственное помещение с западной. На незначительном расстоянии от усадьбы расположены два больших углубления, что говорит об использовании данных углублений в хозяйственных целях (предположительно, погреб для хранения продуктов). Хозяйственное помещение размерами 24×13 м, конструкция представлена кладкой из камней.

Рисунок 5. Поселение Байсары

Тенгиз-Коргалжынский микрорайон
Зимовка Ак Кулын I.

Географические координаты С.Ш. 50° 21´373´´, В.Д. 69° 45´206´´. Высота 317 м над уровнем моря.

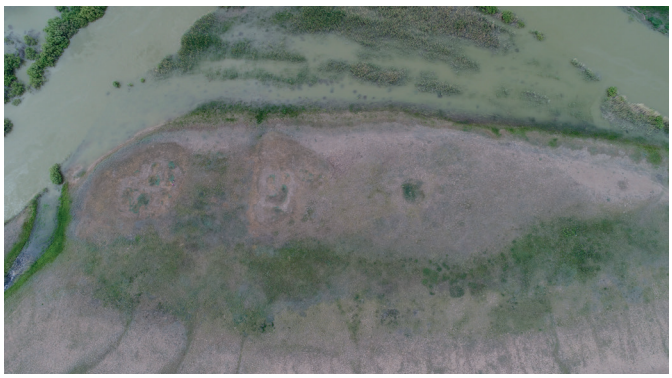


Рисунок 6. Зимовка Ак Кулын I

Развалы сооружений расположены на останце первой надпойменной террасы реки Нура. Терраса продольной осью ориентирована по направлению запад–восток. Примерная ширина – 80 м, длина – 500 м. На ровной площадке террасы фиксируется ряд развалов нескольких прямоугольных сооружений. На её восточном краю хорошо видны строения усадьбы, состоящей из большого дома, от которого на поверхности остались прямоугольные углубления. Прямоугольные очертания отмечены по направлению север–юг, два наиболее четких располагаются параллельно друг другу, они сохранились от двухкомнатных строений. Севернее этих двух впадин выделяются ещё два прямоугольных углубления (рис. 6).

В 35 м западнее видны развалы второго строения. Высота обвалившихся стен составляет примерно 0,5 м. Вторая усадьба такая же крупная, состоит из комплекса жилых и хозяйственных построек, общая длина по направлению север–юг – 24 м, ширина – 13 м.

В 50 м западнее – углубление третьего строения прямоугольной формы, общая длина которого по направлению север–юг составляет – 9 м, ширина – 7 м. На самом западном краю останца фиксируются две современные прямоугольные ямы, в виде колодца (возможно для ловли рыб).

В результате изучения поселенческих памятников Северной Сарыарки, можно говорить о выделении трёх локальных групп наибольшего распространения подобных типов памятников, отличающихся особенностями топографии и планиграфии: Терисаккан–Ишимский, Нуринско–Ерейментауский и Тенгиз–Коргалжынский микрорайон.

Список литературы

Вилесов Е.Н., Науменко А.А., Аубекеров Б.Ж. Физическая география Казахстана: учебное пособие. Алматы: Казак университеті, 2009. 362 с.

Ажигали С. Актуальное направление науки: «казахское памятниковедение» // Мысль. 2013. № 6. С. 38–43.

Дукомбайев А.Т. Конструктивно–типологические характеристики казахских зимовок. К постановке проблемы (опыт обобщения полевых материалов 2012 года) // Материалы 51–й международной научной студенческой конференции МНСК–2013: «Студент и научно–технический прогресс». Новосибирск: НГУ, 2013. С. 92–93.

УДК 94 (570)

К.Г. Аканов

Открытие городища Бозок в истории формирования Астаны в процессе нациестроительства независимого Казахстана

Аннотация. В статье рассматривается история исследования городища Бозок и его место в формировании роли Астаны в процессе нациестроительства независимого Казахстана, Анализируется значимость феномена столиц в мировой практике формирования национальных государств на основе работ ведущих зарубежных ученых. Изучается роль таких инструментов как историческая память и историческое сознание в процессе нациестроительства. Выделяются некоторые причины переноса столицы в город Акмолу, находящийся в северных регионах страны, впоследствии ставший современной Астаной. Особая роль при этом уделяется изучению элементов, связанных с историей города и его историческим прошлым, которое ментально закрепляет северные территории Казахстана с населявшими их кочевыми тюркоязычными племенами, впоследствии вошедшими в состав современного казахского этноса. Анализируется значимость изучения городища Бозок для процесса формирования Астаны как центра политики нациестроительства независимого Казахстана, созданию исторического содержания столичного города и преемственности с кочевыми военно-политическими, торговыми и сакральными центрами Великого Шелкового пути.

Ключевые слова: Бозок, история Астаны, нациестроительство, города, столица, историческая память, историческое сознание, Великий Шелковый путь

Аннотация. Мақалада Бозоқ қалашығын және Тәуелсіз Қазақстанның ұлтты құрушылық процесінде Астананың рөлін қалыптастырудағы оның орнын зерттеу тарихы қарастырылады. Шетелдің жетекші ғалымдарының жұмыстарының негізінде, ұлтық мемлекеттерді қалыптастырудағы әлемдік тәжірибедегі астаналардың феноменінің маңыздылығы талданады. Ұлтты (мемлекет) құрушылық процесіндегі тарихи жады және тарихи сана сияқты құралдардың рөлі зерттеледі. Сондай-ақ, елдің солтүстік өңірінде кейіннен Астана атанған Ақмола қаласына астананы ауыстырудың кейбір себептері де қарастырылады. Бұл ретте қаланың тарихымен және кейіннен заманауи қазақ этносының құрамына кірген, олардың ортағасырлық түркі тектес көшпенді тайпаларын Қазақстанның солтүстік аумақтарында ментальді бекітуге қажет болған, оның тарихи кешегісімен байланысты элементтерді зерттеуге ерекше маңыз беріледі. Тәуелсіз Қазақстанның ұлтты құру саясатының орталығы ретінде Астананы қалыптастыру процесінде, елорданың тарихи мазмұнын және Ұлы Жібек жолының көшпенді әскери-саяси, сауда және қасиетті орталықтарымен сабақтастығын құрудағы Бозоқ қалашығын ашудың маңыздылығы талданады.

Түйін сөздер: Бозоқ, Астананың тарихы, ұлтты құрушылық, қалалар, астана, тарихи жады, тарихи сана, Ұлы Жібек жолы

История открытия городища Бозок имеет тесную связь с процессом созидания новой столицы Казахстана – города Астаны как центра политики нациестроительства в первую декаду независимости, когда начало формироваться ее направление, связанное с закреплением северных территорий, созданием национальных символов и поиском исторических корней. Стоит отметить, что круг работ, посвященных истории становления Астаны, охватывает труды не только историков, но также социологов, культурологов, философов, филологов, архитекторов, государственных и общественных деятелей. В

большинстве своем они отмечают прогрессивный опыт процесса созидания казахстанской столицы.

Из изученных ранее работ, известно столицы играют значимую роль в таком важном процессе формирования государственности как нациестроительство также известном как национальное строительство. Столица здесь как бы выступает своеобразной мастерской по созданию инструментов нациестроительства и регулятором их деятельности. При этом процесс национального строительства происходит беспрерывно на всем протяжении существования государства, видоизменяясь под влиянием актуальных вызовов времени и действий. В процессе нациестроительства столица выступаем символическим местом сосредоточения основных инструментов по формированию сознания нации, в котором этничность сочетается с понятием гражданство.

В процессе нациестроительства история столицы является одним из наиболее важных элементов истории национального государства, формируя интеллектуальный и культурный потенциал нации. Также столица выступает своеобразным хранителем символических ценностей власти и национальной гордости государства, объединяя основную массу его населения и демонстрируя международному сообществу наиболее значимые моменты своего исторического пути.

Так, например известный российский ученый В.И. Россман отмечал, что авеню (проспекты) в столице США в городе Вашингтон носят имена штатов, сыгравших важную роль в становлении американского государства. Здесь можно также обозначить историческое прошлое, достижения современной истории, перспективы будущего и элементы вечных ценностей (Россман, 2016). Британский ученый А. Сатклифф подчеркивал, что на протяжении своего исторического развития столицы часто пребывают в роли участников широких процессов нациестроительства, имеющих судьбоносное значение для жизни всех этносов и граждан государства (Sutcliffe, 2006).

Отдельные исследователи выделяли особую роль таких инструментов как историческое сознание и историческая память, которые формируют тесную связь истории самого национального государства и ментальностью его населения. Чешский ученый М. Хрох полагал, что столицы должны быть исторически связаны с нацией и проводить мероприятия, имеющие большую значимость для истории национального государства (Хрох, 2002). Известный японский ученый Ф. Фукуяма отмечал, что строительство такого типа государства отражало исторический опыт нации, воплощенный в образе столицы, когда политические институты формируют ее культурную и гражданскую идентичность (Фукуяма, 2006). Британский исследователь Э. Смит выделял роль исторической памяти как своеобразной символической структуры в истории столиц, которая служит скрепляющим фундаментом для такой групповой идентичности как нация (Смит, 2004). Поэтому история столицы в процессе нациестроительства имеет особую значимость в сфере исследования роли исторического сознания и исторической памяти.

Стоит отметить, что в числе важнейших мотивов переноса столицы из Алматы в Акмолу многие зарубежные ученые выделяют вопрос закрепления северных территории, которые на начальном этапе становления независимости считались спорными. В ряде работ Ш. Анакера, С. Каммингс, А. Данзера, А. Дениера, Н. Коч, Г. Херца, Э. Шаца, Р. Волфела, где изучается роль Астаны в процессе нациестроительства независимого Казахстана, отметим наличие общей позиции: Казахстан к моменту обретения независимости был единственным постсоветским государством, где титульная казахская нация не составляла абсолютного большинства. Поэтому компактная сосредоточенность «русской общины» в северных и северо-восточных регионах страны создавала вероятность для возникновения сепаратистских настроений, опасность которых, по их мнению, являлась весьма возможной (Щац, 2013; Anacker, 2004; Cummings, 2005; Cummings, 2002; Cummings,

2003; Cummings, 2006; Danzer, 2002; Denier, 2002; Koch, 2010; Koch, 2013; Schatz, 2004; Wolfel, 2002). Определенные опасения казахстанского общества вызывали заявления отдельных представителей российской общественно-политической элиты о территориальной принадлежности северных регионов Казахстана к России (Заявление МИД Казахстана, 1993; Козлов, 1990; Солженицын, 1995). В связи с этим, такие ученые как Г. Дадабаева, Ш. Анакер, А. Дениер, Р. Волфел, отмечали, что переезд столицы, был символическим шагом, которым показывалась решимость казахстанского руководства ответить на актуальные вызовы периода становления независимого государства. Важным шагом здесь являлось обоснование исторического и этнонационального происхождения Астаны (Дадабаева, 2009; Anacker, 2004; Denier, 2002; Wolfel, 2002).

Неслучайно в работах первого Президента Казахстана Н.А. Назарбаева «Казахстанский путь» и «В сердце Евразии» история Астаны освещается в контексте тематики последовательного заселения территории Акмолинской области многочисленными кочевыми народами, составивших основу процесса формирования казахского этноса. Особый упор делается на том факте, что вблизи от места современного расположения города Астаны размещалось средневековое поселение – городище Бозок, которое как предполагают археологи, являлось ставкой Кипчакского ханства. Последовательно рассматриваются стадии исторического прошлого региона от эпохи древности и средневековья вплоть до современного периода, от средневекового городища Бозок до современной Астаны, когда город стал столицей независимого государства Республики Казахстан (Назарбаев, 2005; 2006; 2017). Действующий Президент Республики Казахстан К.К. Токаев отмечал, выступая на торжественной церемонии открытия форума городов – побратимов столицы «25-летие Астаны. Новые перспективы. Новые возможности», что летопись Астаны имеет тесную связь, переплетенную с историей Независимого Казахстана (Токаев, 2024).

Другие казахстанские исследователи также выделяли важность изучения исторического прошлого Астаны для формирования гражданственности, являющейся ключевым элементом в процессе нациестроительства. Например, Г.А. Алпыспаева подчёркивала, что история Астаны имеет содержательный и богатый смысл необходимый для формирования у казахстанской молодежи такого представления об истории родного края, которое будет достаточным для воспитания чувства патриотизма и уважения к истории своей страны (Алпыспаева, 2008).

Важный смысл в изучении истории Астаны отмечал А. Смайыл, говоря о «легковесности» столицы не имеющей исторического корня, отсутствие которого может негативно сказаться на процессе понимания прошлого этноса, населяющего данную территорию. Выявление археологами средневековых городищ вблизи Астаны, одним из которых являлось городище Бозок направлено на заполнение существующих лакун в историческом образе столицы (Смайыл, 2006, с. 7). К.М. Ильясова и С.А. Багдатова подчеркивали, значимость выявления глубинных истоков Астаны от средневекового городища Бозок, что способствует задаче по сохранению «многовековой истории столицы» и её исторической преемственности (Ильясова, Багдатова, 2018).

Археологи отмечают, важность процесса исследования и открытия городища Бозок, осуществленный Ишимской стационарной археологической экспедицией деятельность которой начинается в 1997 году и совпадает с началом процесса переноса столицы в город Акмолу. Именно тогда начинается планомерное изучение окрестностей нового политического центра Казахстана, задачами которого являлось выявление известных в трудах исследователей истории края поселенческих комплексов и установление их «исторической значимости» (Свиридов, Тлеугабулов, 2023, с. 543).

В следующем году на первом торжественном совместном заседания палат Парламента Республики Казахстан, проведенном в новой столице, принимается Указ, согласно

которому 1998 год объявлялся Годом народного единства и национальной истории. Этот акт стал своеобразным двигателем процесса, в рамках которого в республике выходит ряд важнейших работ по истории Казахстана: «История Акмолы (XIX – начало XX века): исследования, источники, комментарии» Ж.К. Касымбаева, сборники документов «Прошлое Казахстана в источниках и материалах» под редакцией профессора С.Д. Асфендиярова, «Грозный 1916 год» в 2-х томах, работы А. Байтурсынова: «Исследования по казахскому языкознанию», сборник избранных произведений Х. Досмухамедова, собрание сочинений Ж. Аймауытова в пяти томах и др. (Нурмаганбетова, 2003, с. 125). А. Свиридов и Д. Тлеугабулов отмечают, что в связи с данными инициативами руководства страны археологические исследования в окрестностях новой столицы вошли в число не только научных, но и государственных задач (Свиридов, Тлеугабулов, 2023, с. 3-6).

Необходимо добавить, что исследование степных просторов Сарыарки являлось частью общегосударственных инициатив по изучению исторического прошлого Казахстана, в рамках которого выдвинуто инициативное предложение о составлении археологической карты окрестностей Астаны (Назарбаев, 2005, с. 76). Параллельно также осуществлялись поиски и раскопки оседлых памятников средневековой эпохи в Нура-Ишимском регионе. Уже осенью 1998 г. в непосредственной близости от столицы в верховьях р. Ишим удалось найти руины городища, названного по тюрко-огузскому гидрониму близ расположенного озера «Бузук». Согласно найденным К.А. Акишевым письменным источникам, так у предшествующих тюркам племенных объединений хунну и усуней назывались восточные владения. Впоследствии городище было названо «Бозок», в тюркском прочтении означающее как «боз ок – светлая стрела» (Хабдулина, 2008, с. 3-6). Директор научно-исследовательского института археологии имени К. Акишева при Евразийском национальном университете М. Хабдулина, отмечала, что термин «бозок» имел тюрко-огузское происхождение, а само городище могло носить значимость как «военно-политический и культовый центр Приишимья в X-XII вв.» (Хабдулина, 2008, с. 7). По последним данным городище датируется VII (VIII) – XVI вв. (Свиридов, Тлеугабулов, 2023, с. 543).

Согласно исследованиям К.А. Акишева, городище первоначально являлось ставкой кыпчакского султана, соплеменники которого являлись носителями тюркского этнического элемента. В своем историческом развитии Бозок прошел путь от одной из ставок кыпчакских владений до городского поселения с развитой жилой структурой и ирригационными сооружениями, находящегося на перекрестке караванных путей Великого Шелкового пути. В эпоху Золотой Орды район городища превратился в культовый центр и место погребения представителей степной знати (Акишев, 2008, с. 16-17).

Таким образом, для процесса формирования Астаны, открытие городища Бозок являлось символически важным фактом, как для обоснования нынешней роли города, так и в процессе закрепления территории за кочевыми предками современных казахов. Проведение указанных мероприятий демонстрировало населению республики историческую преемственность формирования столичного города, истоки которого идут от средневекового городища Бозок, имевшего военно-стратегическую, торговую и сакральную значимость. Помимо того, в современном процессе нациестроительтсва независимого Казахстана наличие данного городища способствовало исполнению задач по созданию исторического содержания, патриотического воспитания и национальной гордости казахстанцев.

Список литературы

Акишев К.А. Городище Бозок: семантика планиграфии и функции // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: матер. междунар. полевого семинара. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. С. 13-19.

Алпыспаева Г. Астана в новое и новейшее время. Астана: АО «Астана» полиграфия, 2008. 276 с.

Дадабаева Г.Р. «Становление и развитие моделей новых независимых государств Центральной Азии в постсоветский период (1991 – 2005)». Диссертация на соискание ученой степени д-ра исторических наук. 07.00.03 – всеобщая история. Республика Казахстан. Алматы, 2009. 318 с.

Заявление МИД Казахстана // Акмолинская правда. 1993. Декабрь. 1.

Ильясова К.М., Багдатова С.А. Астана: эволюция столиц Казахстана // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. 2(123)/2018. С. 39-48

Козлов В.И. Национальный вопрос: парадигмы, теория и политика // История СССР. 1990. №1. С. 3-22.

Назарбаев Н.А. В сердце Евразии. Алматы: Атамұра, 2005. 192 с.

Назарбаев Н.А. Казахстанский путь. Караганда, 2006. 372 с.

Назарбаев Н.А. Эра независимости. Астана, 2017. 508 с.

Нурмаганбетова Р.К. Движение Алаш и Алаш-Орда. Историография проблемы. 1920-1990-е годы XX века. Алматы, 2003. 153 с.

Россман В.И. Нации, национализм и символизм столичных городов // Матер. секционных заседаний и дискуссий 16-х междунар. Лихачевских науч. чтений. М., 2016. С. 449-451.

Свиридов А.Н., Тлеугабулов Д.Т. Городище Бозок – уникальный памятник степной Сарыарки: история изучения и осмысления // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 15. 2023. С. 542 – 554.

Смайыл А. Астана. История столицы и края XIV-XIX вв. – Астана: Фолиант, 2006. 292 с.

Смит Э.Д. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / пер. с англ. А.В. Смирнова, Ю.М. Филиппова, Э.С. Загашвили и др. М.: Праксис, 2004. 464 с.

Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. Изд-во, 1995. Т. 1. 720 с.

Токаев К.-Ж. К. Президент принял участие в форуме городов – побратимов Астаны, посвященном 25-летнему юбилею столицы // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. (Дата публикации: 05.07. 2023). URL: https://www.akorda.kz/ru/prezident-prinyal-uchastie-v-forume-gorodov-pobratimov-astany-posvyashchennom-25-letnemu-yubileyu-stolicy-565051 (Дата обращения: 04.01. 2024).

Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / пер. с англ. М.: Act Москва: хранитель, 2006. 220 с.

Хабдулина М.К. Предисловие // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: матер. междунар. полевого семинара. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. С. 3-11.

Херц Г. Астана становится столицей // Астана. Архитектурный путеводитель / Сост. Ф. Мойзер. Астана: Фолиант, 2017. С.52-57.

Хрох М. От национальных движений к сформировавшейся нации: процесс строительства нации в Европе // В кн.: Нации и национализм / пер. с англ. и нем.; сост. Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Праксис, 2002. С. 122-146.

Щац Э. Когда столицы переносят: политическая география национального и государственного строительства. When Capital Cities Move: The Political Geography of Nation and State Building // Логос №4 [94], 2013. С. 109-142.

Anacker Sh. Geographies of Power in Nazarbayev's Astana // Eurasian Geography and Economics, 2004, 45. № 7. P. 515-533.

Cummings S. Kazakhstan. Power and the Elite. New York, 2005. 202 p.

Cummings S. Kazakhstan an uneasy relationship – power and authority in the Nazarbaev regime // Power Change in Central Asia / Edited by Sully N. Cummings. London and New York. First published in 2002. P. 59-74.

Cummings S. Eurasian bridge or murky waters between east and west? Ideas, identity and output in Kazakhstan's foreign policy // Journal of Columnist Studies and Transition Politics, 2003, 19:3. P. 139-155.

Cummings S. Legitimation and identification in Kazakhstan // Nationalism and Ethnic Politics, 2006. 12. P. 177-204.

Danzer A. Battlefields of Ethnic Symbols. Public Space and Post-Soviet Identity Formation from a Minority Perspective // Europe-Asia Studies. November 2009, Vol. 61, № 9. P. 1557-1577.

Denier A. National territory and the Reconstruction of History in Kazakhstan // Eurasian Geography and Economics, 2002, 43 № 8. P. 632-650.

Koch N. The monumental and the miniature: imaging «modernity» in Astana. // Social & Cultural Geography, Vol. 11, № 8, Dec. 2010. P. 769-787.

Koch N. The 'heart'of Eurasia? Kazakhstan's centrally located capital city // Central Asian Survey. 2013. Vol. 32, №2. P. 134-147.

Sutcliffe A. Foreword // In book: Planning Twentieth Century Capital Cities. – New-York: Routledge, 2006. – 302 p.

Schatz E. "What Capital Cities Say About State and Nation Building," // Nationalism and Ethnic Politics, Vol. 9 (2004). P. 111-140.

Wolfel R. North to Astana: Nationalistic motives for the movement of the Kazakh (stani) capital // Nationalities Papers, Vol. 30. № 3, 2002. P. 484-506.

УДК 902.3

Ы.С.Құрманиязов, Қ.Ғ. Шақшақов, К.Г. Абильмаликов, Ю.Б.Тихонов

Ботай қонысындағы ашылған үйлер орындарын сақтау және музейлендіру тәжірибесі*

Аннотация. Мақалада тарихи-мәдени мұраларды сақтау үшін жиі қолданылатын реконструкция, реставрация, консервация, музейлендіру терминдеріне анықтамалар беріліп және қазіргі таңда ескерткішті қазба жұмыстарынан бөлек сақтау қайта қалпына келтіру мәселесі мен Қазақстан аумағындағы қазіргі таңдағы музей қорықтар жайлы ақпараттар ұсынылып отыр. Ашылып зерттелгені 43 жыл толып отқан Ботай қонысындағы археологиялық қазба жұмыстары нәтижесінде құнды тарихи археологиялық деректер алынды. Соның ішіндегі ботайлықтардың құрылыс үй салу өнері және архитектурасына қатысты ғалымдар тұжырымдар пайда болды. Қазіргі таңда Ботай қонысын ашық аспан астындағы қонысқа айналдыруға байланысты біраз жұмыстар жасалынып жатыр. 2023 жылы Ботай музей-қорығы тарапынан ашылып зерттелген жертөлеге қалпына келтіру жұмыстары жүргізіліп, соның нәтижелері ұсынылып отыр.

Түйін сөздер: Ботай, Солтүстік Қазақстан, археологиялық зерттеулер, тарихи-мәдени мұра, музейлендіру, қайта қалпына келтіру, туризм

Аннотация. В статье даны определения наиболее часто используемых для сохранения историко-культурного наследия терминов реконструкция, реставрация, консервация, музеефикация и представлена информация о том, что в настоящее время сохранение памятника отдельно от раскопок является важным вопросом реставрации и информация о музейных заповедников на территориях Казахстана. В результате археологических открытий и раскопок в течение 43 лет на поселении Ботай получены ценные исторические сведения. В том числе, появились выводы ученых относительно искусства и архитектуры строительства домов ботайцев. В настоящее время реализуются работы по созданию поселения Ботай в музей под открытым небом. В 2023 году со стороны музей-заповедника «Ботай» проведены реставрационные работы на обследованном доме.

Ключевые слова: Ботай, Северный Казахстан, археологические исследования, историко-культурное наследие, музеефикация, реставрация, туризм

Археология ғылымында концервациялау,реконструкция,реставрация және музейлендіру атаулары қазіргі таңда жиі қолданыста жүр. Бүгінгі таңда тарихи-мәдени мұра мен табиғи қорықты сақтау мәселесі ерекше өткір болып тұр. Қазіргі адам өмір сүріп жатқан қоғамда бұлардың сақталуына әлеуметтік, рухани, саяси мән береді.

Ескерткіштерді музейлендіру тәжірбиесінде концервациялау, реконструкция, реставрация терминдеріне анықтамалар беретін болсақ, Бейсебаев Асқардың 2008 жылы шығарылған «Археологиялық терминдер» сөздігі еңбегінде консервация дегеніміз – «Зерттеу жұмыстарын жүргізілген археологиялық ескерткішті сақтауға қою әдісі. Археологиялық консервацияның бірнеше түрі бар. Ескерткішті қорғау мақсатында жай ғана көміліп тасталатын (мысалы, жергілікті халықтың күйдірілген кірпішті құрылыс материалына алып кетуінен, т.б сақтайтын) Консервацияның дөрекі түрі қазір қолданылмайды. Консервация ескерткішті қирап тозудан сақтауға және оны реконструкциялау мен реставрациялау үшін қолданылады. Консервация сондай-ақ археологиялық қазба жұ-

** Зерттеу жұмысы Қазақстан Республикасы Мәдениет және спорт министрлігінің№ BR10162994 «Ботай қонысындағы археологиялық ғылыми-эксперименттік зерттеулер және Ботай мәдениетін жеткізгіштердің қамтамасыз ету жүйелерін, өмір салтын және дүниетанымдық-киелі мән мәтіндерін модельдеу» жобасы аясында дайындалды.*

мыстары кезінде табылған нәзік және тез бұзылатын бұйымдар өз ортасынан шығарылып алынып,басқа ортаға түскенде тез бүлінуінің алдын алу мақсатымен бірден сақтауға қою үшін де қолданылады» (Бейсебаев, 2008, б. 30-31). Ал, археологиялық реконструкция термині – «қалпына келтіру – жекелеген бөлшектері, қалдықтары, үзік-сынықтары бойынша ғимараттың, бұйымның, киімнің, адам яки жануардың, т.б пішіні мен кескіннің өзіне ұқсас бұйымдар, құрылыстар, тірі организмдердің анатомиясы жайында қолда бар білім негізінде қалпына келтіру » деп қазақша анықтамалар ұсынған.

Еуразия құрлығы Қазақстан аумағында тас ғасыры, қола дәуірі, ерте темір дәуірі, орта ғасырлық ескерткіштер көптеп орналасқан. Оларға кешенді қазба жұмыстарынан бөлек сақтау, келер ұрпаққа насихаттау үшін бірнеше археологиялық тарихи музей қорықтар ашылуда.

Олардың ішіндегі археологиялық: Ботай, Таңбалы, Берел, Отырар, Сарайшық, Бозоқ музей қорықтары жұмыс жасауда. Бұл музей қорықтары қорғайтын ескерткіштер аумағында археологиялық ізденістер бағыттары жүргізіліп, қайта қалпына келтіру жұмыстары қолға алынып, ашылған нысандар ашық аспан астындағы музейге айналуда (Құрманиязов, Абдимальков, Әлібай, 2021, б. 12-23; Железняков, 2017, б. 165-166, Жұмабекова, Базарбаева, Чотбаев, 2017, б. 841-845; Байпаков, 2017, б. 717-728).

Ботай халықаралық археологиялық экспедициясының 43 жыл бойы үздіксіз жүргізілген зерттеу жұмыстары барысында Ботай қонысынан өте бай археологиялық материал жиналды және бірқатар шетел ғалымдарының ғылыми ізденістері мен зерттеулері Қазақ даласындағы үй құрылысына қатысты бірталай ғылыми жаңалықтар ашты (сур. 1.).

Ботай қонысындағы соңғы зерттеулердің арқасында 6000 жылдан астам уақыт бұрын Қазақстанның ежелгі тұрғындарында болған әлеуметтік-экономикалық және дүниетанымдық контексттердің жоғары деңгейі туралы айтуға мүмкіндік беретін маңызды нәтижелер алынды. В. Ф. Зайберттің пікірінше, бұл адамдар-алғашқы жылқышылар, олар экожүйені тиімді пайдалану дағдысын меңгеріп қана қоймай, сонымен қатар күрделі құрылыстарды салуға да бел буды. Оның дәлелі ретінде Ботайдың ежелгі архитектуралық мәдениетін негізге ала отырып, ғалымдармен бірлесе отырып жасалған ботайлықтардың тұрғын-үйлерінің эксперименталды макетін тілге тиек етуге болады. Мамандар тек сыртқы келбетін ғана емес, сонымен қатар тұрғын үй интерьерінің элементтерін де қалпына келтірді. Бұл тұрғын үй, сондай-ақ ботайлықтардың басқа да шаруашылық және діни ғимараттарының макеттері мемлекеттік бағдарламалардың басқа ғылыми нәтижелерімен бірге біздің еліміздің ежелгі тарихының аса маңызды беттерін баяндайтын ашық аспан астындағы тағы бір бірегей қазақстандық брендке айналатыны сөзсіз (Зайберт, 2011).

Осылайша, соңғы алты мың жыл ішінде Еуразиялық мәдениеттердің қарқынды жаңалығы дала өркениетінің аграрлық және әлеуметтік-мәдени салаларындағы тарихи серпіліс болды. Ат-көлік коммуникациясы дәуірінің басталуына бастау алған ботайлықтардың пассионарлығы Ұлы дала мен адамзаттың өзара қарым-қатынасы моделін мың жыл алдыға анықтап берді (Зайберт, 2019, 76-85).

Сондай-ақ осы ботай мәдениетінің дамуы мен трансформациясының нәтижесінде адамдардың табиғи процесстерді күнтізбелік тұрғыда қабылдау және жылқы шаруашылығының экономикалық тұрғыда қоршаған ортада күрт артуы себебінен далалықтардың психологиялық және мәдени менталитеттері қалыптасып, орныға түскен еді.

Қазіргі таңда Ботай қонысы және Солтүстік Қазақстанның ежелгі тарихы және археологиясына арналған В.Ф.Зайбертің «Энеолит Урало-Иртышского междуречья» (1992), «Тайны древней степи» (2007), «Ботай мәдениеті» (2009), «Ботай – у истоков степной цивилизации Казахстана» (2012). «Сакральные контексты ботайской культуры» (2018), «Ботай» (2021) қазақ, орыс, және ағылшын тілінде еңбектері жарық көрген.

Ботай қонысында нағыз сәулетшілік тәсілдермен үйлердің орындары анықталып қазба жұмыстары жүргізіліп нәтижесінде Ботай үйі құрылыс жайлы көптеген еңбектер

және қысқа ғылыми эксперминталды үйлер тұрғызылып жағдайы мен төзімділігіне сарапттамалар жүргізіп Ботай архитектурасына қатысты әр түрлі тұжырымдар ұсынып келеді.

Ботай қонысында қазіргі таңда 1980-2023 жылдар аралығында 200 ге жуық үйлердің орындары ашылып, барлығы 15 мың кв.м. мәдени қабат ашылды. Қоныстың аумағында бірнеше баспаналардың шұңқырлары зерттеліп баспаналар жартылай жерге отырғызылған формалары көпбұрышты, үйлердің тереңдігі 0,6-0,8 м, аумағы 25-120 кв.м. болып отыр.

Археологиялық материалдар бойынша ботайлықтардың үй салудағы дәстүрлері жайлы тың зерттеліп, алғашқы рет өткен ғасырдың аяғында үй ғылыми экспериментальді үйлер салына бастап төзіміділігне қатысты ғылыми еңбектерде жазылды.

Бұл жұмыстары сол кезде ашылған ботай мәдениетінің құрылыс салу өнері, архитектурасы байланысты алғашқы тұжырымдар жасалынып қолдағы бар шикізатты пайдалана отырып алғашқы тәжірбилер жасалынып, өкінішке орай екі жыл ғана тұрған.

Келесі ғылыми-эксперминтальді құрылыс салу кезеңі 2000 жылдары тұрғын үй кешені тұрғызылған болатын, өкінішке орай мұндада бұл бар жоғы 15 жыл бойы ешқандай жөндеуді керек етпей ұзақ тұрды, алғашқы үй секілді ауа райы жағдайы жаңбыр, қар суының кіруіне байланысты бұл үйде сақталмай төбесін жапқан бөрене ағаштары ортасына құлап үлкен шұңқырға айналды,нәтижесін қазба жұмыстары барысында ашылған үйлердің стартиграфиясы жоспары дәлме-дәл екендігін анық көрсетіп отыр. Бұл дегеніміз ботай мәдениетінің тайпаларыда осындай үй салу өнерінде осындай мәселелермен кездесумен аңғаруға болады. Бұл ботай қонысындағы үшінші тұрғызылған үшінші үй еді (Зайберт, 2007; 2018).

2019 жылы көп жылғы ізденістің нәтижесінде Ботай қонысында Ботай тұрғын үйінің ғылыми-эксперименталды кешені бой көтерген болатын. Бұл тұрғын үйі кешені 42 жылғы ізденістер мен қажырлы еңбектің арқасында қазіргі заманауи техникаларды пайдалана отырып, жауын-шашынға төзімді қылып Ботай қонысынан және табиғи қорғалатын қорықтан тысқары ескерткіштің қорғау аймағының сыртынан тұрғызылған болатын. Құрылыс барысында көп жылғы ізденістер барысында ботай үйлерінің стратиграфиясы құрылыс қабаттары да ескерілді. Бұл құрылыс жүргізмес бұрын қоныста бұрын тұрғызылған эксперименатальді кешендерінің тәжірбиесі ескеріліп көп жылғы ізденістер арқасында жаңа заманғы құрылыс материалдары пайдаланып тұрғызылып туристерге ұсынылған болатын (Зайберт, 2009).

Көрнекті археолог Ботай мәдениетін алғаш ашушы зерттеуші ғалым В.Ф.Зайберттің ұсынысы Ботай архитектурасына қатысты тұжырымы бойынша қоныстан ашылған үйлерді Орта Азия мен Кавказ далаларында кеңінен тараған «Дарбаза» әдісімен салынған деген пікір білдіріп, бұндай құрылыс орталық тіреулерсіз жасалатындықтан ішкі кеңістікті молырақ етеді. Төбесіндегі көлденең бөренелер бір-бірінің үстіне жататын болғандықтан салмақ күш орталықтан шетіне қарай бөлінеді. Жоғарыда айтылған ботайлық архитектура еуразиялық кеңістікте мейлінше жақсы тарағандықтан осындай архитектуралық ұстаным қола дәуірінде және одан кейінгі уақыттарда киелі деп есептелді. Осындай «Дарбаза» әдісімен салынған Әмудариянның төменгі ағысы энеолит дәуірінің кельтиминар мәдениеті Джанбас қонысынан да табылған, археолог С.П.Толстов пікірі бойынша шошала тәріздес құрылыс биіктігі 8-10 м жеткен деп қаралса, археолог М.П.Грязновтің пікірінше сегіз қырлы «Дарбаза» тәрізді биіктігі 4 м үй деп өз тұжырымын ұсынған болатын (Массон, 1964, б. 115-125).

Ескертетін жайт 2021-2022 жылдары Қазақстан Республикасы Мәдениет және спорт министрлігінің "Қазреставрация" шаруашылық жүргізу құқығындағы бар мемлекеттік кәсіпорнының реставратор, архитектор мамандары тарапынан Ботай қонысында үш үй

тұрғызылып Ботай музей қорығына пайдалануға берілген болатын (Дәрменов, Тәжекеев, Құрманиязов, т.б., 2022).

2021-2022 жылдары Ботай қонысы аумағында Қазақстан Республикасы Мәдениет және спорт министрлігінің «Ботай қонысындағы археологиялық ғылыми-эксперименттік зерттеулер және Ботай мәдениетін жеткізгіштердің қамтамасыз ету жүйелерін, өмір салтын және дүниетанымдық-киелі мән мәтіндерін модельдеу» жобасы аясында 2019 жылы бой көтерген ғылыми эксперименталь тұрғын үйінде күрделі жөндеу жұмыстары жүргізіліп ішкі музейлендіру аясында ішкі интерьерлік жұмыстар жүргізіліп қолданысқа енгізілді.

2023 жылы «Ботай» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы ғылыми қызметкерлері бірлесе отырып қоныс аумағынан 2000 жылдары қазба жұмыстары барысында ашылған нысанға қайта қалпына келтіру жұмыстары жүргізілді (сур. 2-11).

Құрылыс жұмыстары барысында диаметрі 10 м, тереңдігі 1 м болатын шұңқыр қазылып, кіретін есігі шығысқа қарай қаратылған. Ботай үйін салу 3–5 жыл бұрын орылып шабылып алынған ағаш бөренелер пайдаланылды. Бұл бөренелер арнай кептіріліп, сырты қабыршықтарынан тазартылған. Қабырғалары осы тазартылған ағаш бөренелерімен көтеріліп, тұғырын бекіту үшін 30 см болатын тастармен қоршалды. Таңдалып алынған ботай үйінің жоспары алты бұрышты болып келген, жертөлелік қабырғалары ұзындығы 80 см, кәдімгі жерден биікітігі 4 м. Құрылыс жұмыстары сәтті аяқталып ботай үйі ескерткіштің жанында бой көтерді.

2023 жылы тұрғызылған Ботай тұрғын үйінде көп жылғы қазба жұмыстарының нәтижесінде алынған археологиялық деректер барысында ботай үйінің стратиграфиясы мен жоспарының жаңа деректері негізінде Ботай тұрғын үйіндегі сыртқы және ішкі безендірулері мен ботай адамының өмір сүру кеңістігінің қауіпсіздігін құру болып табылады. Бұл сыртқы ортадағы жылу және гидрооқшаулау, жайлы ішкі безендіруді қалыптастыру және дәстүрлі дала безендіруне келтіру жұмыстары жүргізілді:

-Ботай тұрғын үйіндегі қайта құру жұмыстарының бірінші кезеңі-ежелгі безендіруді құру үшін үйді дайындау және арнайы алынған жылқылардың терісі дайындалып, олар тұзды ерітіндімен және мыс сульфатымен алғашқы өңдеуден өтті (сур.5).

-Саз балшықпен қамыс араласқан қабырғалары толықтай сыланып шықты.

-Үйдің сыртқы жағынан, гидрооқшаулау үшін үйдің түбінде шым қабаты төселді. Бұл төселген шымқабат үйдің негізін ылғалдан жаңбыр суы мен қардан қорғайды.

Шымқабат төсеу процесі екі кезеңде өтті. Бірінші төсеудің кезеңі тамыз айының басында жатқызылып төселсе. Екінші кезең қосымша шымтезек қабатын төсеп арнайы ағаш бөренелермен тығыздалды. Шымқабат- 50 шаршы метр ауданға төселді.

2023 жылы Ботай эксперементальді үйінде жасалған жұмыстар қатарында үйдің ішкі келбетін безендіру, оның ішіндегі гидрооқшаулау, жылу оқшаулау жергілікті шикізат пайдалана отырып сол заманғы ботайлықтардың тұрмыс тіршілігі дүниетанымы қалай болғандығын осы қайта қалпына келтіру барысында байқауға болады.

Ботай қонысындағы экспедициялық жұмыстардың бағыттары мен көлемдерін орындауға үйлесімді жоспарлау және ұйымдастыру нәтижесінде ауа-райының өте қиын жағдайларында (тұрақты жауын-шашын, жел, температураның төмендеуі) қарамастан жобаның техникалық ерекшеліктерінде баяндалған мақсаттар мен міндеттер орындалды.

Осы жылғы далалық маусымында 2023 жылы бой көтерген ботай үйінекүз, қыс, көктем мезгілдерінің жаңбыр және қар суынан қалай сақталғандығы Ботай қорық музейі тарапынан бақылау жұмыстары жүргізілетін болады,

Қазірге таңда Солтүстік Қазақстан облысы, Айыртау ауданы, Никольское ауылынан оңтүстік-шығысқа қарай 1,5 шақырым жерде орналасқан. Ботай қонысын материалдық мәдениеті бай екендігін көрсетіп отыр. Қазба жұмыстары мен қатар қайта қалпына

келтіру жұмыстары қатар жүріп отса, аймақ тарихының тағы белгісіз тұстары ашылады деген ойдамыз, туристерге ашық аспан астындағы музей ретінде пайдалануға болады.

Осылайша, соңғы жылдары қолға алынған Ботай қонысындағы жүргізілген қайта қалпына келтіру жұмыстары аталмыш ескерткіштердің сақталу мерзімін ұзартуға, сол арқылы тарихи бейнесін сақтап қалуға септігін тигізіп жатыр. Бұл бағыттағы жұмыстар жалғасын табады деген сенімдеміз, жоғарыда аталған қалаларда қазба жұмыстары жүргізілсе, аймақтың туризм қызметін көтереді.

Әдебиеттер тізімі

Бейсебаев А.И. Археологиялық терминдер сөздігі . Алматы: Өнер», 2008.74 бет.

Байпаков К.М. Отырар және Отырар алқабы // Қазақстанның киелі орындарының географиясы // Табиғат, археология, этнография және сәулет өнері нысандарының тізілімі. Жалпы редакциясын басқарған ҚР ҰҒА академигі Байтанаев Б.Ә. Алматы: Ә.Х.Марғұлан атындағы Археология институты, 2017. 1- шығарылым. 717-728 бб.

Дәрменов Р.Т., Тәжекеев Ә.Ә., Құрманиязов Ы.С., Сұлтанжанов Ж.Қ., 2021 жылы Ботай қонысында жүргізілген ғылыми қайта қалпына келтіру жұмыстарының нәтижелері // Қазақстан Археологиясы журналы №3. (17) 2022. 115-125 бб.

Железняков Б.А. Таңбалы петроглифтері // Қазақстанның киелі орындарының географиясы // Табиғат, археология, этнография және сәулет өнері нысандарының тізілімі. Жалпы редакциясын басқарған ҚР ҰҒА академигі Байтанаев Б.Ә. Алматы: Ә.Х.Марғұлан атындағы Археология институты, 2017. 1- шығарылым. 165-166 бб.

Жұмабекова Г.С., Базарбаева Ғ.А., Чотбаев А.Е. Берел қорғандары // Қазақстанның киелі орындарының географиясы // Табиғат, археология, этнография және сәулет өнері нысандарының тізілімі. Жалпы редакциясын басқарған ҚР ҰҒА академигі Байтанаев Б.Ә. Алматы: Ә.Х.Марғұлан атындағы Археология институты, 2017. 1- шығарылым. 841-846 бб.

Зайберт В.Ф. Ботай у истоков степной цивилизации. Книга-альбом. Алматы: Балауса, 2011. 480 с.

Зайберт В.Ф. Создание экспериментального макета ботайского жилища в натуральную величину с реконструированными элементами внутреннего интерьера и моделями социального и сакрального контекста(приложение VIII) // Отчето научно-исследовательской работе по теме «Исследование и реконструкция социально-экономических и мировоззренческих контекстов на поселении Ботай» в 2019 году. Алматы, 2019. С 76-85.

Зайберт В.Ф., Тюлебаев А.Ж., Задорожный А.В., Кулаков Ю.В. Тайны древней степи. (Исследования поселения Ботай в 2004-2006 гг.). Коллективная монография. Кокшетау: Издательский центр Кокшетауского университета, 2007. 163 с.

Зайберт В.Ф. Сакральные контексты Ботайской культуры. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2018. 380 с.

Зайберт В.Ф. Ботайская культура. Алматы: «ҚазАкпарат», 2009. 566 с.

Құрманиязов И.С., Абдимальков К.Г., Әлібай Б.Е. «Ботай» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының Ботай қонысында 2021 жылы жүргізген ғылыми зерттеу жұмыстарының нәтижелер // Мәдени мұра ғылыми журналы №3 (94).2021 12-23 бб.

Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток; Акад. наук СССР, Ин-т археологии, Ленинградское отделение. М.–Л.: Наука, 1964. 467 с.

Сурет 1. Ботай қонысы 2023 жылғы далалық қазба жұмысы мен қайта қалпына келтіру жұмыстары

Сурет 2. Ботай үйін қайта қалпына келтіру жұмыстары барысы 2023 жыл

Сурет 3. Ботай үйін қайта қалпына келтіру барысы тазартылған бөрендермен қабырғасын көтеру

Сурет 4. Ботай үйін қайта қалпына келтіру жұмыстары барысы 2023 жыл

Сурет 5. Ботай үйін қайта қалпына келтіру жұмыстары барысы 2023 жыл

Сурет 6. Ботай үйін қайта қалпына келтіру жұмыстары барысы 2023 жыл

Сурет 7. Ботай үйінің шым қабат төсеу және қабырғаларымен таспен бекіту

Сурет 8. Ботай үйінің шым қабат төсеу және қабырғаларымен таспен бекіту

Сурет 9. Ботай ішкі интерьерлік жұмыстары 2023 жыл

Сурет 10. Ботай үйі 2023 жыл

Сурет 11. Ботай үйі 2023 жыл

УДК 902.2

Г.Ю. Пересветов

Проблемы сохранения памятников археологии Павлодарского Прииртышья

Аннотация. Статья посвящена проблемам сохранения археологических памятников Павлодарской области.

Ключевые слова: Прииртышье, культурное наследие, памятники археологии, 3D технологии

Аннотация. Мақала Павлодар облысының археологиялық ескерткіштерін сақтау мәселелеріне арналған.

Түйін сөздер: Ертіс өңірі, мәдени мұра, археология ескерткіштері, 3D технологиялар

В современном мире вопросы сохранения историко-культурного наследия имеют весьма актуальную тему. Это связано с целым рядом событий происходящих в мире в последние десятилетия. К ним можно отнести несколько факторов; первое – различного рода военные события, в ходе которых, уничтожаются уникальные памятники истории. Вторым фактором является попытка переосмысления истории определенных регионов, где в угоду политическим интересам уничтожаются объекты, связанные с историческими личностями и эпохами. Определенную роль в исчезновении целого ряда исторических объектов безусловно имеют природные факторы, но главным источником все же является антропогенный фактор. Именно человек, причем весьма осознанно является источником утраты части историко-культурного наследия. В истории Казахстана можно выделить два больших исторических этапа, приведших к масштабным разрушениям памятников археологии. Первый, это освоение целинных земель и строительство масштабных объектов в сер. XX вв., включающих такие грандиозные стройки как канал Иртыш-Караганда, строительство Шульбинской ГЭС, кода сотни археологических памятников было затоплено и др. При распашке земельных угодий тысячи памятников было полностью, либо частично уничтожено. Второй этап как ни странно относится к последним десятилетиям. Вследствие развития туризма и широко развернувшейся на фоне этого, пропаганда исторического наследия, именно памятники археологии, стали интенсивно подвергаться в той или иной степени разрушению. Памятники просуществовавшие века и тысячелетия нетронутыми рукой человека, именно сегодня подвергаются угрозе порчи и исчезновению, о чем красноречиво свидетельствуют начертанные рукой так называемых любителей истории надписи с датами их посещения на наскальных рисунках.

Бесконтрольное использование металл детекторов от любителей истории до коллекционеров также приносит непоправимый вред памятникам, поскольку нарушается культурный слой. Кстати сказать, этим методом зачастую не брезгуют и сами археологи, мотивируя свои действия уж лучше мы, чем какой-нибудь коллекционер.

В Павлодарской области вопрос сохранения объектов историко-культурного наследия стоит наиболее остро, поскольку, несмотря на все попытки местных археологов привлечь внимание властей к проблеме, остаются археологические раскопки. Однако у специалистов элементарно не хватает ни сил, ни средств контролировать всю территорию области. Каждую весну паводковые воды разрушают береговую линию Иртыша вследствие чего обнажаются древние захоронения, представленные преимущественно средневековыми погребениями. Местные жители, как правило, сообщают о таких событиях, но, к сожалению, уже слишком поздно, когда большая часть памятника оказывается разрушенной.

При расширении Экибастузских угольных разрезов, за редким исключением, при вскрышных работах, действия разработчиков не согласовываются с археологами, из-за чего уже утеряны десятки стоянок-мастерских каменного века. Между селами Павлодарское и Мичурино, Павлодарского района, находится значительное количество древних поселений от эпохи камня, до средневековья, которые постоянно разрушаются действующими песчаными карьерами. Всяческие попытки археологов ограничить район вывоза строительного песка, в том числе и с Комитетом землепользования, еще начиная с середины 90-хх гг. XX в., так и не имели успеха.

В Баянаульском районе на территории Национального парка, постоянно прибывающие туристы, неизменно пытаются оставить свой так называемый след в истории в виде надписей, которые зачастую остаются поверх наскальных рисунков.

Одним из доступных методов сохранения древних памятников на сегодняшний день в области являются ограждения с установкой паспорта памятника. Такая попытка была сделана районными акиматами в 2018-2019 гг. Однако, действия акиматов не были согласованы с археологами. Рядом с памятниками, в частности вблизи средневековых изваяний, были установлены габаритные каменные плиты с названием памятника, что привело к нарушению палеоландшафта. В итоге, рядом с полуметровым изваянием возвышается современная трехметровая каменная глыба, вследствие чего собственно памятник истории теряется, и не производит должного впечатления от прикосновения с историей.

Сооружение заградительных заборов также выявил ряд негативных факторов. Без соответствующего присмотра за территорией памятника, последние стали интенсивно посещаться крупным рогатым скотом. Растирая свои тела об забор, крупный рогатый скот ломает заграждения и топчется уже непосредственно по поверхности плоских плит скальника с древними рисункам. Рисунки, как правило, выбиты на тонкой палеогеновой корке, которая легко разрушается. Благодаря таким заграждениям пострадали наскальные рисунки на озере Кемертуз, расположенных в Майском районе. Если раньше скот обходил скальные выходы стороной, то теперь они идут именно сюда. Мониторинг памятников археологии в 2023 году подобные проблемы выявил и на наскальных рисунках урочища Акбидаик в Экибастузском районе. Один из пролетов забора был повален, что открыло доступ для рядом пасущегося скота.

Помимо вышеперечисленного, надо сказать, что и заграждения, и установка каменных плит с информацией о памятнике, не являются спасительным фактором. Наличие ограждений, как выясняется, не являются препятствием для некоторых из строительных компаний. Так, в 2023 году при мониторинге состояния археологических памятников Баянаульского района, выявило факт разрушения южной части культово-погребального комплекса раннего железного века на восточном берегу озера Торайгыр. В 2008 году археолого-этнографическим центром при ПГПУ, совместно с Павлодарским историко-краеведческим музеем на памятнике проведены аварийные работы в южной части комплекса, попавшего в зону застройки базы отдыха. Исследовано три кургана, которые после раскопок были прокультивированы с восстановлением каменных насыпей и последующим ограждением. В 2023 году обнаружилось, что ограждения исчезли, рядом с курганами сложены бетонные плиты для строительства, а насыпь самого крупного кургана разрушена бульдозером.

Таким образом, надо отметить, что любые работы археологов без поддержки областных и районных властей, при попытке сохранить объекты историко-культурного наследия по сути не имеют должного результата. Помимо каких то охранных работ необходимо и устанавливать соответствующий контроль над объектом, в противном случае ограждения растаскиваются, бесконтрольное посещение памятников археологии многочисленными туристами, оставляют на лице последних неизгладимые шрамы.

Стремительное увеличение опасности разрушения памятников за последнее десятилетие, побуждают нас привлекать различные современные технологии в поисках способов сохранения историко-культурного наследия. К таковым относится создание 3D реконструкций памятников.

Создание «виртуальных музеев» – одна из наиболее востребованных возможностей технологии 3D-сканирования. Музеи по всему миру оцифровывают свои коллекции артефактов, произведений искусства, скелетов древних животных. Создание 3D моделей в какой-то мере, помогут сохранить уникальное историческое достояние с последующим воссозданием уничтоженных объектов.

В 2019 году Павлодарским областным историко-краеведческим музеем был запущен проект по оцифровке памятников древнего искусства с целью создания на основе фотометрических снимков 3D моделей. В общей сложности было обработано более 20 объектов, среди которых наскальные рисунки, каменные стелы раннего железного века и средневековые изваяния.

Создание 3D моделей позволил выявить ряд особенностей при изучении, как наскальных рисунков, так и каменных изваяний. Дело в том, что многие изображения покрыты слоем мхов и лишайников, каменные изваяния являются излюбленным местом для крупных и мелких птиц, от которых остается порой значительный налет птичьего помета, что затрудняет их изучение на месте. Даже очистка рисунков от налетов не всегда позволяет выявить всю сложность композиций. Придание готовым 3D моделям одноцветной монохромной текстуры, позволил просмотреть ранее не видимые рисунки, что является очень важным моментом в изучении таких сложных объектов как наскальные рисунки.

Сфера применения 3D моделей очень разнообразна. Во-первых, это дает возможность создания электронной базы. Во-вторых, открывает широкие возможности для всестороннего изучения этих объектов, которые, как правило, находятся далеко от населенных пунктов, порой в труднодоступных для посещения местах. Электронный вариант отодвигает необходимость специального посещения объекта за многие километры для изучения. 3D модель можно просматривать на 360 градусов с максимальным приближением, точность копии при этом сохраняется до микронов.

3D модели, можно использовать в учебном процессе для наглядной демонстрации памятников историко-культурного значения, а также в экспозициях музеев. При этом каждый желающий может сам регулировать ракурс, освещенность и масштаб объекта.

Немалые возможности открываются в сувенирной продукции, так как 3D модель можно распечатать на 3D принтере.

Наиболее важной особенностью создания 3D моделей, является сохранение объектов в электронном варианте. Природные и антропогенные факторы, зачастую несут в себе угрозу утраты памятников, 3D модель же позволит сохранить наследие даже после полной утраты оригиналов, что само по себе является очень важным моментом в изучении памятников истории.

УДК 902/908

Е.Ш. Амиров

Сакрализация памятников поселенческого типа в казахской степи

Аннотация. В статье рассматривается процесс сакрализации памятников поселенческого типа. Сакральный статус в большинстве случаев присваивается погребальным памятникам. Однако результаты археологических исследований показывают, что поселения также могут стать духовно значимыми объектами. В настоящей работе приведены примеры древней и современной сакрализации поселений казахской степи.

Ключевые слова: сакрализация, историко-культурное наследие, поселение, Аккезен, эпоха бронзы

Аннотация. Мақалада қоныстану ескерткіштерді киелілену процесі қарастырылады. Қасиетті дәрежеге көп жағдайда жерлеу ерекшеліктеріне беріледі. Дегенмен археологиялық зерттеулердің нәтижелері қоныстардың рухани маңызды нысандарға айналуы мүмкін екенін көрсетеді. Мақалада қазақ даласы қоныстарының ежелгі және қазіргі заманғы қасиетті жерлердің мысалдары келтірген.

Түйін сөздер. қасиетті жерлер, тарихи-мәдени мұра, қоныс, Ақкезен, қола дәуірі

Историко-культурное наследие Казахстана богато и разнообразно. Для эффективного управления этим наследием необходима его классификация. Законом об охране и использовании объектов историко-культурного наследия (Закон Республики Казахстан, ст. 5) предусмотрено выделение пяти типов памятников историко-культурного наследия:

- памятники археологии;
- памятники градостроительства и архитектуры;
- ансамбли и комплексы;
- сакральные объекты;
- сооружения монументального искусства

Одним из чувствительных типов являются сакральные памятники. Это связано с тем, что они в отличие от памятников археологии напрямую связаны с широкими массами общественности без участия ученых. Если значимость стоянки каменного века или древних выработок должна быть обоснована и разъяснена узкими специалистами, то сакральные памятники связаны с населением непосредственно. Есть несколько трактовок памятников сакрального типа.

С точки зрения действующего законодательства это исторические и памятные места, рукотворные и природные культовые объекты, ландшафты, сооружения, связанные с выдающимися историческими событиями и личностями, а также духовными ценностями народа;

С позиции охранной археологии к сакральным памятникам относят объекты, с которыми есть духовная или иная связь у местного населения – кладбища, священные места, святыни, могилы, жилища и зимовки предков. Так же, критерием является потребность населения иметь к этим местам свободный доступ.

Ключевым атрибутом является тот факт, что материальный объект обретает ценность, напрямую не связанную с его первоначальным назначением. В глазах людей эти объекты сакрализуются посредством связи с людьми или событиями. Анализ процесса сакрализации показывает, что он был характерен для мировоззрения людей еще в глубокой древности.

Особенностью этого мировоззрения является тот факт, что духовную и сакральную ценность в наших глазах чаще обретают памятники погребального типа. Они отражают процесс перехода из мира живых в мир мертвых. Этот процесс всегда был сильно ритуализирован что привело к выделению такого типа памятников археологии как погребально-поминальные объекты. Для носителей культур, оставивших эти объекты они носили явно сакральный характер. Что касается второй самой многочисленной категории памятников археологии – поселений, то они чаще воспринимаются как объекты, отражающие обыденную, повседневную жизнь оставивших их людей. Обыденность этих объектов обуславливает восприятие их просто как археологический источник.

Однако, если присмотреться можно найти примеры того, как поселенческие памятники обретают ценность, выходящую за рамки археологического источниковедения. В настоящей работе хотелось бы привести пример двух объектов, отражающих сакрализацию поселенческих объектов в периоды древности и этнографической современности.

Примером древней сакрализации жилого пространства является поселение бегазы-дандыбаевской культуры Аккезен. Это одно из крупнейших поселений эпохи бронзы в Центральном Казахстане, датируемое XIV-XIII вв. до н.э. Объект представляет собой памятник протогородского типа, свидетельствующий о древних урбанизационных процессах в регионе (Варфоломеев, 2002, с. 243). На поселении Аккезен был исследован интересный разновременный погребальный комплекс, включающий в себя погребальное сооружение бегазы-дандыбаевской культуры, курган раннего железного века и мусульманское захоронение позднего средневековья-нового времени (Варфоломеев, Амиров, 2019). Первоначально на небольшом возвышении был устроен мавзолей классических для бегазы-дандыбаевской культуры форм. Трудно сказать, функционировало ли поселение на момент его возведения. В сакскую эпоху непосредственно на мавзолей был наложен каменный курган. Камни, руинированного мавзолея использовались в качестве строительного материала для кургана. В средневековье на этом же месте было устроено безинвентарное погребение, ориентированное на юго-запад, что соответствует мусульманскому канону. Этот холм, распложенный на территории поселения обрел в глазах местного населения некую ауру, продержавшуюся на протяжении многих веков и притягивающую внимание при выборе места для погребения.

Помимо этого, на территории поселения Аккезен выявлен могильник раннего железного века и курган с усами. Таким образом получается, что площадка поселения еще во время его функционирования или сразу после запустения стала использоваться как погребальное поле. Восприятие территории данного поселения как некого сакрального пространство привело к тому, что оно на протяжении многих веков использовалось как погребальное поле. В пользу этого аргумента говорит и погребально-ритуальная сущность такого объекта ка курган с усами.

Несколько иного плана духовная связь с оставленным поселением была отмечена на памятнике этнографической современности. В ходе разведки в Улытауском регионе была выявлена казахская зимовка первой половины XX в (Амиров, Үмітқалиев, 2021). Интересной ее особенностью является гранитная табличка, установленная потомками хозяина этой зимовки. Таким образом можно отметить, что современное население поддерживает духовную связь не только с местами погребения своих предков, но и с местами их проживания. Сакральность объектов – это понятие, масштабируемое от уровня семьи, сообщества вплоть до этноса или государства. Но при изменении уровней суть его не меняется.

Таким образом, можно отметить тот факт, что памятники поселенческого типа в казахской степи, которые в отличие от погребений или петроглифов рассматривались как объекты утилитарного характера, также демонстрируют наличие духовной связи с людьми даже после их археологизации. С точки зрения методологии сохранения исто-

рико-культурного наследия это может стать основой для присвоения статуса памятника истории и культуры многочисленным казахским зимовкам, широко представленным во всех регионах республики.

Список литературы

Амиров Е.Ш., Үмітқалиев Д.Б. Отчет о научно-исследовательских работах №ARRES-SC-21-10. Караганда: ТОО «Археологические исследования», 2021. 62 с.

Варфоломеев В.В. Металлообрабатывающая мастерская на поселении Аккезен, Центральный Казахстан // Археология Евразийских степей. №2. 2022. С. 225-244.

Варфоломеев В.В., Амиров Е.Ш. Проведение археологических исследований памятников бронзового века на территории Талдинского историко-археологического парка: Могильник Бада и поселение Аккезен (бронзовый век), Шетский район, Карагандинская область. - Отчет о научно-исследовательской работе. Караганда: ТОО «Археологические иследования», 2019. 44 с.

Закон Республики Казахстан от 26 декабря 2019 года «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия»

Рисунок 1. Поселение Аккезен. Аэрофото

Рисунок 2. Поселение Аккезен. Разновременный погребальный комплекс

Рисунок 3. Памятный знак на казахской зимовке

УДК 930.2

Ш.Б. Кунанбаева

К вопросу о реконструкции казахских зимовок в виде средового музея*

Аннотация. В работе рассмотрены возможности привлечения музейных источников для реконструкции казахских зимовок, особенностей повседневного быта казахов в XIX – начале XX вв. с целью создания средового музея, достоверно воспроизводящего уклад жизни казахов в указанный период.

Ключевые слова: зимовки, реконструкция, повседневность, традиционное казахское общество, средовой музей

Аннотация. Мақалада қазақ қоныстарын қайта жаңғырту үшін музей деректерін пайдалану мүмкіндіктері, XIX-XX ғасырдың басындағы қазақтардың тұрмыс-тіршіліктері қарастырылған. Көрсетілген кезеңдегі қазақтардың өмір-салтын сенімді түрде жаңғыртатын музей құру мақсаты болды.

Түйін сөздер: қоныс, қайта құру, күнделікті тұрмыс, дәстүрлі қазақ қоғамы, экологиялық музей

Вопросы реконструкции казахских зимовок остаются одними из главных проблем в исторической науке Казахстана. Как справедливо отмечает А. Бейсенов, нет обобщающих работ по этой тематике и более того, она изучена не в полной мере (Бейсенов, 2019; Бейсенов, Шашенов, 2022). Плохая сохранность памятников, утрата большего числа из них в XX веке, осложняет создание полноценных реконструкций. Основным источником по теме являются материалы, полученные в ходе археологических раскопок, а также труды ученых XIX – начала XX века, в которых приводятся месторасположения родовых земель казахов в зимнее время (Валиханов, 1985).

В труде «Зимние кочевки волостей Каркаралинского внешнего округа» Шокан Уалиханов подробно приводит перечень месторасположения всех урочищ, в пространстве которых располагались зимние пастбища, и, соответственно, строились зимовки (Валиханов, 1985, сс. 148-155). Интерес представляют даже очевидные на первый взгляд сведения «…Для зимовок требуются густые леса или лесистые горы, вообще места, которые могут защищать скот от зимних непогод… Без теплых зимовок табуноводство существовать не может. Оттого эта отрасль скотоводства процветает только в тех округах, которые имеют наиболее мест, удобных для зимних стойбищ. Кокчетавский округ, северная часть Акмолинского и Внутренний округ Семипалатинской области, покрытые сплошными лесами и тучными лугами, считаются самыми богатыми округами Сибирской степи…» (Валиханов, 1985, с. 107).

Расселение казахских родов достаточно хорошо изучено несколькими поколениями отечественных историков. Представляется необходимым создание подробной карты с нанесением мест родовых зимних кочевий с отметкой уже известных археологической науке, изученных памятников.

Реконструкция зимовок, воссоздание особенностей повседневного быта их жителей являются возможной лишь на основе комплексного изучения широкого круга источников. Фотоиллюстративные материалы и вещевые комплексы из музейных собраний могут существенно дополнить археологические и архивные источники, в результате чего мы сможем приблизиться к достоверной реконструкции зимовок.

* *Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования МКИ РК BR10164134 «Палеогеографический фактор в формировании культурогенеза Нура-Ишимского междуречья: особенности домостроения и его эволюция»*

Большой интерес представляют собой фотографии из собрания Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера). Уникальные фотоснимки, выполненные в конце XIX - начале XX века в ходе научных экспедиций являются бесценным источником по этнографии казахов (коллекции, собранные И.С.Поляковым, К.В.Щенниковым, М.А.Круковскогим, В.Д.Пельцем, В.Н.Андаусовой, М.С.Войшле, А.Л.Мелковой, и др.). Благодаря фотографиям Константина Николаевича де-Лазари и Самуила Мартыновича Дудина мы имеем возможность видеть, спустя более чем столетие с периода бытования памятника, подлинный облик построек и даже интерьеры домов.

В частности, снимки «Казахская зимовка» (колл. 423-1) и «Казахская зимовка в сосновом лесу» (колл. 423-6), сделанные в Семиреченской и Акмолинской областях К.Н. де-Лазари в 1896, 1897 гг., дают представление о домостроении. Коллекция фотографий, выполненных С.М. Дудиным в Семипалатинской и Карагандинской областях в 1899 году содержит примеры зимовок бедных и богатых казахских семей (№№ 1199-267; 1199-17/1; 1199-248; 1199-38/1; 1199-429; 1199-123/1; 1199-154; 1199-431; №1199-2/1).

Результаты археологических исследований и иллюстративные материалы позволяют воссоздать облик зимовок в разных природных локациях, то есть создать настоящие средовые музейные объекты, реконструировать полный годичный цикл жизни казахов XIX - начала XX веков. Следующая задача, - восполнить пробелы в представлении повседневного быта общества. В этнографических экспозициях музеев Казахстана подлинные предметы часто представлены вместе с новоделом (например, корпе из современной ткани). Это грубое нарушение научной этики, на которое, к сожалению, не обращают должного внимания музейные сотрудники. Полноценная реконструкция подразумевает воссоздание всех компонентов, из которых состоял быт. Поэтому, воссоздавая конструкцию дома из тех же строительных материалов и по тем же технологиям, что использовались более полутора-два века назад, необходимо помнить и о достоверном их наполнении.

Реконструкция повседневного быта казахов состоит из множества элементов, связанных воедино пространством, функциональным назначением и семантическим содержанием. Поэтому представляется разумным воссоздание «жизни» дома во всей ее полноте, от этнографии детства, всех половозрастных особенностей его жителей, до таких простых атрибутов повседневности, как гигиена и прием пищи. Иными словами, достоверная реконструкция детских игрушек и мыла, бытовавших в живой культуре, не менее важна, чем реконструкция красивых ювелирных украшений и оружия. Так, информационная ценность музейного предмета может открыться качественно новым образом, в зависимости от вопроса, к нему обращенного.

Рассмотрим на примере коллекции детских игрушек собранных К.В. Щенниковым в результате поездок 1908–1910 гг. в Казахстан (МАЭ РАН). Коллекция датируется началом XX века и состоит из образцов, бытовавших в живой повседневной культуре жителей Атбасарского уезда Акмолинской области и Павлодарского уезда Семипалатинская области (Прищепова, 2000, 269 с). Помимо кукол интерес представляют игрушки – предметы быта (занавеска, диван, подушки и коновязь), исполненные в миниатюре.

Нами рассмотрены 36 единиц хранения (35 кукол и костюм куклы). Большая часть коллекции, – это куклы, выполненные в образе женщины, лишь три образца исполнены как куклы-мужчины. Высота кукол варьируется от 12 до 26 см. Изготовлены они были из подручных средств: тростника, обрезков ткани (ткань хлопчатобумажная, плюш, сукно, сатин, ситец, парча, кашемир), войлока (верблюжьего и овчинного), конского волоса и нитей (хлопчатобумажная, полушелковая. Для украшения использовались: мех, перо филина, медная монета, коралл, бисер стеклянный.

Примечательно, что представлены все возрастные категории женщин от детского возраста до преклонного. Маркером определенного возраста выступает одежда и оформление головы. Из 35 кукол выделяются: кукла-ребенок (младенец) – 1 ед., куклы-девушки

– 5 ед., куклы-невесты – 4 ед., кукла-молодуха (молодая замужняя женщина) – 1 ед., куклы-женщины – 21 шт., куклы-мужчины – 3 ед. Детали костюмов имитируют бытовавшие в реальной жизни фасоны платьев и украшения. Они угадываются даже в куклах, исполненных схематично. Кукольный ребенок-младенец – единственный экземпляр в своей возрастной категории. Все остальные куклы воспроизводят женские образы старше. Младенец завернут в несколько слоев разноцветной ткани, имитирующие пелёнки. Голова обёрнута фрагментом белой ткани.

В куклах-девушках и куклах-невестах мы наблюдаем детальную проработку практически всех элементов одежды и головного убора. Костюм состоит из платья, жилетки, камзола и головного убора с платком (шлейфом-накидкой). Подолы платьев украшены воланами. В одном случае голову куклы украшают тонкие косички из конского волоса и перья филина үкі на макушке. Головы кукол-невест венчает остроконечный головной убор красного цвета. Он переходит в накидку (платок, шлейф) красного либо яркого принта в схожей палитре цвета. Лицо исполнено схематично, в большинстве случаев не обозначены глаза, нос и рот.

От кукол-невест отличаются куклы, изображающие замужних женщин. Коса одной из кукол украшена медной монетой, на другую куклу «надето» нагрудное украшение из тонких металлических пластин, напоминающее өңіржиек. Головы кукол-женщин покрыты либо платком, либо кимешек/жаулык. О возрасте и материальном положении кукол-женщин можно судить по фасонам и меховой оторочке головных уборов и рукавов камзолов. В ряде случаев кимешек украшен мелкими кораллами. Очевидно, что куклы повторяют, копируют элементы одежды, бытовавшие в традиционном казахском обществе.

Поскольку изделия из текстиля, которые хранятся в музейных собраниях Казахстана и странах ближнего зарубежья – это преимущественно дорогие изделия эксклюзивной работы, то они дают представление лишь об особых праздничных нарядах и украшениях. К примеру, в собрании Российского этнографического музея находятся множество предметов парадной одежды и головных уборов, таких как бешметы, кестели-тон, бас-тон, различные камзолы, шапаны, саукеле и т.д. (Попова, 2008, с. 220-233). Их ценность бесспорна, однако важно знать и о том, изделия из каких материалов использовались в обыденной жизни. Поэтому даже скромный фрагмент ткани, служивший материалом для куклы, несет в себе важную информацию. Можно смело предположить, что это фрагменты тех самых тканей, продававшихся на местных ярмарках (Кояндинская, Таиыншыкульская и др.). Таким же образом можно более внимательно рассмотреть и другие аспекты материальной культуры, как например промыслы и т.д.

Место юрты в материальной и духовной жизни традиционного казахского общества хорошо изучено. Чего нельзя сказать о зимовках, ведь их появление связано с сокращением пастбищных земель, изменением маршрутов кочевок, колониальным периодом и по хронологическим рамкам существенно уже, чем бытование традиционного жилища (середина XIX – начало XX веков). Возникает вопрос: можно ли наделять временное жилище теми же характеристиками и сакральным, семиотическим содержанием, что и юрту?

Главное назначение зимовок – спасение скота от падежа в самый суровый период года. Человек в этих обстоятельствах вторичен. Жилище должно лишь защищать от холода и служить ночлегом и местом приготовления пищи. На многочисленных примерах изученных зимовок мы видим, что конструкция жилого дома предельно простая. Это прямоугольной формы дома из деревянного сруба и саманных кирпичей, и других подручных строительных материалов, в которых от двух до четырех смежных комнат небольшой площади с печью в центре. Кровля домов плоская, покрытая дерном. В отличие от практик земледельческих культур, где символика жилища складывалась на протяжении большого периода времени, где можно говорить о семиотике пространства, и наделении каждого элемента жилища определенным семантическим содержанием, зимовка, – это

не главное пространство для казаха. Она не может сравниться с юртой по своему философскому, сакральному содержанию. Вероятно, поэтому до современности в большей мере дошли обряды, практики, и знания о каждом элементе убранства юрты. Ведь они играли центральную роль в повседневной жизни казахского общества, на протяжении многих веков развивались и продолжают бытовать в живой культуре. О зимовках, которые существовали сравнительно недавно, мы знаем гораздо меньше и это неслучайно. Назначение этих построек функциональное. Таким образом, не представляется верным наделять пространство временного жилища теми же качествами и смыслами, что и традиционное. Однако можно предположить, что в него могли быть «по умолчанию» перенесены привычные практики организации пространства по гендерному признаку (правая-левая/мужская-женская стороны) и наполнение в виде привычных предметов быта.

Для полноценной реконструкции казахских зимовок в виде средового музея необходимо привлечение предметов, являвшихся признаками своей эпохи. Это и денежные средства, бытовавшие в то время, импортная посуда (производство «Товарищества производства фарфоровых, фаянсовых и майоликовых изделий М.С. Кузнецова») и многое другое.

Особенно важным представляется изучение литературных, поэтических, музыкальных традиций того времени. В каждом регионе Казахстана есть свое уникальное наследие, которое важно транслировать, особенный, часто трагический, но важный исторический опыт, который нужно осмыслять. Создание реконструкций зимовок в виде средовых музеев позволит не только отчетливее представить материальную культуру повседневной жизни предков, но и понять их мировосприятие.

Список литературы

Бейсенов А.З. К.А. Акишев и вопросы изучения памятников казахского времени // Маргулановские чтения – 2019: Материалы Международной археологической научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. Нур-Султан, 2019. 704 с. (10-38).

Бейсенов А.З., Шашенов Д.Т. Қазақ қыстау бойынша орталық Қазақстанда 2021 жылы жүргізілгін археологиялық зерттеулер // «Қазақстандағы археологиялық зерттеулер - 2021» ғылыми мақалалар жинағы. Астана: Қазақстан Республикасы Ұлттық музейі, 2022. 416 б.

Валиханов Ч.Ч. Зимние кочевки волостей Каркаралинского внешнего округа. Собрание сочинений в пяти томах. Том 4. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985, с., 21,5 см.

Прищепова В.А. Коллекции заговорили. История формирования коллекций МАЭ по Средней Азии и Казахстану (1870-1940). СПб.: МАЭ РАН, 2000. 269 с.

Попова Л.Ф. Народы Казахстана и Средней Азии // «Славяне Европы и народы России». К 140-летию первой этнографической выставки 1876 года. Российский этнографический музей. СПб.: Славия, 2008. С. 220-233.

УДК 902.34 (574.54)

А.А. Тажекеев, Р.Т. Дарменов, Ж.К. Султанжанов

Организация охранной зоны и консервационные работы на средневековых памятниках Восточного Приаралья *

Аннотация. В статье представлены результаты научно-реставрационных работ на памятниках Жанкент и Алтынасар, расположенных в низовьях р. Сырдарьи (Казалинский и Кармакшинский районы Кызылординской области). Городище Жанкент является одним из ключевых памятников при изучении истории средневековых огузов. Данный памятник с 2005 г. исследуется Джанкентской археологической экспедицией. В его изучении применяются методы археологических и междисциплинарных исследований. С 2014 г. наряду с археологическими раскопками ведутся работы по организации охранной зоны и мероприятия по консервации. Поэтапный метод реставрации, использованный на Жанкенте и Алтынасаре, уже несколько десятилетий успешно применяется при реставрации памятников истории и культуры Республики Казахстан, в том числе городищ Отрар, Сауран, Сыганак. Такой метод показывает свою эффективность, демонстрируя хорошую сохранность архитектурных конструкции памятников.

Ключевые слова: низовья р. Сырдарьи, Жанкент, Алтын-Асар, средневековье, музеефикация, охранная зона, реконструкция, консервация

Аннотация. Мақалада Жәнкент және Алтынасар ескерткіштеріндегі ғылыми қалпына келтіру жұмыстарының нәтижелері ұсынылған. Бұл ескерткіштер Сырдария өзенінің сағасында (Қызылорда облысы Қазалы және Қармақшы аудандары) орналасқан. Жәнкент қалашығы ортағасырлық оғыздардың тарихын зерттеудегі басты ескерткіштердің бірі болып саналады. Бұл ескерткішті 2005 жылдан бастап Жәнкент археологиялық экспедициясы зерттеуде. Зерттеу барысында археологиялық және пәнаралық зерттеу әдістері қолданылады. 2014 жылдан бастап археологиялық қазбалармен қатар қорғау аймағында ұйымдастыру жұмыстары және сақтау шаралары өткізіледі. Жәнкент пен Алтынасарда қолданылған қалпына келтірудің кезеңдік әдісі бірнеше онжылдықтар бойы Қазақстан Республикасының тарих және мәдениет ескерткіштерін қалпына келтіруде сәтті қолданыста. Бұл әдіс Отырар, Сауран және Сығанақ қалашықтарында өзінің тиімділігін көрсетті. Қалпына келтірудің кезеңдік әдісі ескерткіштердің архитектуралық конструкцияларының жақсы сақталуын көрсетеді.

Түйін сөздер: Сырдария өзенінің сағасы, Жәнкент, Алтынасар, ортағасыр, музейлендіру, қорғау аймағы, қайта құру, сақтау шаралар

На территории нашей страны сконцентрировано множество ценных памятников истории и культуры. Многие из этих объектов поистине уникальны и могут быть отнесены к мировым сокровищам культуры. Сохранение культурно-исторического наследия – основа дальнейшего развития общества, это конституционная обязанность каждого гражданина страны. Однако физическое состояние более половины, находящихся под охраной государства памятников истории и культуры Республики Казахстан продолжает ухудшаться и характеризуется в наше время как неудовлетворительное. Это, в первую очередь, происходит по причине несоблюдения, а порой открытого игнорирования Закона РК «Об охране и использовании историко-культурного наследия».

***** *Работа выполнена в рамках научного проекта № AP19578213 «Актуализация археологического наследия Восточного Приаралья (систематизация новых архивных данных Хорезмской археолого-этнографической экспедиции)» финансируемого по гранту Комитета науки МОН РК.*

В 2007 году в данный закон была внесена поправка, в которой говорится, что до отвода земельного участка должны проводиться исследования по выявлению объектов историко-культурного наследия. Казахстанские ученые, архитекторы, музееведы и все заинтересованные лица из года в год на симпозиумах и конференциях напоминают о необходимости бережного отношения к историческим и культурным памятникам.

В современной архитектуре существует множество проблем. Самой значительной из них является утрата памятников. Историко-архитектурное наследие относится к тем ценностям культуры, которые способствуют сохранению национальной идентичности и представляют собой материальные свидетельства жизни и деятельности людей, живших до нас. Культура стоит в числе стратегических приоритетов устойчивого развития страны в период глобализации, а среди главных угроз национальной безопасности в сфере культуры названы противоправные посягательства на ее объекты.

В связи с этим, реконструкция исторических памятников, поддержка местных традиций и обычаев и сохранение историко-культурного наследия народа Казахстана является необходимым требованием для их возрождения и востребованности. Использование культурного наследия в качестве приоритетного ресурса будет способствовать социально-экономическому развитию данных городов. В настоящее время низкий уровень туристической привлекательности культурно-исторического наследия городов Республики Казахстана не способствует формированию условий для их сохранения и устойчивого развития. Государственная охрана объектов культурного наследия – одна из важных отраслей социально-экономического развития городов. Утраты культурных ценностей невосполнимы и необратимы. Накапливание и сохранение культурных ценностей – основа развития цивилизации.

В стратегии развития Закона РК «Об охране и использовании историко-культурного наследия» на данный момент выделены направления, предполагающие создание мемориальных историко-культурных комплексов, реконструкцию и полное восстановление архитектурных памятников. Очень важной задачей является развитие устойчивого интереса к архитектурному наследию как у властей на республиканском уровне, так и у местного. Обеспечение населения комфортной и при этом эстетичной культурной средой в итоге уменьшит отток молодых специалистов и в целом жителей города, способствуя улучшению не только демографической ситуации. К сожалению, современное индустриальное градостроительство рождает крупные торговые, развлекательные центры, обширные жилые массивы, которые иногда вопиющим образом противоречат существующей исторической «ткани» городского ландшафта. В результате происходит обесценивание исторической застройки и среды города, полное исчезновение архитектурного стиля. Новые сооружения зачастую являются лишь функционально пригодными. Их стандартный дизайн в совокупности с типовыми, будто штампованными, элементами внешней отделки формирует массивы схожих объектов, быстро и легко возводимых, но не несущих того благотворного эмоционального заряда, которым обладают старинные здания. Стоит отметить, что в настоящее время проблема сохранения историко-архитектурного наследия городов Республики Казахстан становится приоритетной и для органов верховной власти, о чём свидетельствуют и воссоздание в областях РГКП «По охране памятников истории и культуры».

Другим немало важным аспектом, кроме юридического статуса по сохранению историко-архитектурных памятников является ремонтно-восстановительные работы. В настоящее время в Кызылординской области проводятся консервация и реставрация археологических памятников Джетыасарского урочища и на городище Джанкент. Мы имеем достаточно археологических работ, в которых подробно рассмотрена история изучения памятников Жанкент и Алтынасар. Результаты новых исследований в этих городах также публикуются ежегодно. Поэтому мы считаем, что нет необходимости останавливаться

на истории исследования (Толстов, 1962; Левина, 1996; Аржанцева, 2013; Комплексные исследования..., 2014; Аржанцева, Болелов, Тажекеев, 2018; Arzhantseva I., Gorshenina S., 2018; Harke et al, 2020; Haruda et al, 2020; Аржанцева, 2020).

Городище Жанкент расположено в 1,5 км к югу от села Жанкент (Казалинский район, Кызылординская область), в низовьях р. Сырдарьи. Городище имеет форму, близкую к прямоугольной, общая площадь составляет около 16 га. Оно обведено стенами с встроенными в них башнями, выступающими полукругом с внешней стороны стен. Фортификационные сооружения возведены из пахсовых блоков. Хорошо сохранилась восточная стена, в середине которой находятся ворота с двумя выносными башнями. На топографическом плане городища, отснятом Б.В. Андриановом и Н.И. Игонином в 1963 г. (Аржанцева, Рузанова, 2010, рис. 9), обозначено углубление, возможно указывающее на местонахождение западных ворот. Как видно на аэрофотоснимках, город делится центральной улицей на две равные части. По обе стороны улицы расположен «шахристан», в северо-западной части городища находится цитадель размером 110×110 м. Современные исследователи Жанкента, основываясь на типологии городищ Г.В. Шишкиной и О.Н. Иневаткиной, отнесли Жанкент к типу I.2 «город, укрепленный цитаделью в черте городской ограды» (Комплексные иссл., 2014, с. 293).

В 2020 г. на городище Жанкент выбраны два объекта для консервации и реставрации:

1) Восточная оборонительная стена городища. В данный момент это единственная часть оборонительной стены, которая сохранилась. Стена сильно повреждена процессом эрозии и выветриванием. Здесь отреставрировано и укреплено 12 объектов.

2) Другим объектом восстановления и укрепления является цитадель. Здесь на северо-западной стене обводной стены цитадели проведены археологические работы по очистке и укреплению оборонительных стен и круглых башен. Общая длина вскрытого участка составляет более 100 м. Диаметр оборонительных башен – 6-7 м, а расстояние между ними 16-17 м. В ходе археологических работ по расчистке оборонительных башен выяснилось, что они были повреждены поздними погребальными сооружениями.

3) Раскоп № 1 – жилищно-хозяйственный комплекс в восточной части городища. В данное время на раскопе № 1 выявлено три строительных периода, открыты и изучены более 60 жилых помещений. Среди них помещения № 1–10 реконструированы. Стены помещения приподняты на 4–5 рядов сырцовых кирпичей, также стены, суфы, центральные очаги этих помещений отштукатурены саманной массой. Изготовлены копии очажных подставок и тандыров помещений (рис. 1).

Рис. 1. Реконструкция сырцовых конструкций на раскопе № 1 городища Жанкент

Городище Алтынасар (Жетиасар №3) расположено в 54 километрах южнее поселка Жосалы Кармакшинского района Кызылординской области. Памятник открыт и исследован в 1948, 1958 гг. Хорезмской археолого-этнографической экспедицией под руководством С.П. Толстова. В 1978-1986 гг. раскопками занимались сотрудники Хорезмской экспедиции (С. Б. Болелов и А.Н. Гертман).

Расположенный на западной оконечности центральной части урочища комплекс Алтынасар представлен четырьмя разновременными крепостями, заключенными внутри одной крепостной стены. Наиболее ранним из них является так называемый

«Малый дом» с его высокой круглой в плане центральной площадкой и гораздо более низкой подовальной в плане второй площадкой. Возникший, очевидно, не позднее VII-VI вв. до н.э. «Малый дом» находится в северо-восточном углу комплекса Алтын-асар. Вероятно, не позднее последних веков до н.э. южнее «Малого дома» было возведено также двухъярусное городище «Большой дом», центральная часть которого, судя по аналогии с другими джетыасарскими городищами, представляла собой также двухэтажную крепость. Приблизительно в середине первого тысячелетия н.э. построены крепостные стены с многочисленными башнями, оборонительным коридором, ограничивавшие территорию, площадью 17 га и включавшими в себя оба ранних городища и одновременную стенам круглую в плане крепость на северо-западном углу комплекса. К самым поздним постройкам Алтын-асара относится подквадратная (точнее, пятигранная) в плане крепость, воздвигнутая на культурных слоях второй площадки «Большого дома».

Реставрационные работы на городище Алтынасар начались в 2020 году и, в течение двух полевых сезонов работы проводились на двух объектах.

1) в 2020 году работы велись на подквадратной в плане крепости (караван-сарай). Сохранность крепости не удовлетворительна. Сохранившаяся высота передних ворот 6-8 м, а в задней части стены снесены и сохранились лишь в виде оплывшего бугра.

2) в 2021 году работы проводились по восстановлению круглой в плане крепости на северо-западном углу комплекса (рис. 2; 1-4). Диаметр здания – 51 м, толщина стен – 2,5 м, сохраненная высота – около 4,5-5 м. Здание сильно оплыло и пострадало от эрозии.

Визуальный осмотр выявил, что они страдают от нескольких главных процессов эрозии:

- непосредственное воздействие дождей на кирпичные конструкции;
- циркуляция воды и скопление ее внутри конструкции;
-циркуляция дождевой воды внутри структурных элементов;
-сочетание влаги и воды и ее замерзание в структурных конструкциях;
-наличие высокого уровня грунтовых вод вокруг памятника;

Рис. 2. Консервация и реставрация сырцовых стен городища Алтын-Асар

- произрастание растений;

- присутствие людей, домашних животных.

Для ликвидации и стабилизации состояния первоначального облика архитектурных памятников старины требуется ряд действий в долгосрочном плане; во-первых довести конструкцию до такого состояния, когда возможность разрушения будет минимальной, во-вторых, разработать систему мониторинга минимального содержания. Оно имеет следующие действия:

- выбор зон, требующих вмешательства и сооружения, находящихся под угрозой разрушения;

- реализация первоочередных мер по профилактической консервации;

- проведение ряда неотложных работ по остановке процессов разрушения;

В период ремонтно-восстановительных работ на памятнике также нужно учитывать историческую среду. Исторический облик памятника должен быть приоритетным направлением в сохранении архитектурного наследия в исторических городах.

В связи с этим восстановительные работы на всех вышеперечисленных объектах проводились археолого-реставрационным методом:

1) очистка основания стен;

2) уплотнение поверхности;

3) заполнение глиной образовавшихся в ходе эрозии ям;

4) укрепление основания стены с помощью каменной кладки. Каменная выкладка используется, во-первых, для создания плотного слоя в основании сырцовых стен, во-вторых, для снижения давления на основания сырцовых стен и, в-третьих, для предотвращения капиллярного всасывания грунтовых вод в сырцовую структуру. Камни должны быть соответствующих размеров (не менее 50 см в ширину и не более 6 см в толщину), чтобы устранить напряжение внутри них;

5) изготовление крепежного устройства из дерева при высоте стен более 2 метров из деревянных досок диаметром 10 см с шагом в 0,5 м Крепеж устанавливается поверх каменного основания для создания защитного каркаса;

6) выкладка каркаса стены, глиняным кирпичом 40×20×10 см на глиняном растворе.

7) оштукатуривание раствором из глины и соломы (саман);

8) оштукатуривание стены вторым слоем раствора глины с рисовой шелухой.

Таким образом, проведенные в последние годы реставрационные работы на городищах Жанкент и Алтынасар позволило сохранить исторический облик данных памятников. Работы в этом направлении ведутся и на археологических памятниках других регионов страны (Отрар, Сауран, Туркестан, Сыганак и др.).

Несмотря на поддержку со стороны государственных органов, к сожалению, у нас есть проблемы, связанные, в первую очередь, с отсутствием квалифицированных кадров реставраторов-музееведов, архитекторов-реставраторов и необходимых методик.

На сегодняшний день для Казахстана актуально обучение и повышение квалификации и без того небольшого количества реставраторов, специалистов в области консервации памятников. Нам интересны методики консервационных, реставрационных работ наших коллег из Азии и Европы, в том числе и опыт Корейской Республики. Нам также интересны и совместные проекты по этим вопросам. Мы готовы сотрудничать и обмениваться опытом и достижениями казахстанской науки, перенимать опыт наших зарубежных коллег.

В заключении хотелось бы отметить, невозможно описать ту колоссальную работу, которая проводится в Казахстане. Необходимо сделать еще больше, для сохранения тех культурных памятников, отражающих историю великой кочевой цивилизации, опоясывавшей обширную территорию Евразийского континента, которые являются достоянием не только Казахстана, но и всего мира.

Список литературы

Аржанцева И.А., Рузанова С.А. Городище Джанкент и проблема «болотных городищ» // Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура (Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Г.В. Шишкиной). М.: Государственый музей Востока, 2010. С. 11-13.

Аржанцева И.А. Имперская археология и археологические империи: Советская Хорезмская археологическая экспедиция. Этнографическое обозрение. №4. 2013. С. 80-106.

Аржанцева И.А., Болелов С.Б., Тажекеев А.А. Хорезм экспедициясының Сыр өңіріндегі зерттулерінің тарихы. Москва: ОЛЕБАУК баспасы, 2018. 312 б.

Аржанцева И.А. Начальный этап работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Казахстане (архивные материалы 1946-1951 гг.). Маргулановские чтения 2020: материалы международной научно-практической конференции «Великая степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17-18 сентября 2020 г.). Алматы: Институт Археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 1. С. 67-80.

Комлпексные исследования городища Джанкент (работы 2011-2014 гг.) / сост.: И.А. Аржанцева, А.А. Тажекеев. Алматы, Издательство «Арыс», 2014. 320 с.

Қазақстан Республикасының тарихи-мәдени ескерткіштерінің жинағы. Қызылорда облысы. Алматы: Аруна, 2011. 504 б.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. — I тысячелетие н.э. // М., 1996. 396 с.

Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т. Назаров А.Ж. Полевая консервация и укрепление сырцовых памятников в Приаралье. Маргулановские чтения 2020: материалы международной научно-практической конференции «Великая степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17-18 сентября 2020 г.). Алматы: Институт Археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 1. С. 211-218.

Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Назаров А.Ж. Опыт консервации и музеефикации городища Джанкент: проблемы и перспективы. Маргулановские чтения – 2021: материалы международной научно-практической конференции «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26-27 октября, 2021 г.). В 3-х томах. Алматы, 2021. С. 125-131.

Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Султанжанов Ж.К. Организация охранной зоны и консервационные работы на городище Джанкент. Археология Казахстана. №1 (7). 2020. С. 88-97.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. 324 с.

Arzhantseva I., Gorshenina S. The Patrimonial Project of Dzhankent. Constructing a National Symbol in the longue duree. Ancient civilizations from Scythia to Siberia 24 (2018) 467-532.

Harke H., Arzhantseva I.A., Tazhekeev A.A., Bronnikova M., Modin I.N., Panin A.V. Interdisciplinary fieldwork at Jankent: Exploring early medieval urbanization on the lower Syrdarya. Margulan readings – 2020: proceedings of the international scientific practical conference “Great Steppe in the light of archaeological and interdisciplinary research” (Almaty, September 17-18, 2020). Almaty: A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2020. Vol. 1. 219-229 pp.

Haruda, A. f., Ventresca, Miller A. R., Paijmans, J. L. A., Barlow, A., Tazhekeyev, Azilkhan, Bilalov, S., Hesse, Y., Preick, M., King, T., Thomas, R., Harke, H., Arzhantseva, I. (2020). The earliest domestic cat on the Silk Road. Scientific Reports. 10:11241. doi:10.1038/s41598-020- 67798- 6.

Авторлар туралы мәліметтер

Абильмаликов Қуаныш Қабдулұлы, «Ботай» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының ғылыми қызметкері. Қазақстан. СҚО, Айыртау ауданы.

Амиров Ерлан Шарефович, «Археологиялық сараптама» ЖШС директоры
директор ТОО «Археологическая экспертиза»

Артықбаев Жамбыл Омарович, тарих ғылымдарының докторы, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры

Біләлова Гүлзат Дулатқызы, PhD, Postdoc, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті

Ганиева Айнагуль Сабитовна, тарих ғылымдарының кандидаты, «Бозоқ» музей-қорығының ғылыми хатшысы

Горячев Александр Анатольевич, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының жетекші ғылыми қызметкері

Дарменов Рустем Тұрарбекұлы, ҚР Ұлттық музейінің «Мәдени мұра» ҒЗИ тарихи-мәдени мұра бөлімінің басшысы

Дукомбайев Азамат Талғатұлы, КеАҚ «Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің» Ғылым департаментінің ғылыми жобалар басқармасының бас маманы

Ильдеряков Николай Николаевич, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Астанадағы Филиалының ғылыми қызметкері

Құрманиязов Ыслам Серікұлы, гуманитарлық ғылымдар магистрі, Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті «Археология және этнография» ғылыми орталығының ғылыми қызметкері.

Кызласов Игорь Леонидович, Тарих ғылымдарының докторы, Ресей Ғылым академиясы Археология институтының ортағасырлық археология бөлімінің бас ғылыми қызметкері (Мәскеу қ.).

Кунанбаева Шолпан Боранбаевна, PhD, «Бозоқ» музей-қорығының жетекші ғылыми қызметкері

Лапин Николай Сершеевич, «Жошы Ұлысы» ғылыми зерттеу институтының жоба жетекшісі

Лошакова Татьяна Николаевна, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының аға ғылыми қызметкері

Ошанов Орынбай Жанабайұлы, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Астанадағы Филиалының аға ғылыми қызметкері

Пересветов Георгий Юрьевич, Г.Н. Потанин атындағы Павлодар
облыстық тарихи-өлкетану музейінің бас маманы

Сапарова Камеля Серікқызы, ҚР Ұлттық музейінің ғылыми-әдістемелік бөлімінің кіші ғылыми қызметкері

Сатубалдина Айгерим, гуманитарлық ғылымдар магистрі, ҚР Ұлттық музейі, ғылыми жоба аясында кіші ғылыми қызметкері

Сәкенов Сергазы Қайырбекұлы, PhD, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Астанадағы Филиалының жетекші ғылыми қызметкері

Сұлтанжанов Жетесби Қанапияұлы – Қорқыт Ата атындағы Қызылорда мемлекеттік университетінің «Археология және этнография» ғылыми зерттеу орталығының ғылыми қызметкері

Тәжекеев Әзілхан Әуезханұлы **–** тарих ғылымдарының кандидаты, А. Х. Марғұлан атындағы Археология институты Астана қаласындағы филиалының директоры

Тихонов Юрий Борисович, «Ботай» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының реставратор маманы. Қазақстан. СҚО, Айыртау ауданы.

Хабдулина Марал Қалымжанқызы, тарих ғылымдарының кандидаты, доцент, К. Ақышев атындағы Археология ҒЗИ директоры

Шақшақов Қуаныш Ғибадатұлы, «Ботай» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының директоры Қазақстан. СҚО, Айыртау ауданы.

Ярыгин Сергей Александрович, PhD, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Астанадағы Филиалының жетекші ғылыми қызметкері

Ғылыми басылым

"Бозоқ" мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының
Ғылыми кеңесімен жариялымға ұсынылды

"Қазақ даласындағы үй құрылысы: дәстүрлері мен ерекшеліктері"

халықаралық дөңгелек үстел материалдар жинағы

ISBN 978-9965-23-628-0

Басуға 30.11.2023 ж. қол қойылды
Пішімі 60x84 1/8
Офсеттік басылым. Таралымы 100 дана
Мұқабаның дизайны: Б. Жапаров

«Alkiona» типографиясында басылды